

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editors-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Колонка главного редактора

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

УДК 001.89

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изложена история институционализации профессионального социологического образования в Беларуси. Отмечается, что открытие в 1989 г. отделения социологии и кафедры социологии на вновь созданном философско-экономическом факультете Белорусского государственного университета (с 1999 г. – факультет философии и социальных наук) стало заметным событием в истории науки и образования Беларуси. Это позволило завершить институционализацию социологического образования и начать подготовку профессиональных социологических кадров. Последующее развитие системы университетского социологического образования показало правильность принятого 30 лет назад решения. Профессорско-преподавательский состав кафедры социологии, выпускники отделения вносят свой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов-социологов, развитие социологической науки, устойчивое функционирование современного социума.

Ключевые слова: институционализация; социология; Беларусь; социологическое образование; кафедра социологии; Белорусский государственный университет.

Образец цитирования:

Данилов АН. Институционализация профессионального социологического образования в Беларуси: истоки и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:4–13.

For citation:

Danilov AN. Institutionalization of professional sociological education in Belarus: origins and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:4–13. Russian.

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

INSTITUTIONALIZATION OF PROFESSIONAL SOCIOLOGICAL EDUCATION IN BELARUS: ORIGINS AND PROSPECTS

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the history of institutionalization of professional sociological education in Belarus. It is noted that the opening in 1989 of the department of sociology and the Department of sociology at the newly established philosophical and economic faculty of the Belarusian State University (since 1999 – the faculty of philosophy and social sciences) was a significant event in the history of science and education. It allowed to complete the institutionalization of sociological education and to begin training of professional sociological personnel in Belarus. The subsequent development of the system of university sociological education showed the correctness of the decision taken 30 years ago. The teaching staff of the department of sociology, graduates of the department contribute to the training of highly qualified specialists-sociologists, the development of sociology, in the sustainable functioning of modern society.

Keywords: institutionalization; sociology; Belarus; sociological education; department of sociology; Belarusian State University.

Введение

Открытие 30 лет назад в Белорусском государственном университете социологического отделения и кафедры социологии было веховым событием в развитии гуманитарного знания. С учетом нелегкой судьбы этой науки ее открытое признание стало демонстрацией политической воли, искренним порывом власти к демократическим преобразованиям, попыткой взглянуть на общество со стороны, оценить перспективы его развития, а также отразило логичное желание использовать столь мощный потенциал для минимизации наступающих испытаний.

С позиций прожитых лет можно отметить: что-то, конечно, сработало, а что-то не получилось, но главное заключается в том, что начала складываться система подготовки профессиональных социологических кадров, а социология, еще недавно осуждаемая как «лженаука», оказалась серьезной академической и необходимой дисциплиной, обладающей такой уникальной и важной для любых управленцев прогностической функцией. В кризисные, переходные периоды развития общества социология имеет возможность выработать научно обоснованные прогнозы по поводу тенденций раз-

вития социальных процессов, представить альтернативные сценарии будущего, определить диапазон ресурсов, открывающихся перед людьми на данном историческом этапе, рассчитать вероятные потери и долгосрочные последствия. Социологии также присуща амелиористская (фр. *amelioration* – улучшение) компонента, т. е. возможность путем регулярных мониторинговых замеров своевременно выявлять и упреждать (или хотя бы минимизировать) различные нарушения нормального хода социальных процессов, появление деструктивных явлений в сфере коммуникаций, институтов и общностей.

В истории развития белорусской социологии вполне оправданно выделяются три этапа. Начало первого этапа (1920–50-е гг.) озаглавлено открытием Белорусского государственного университета (1921). Репрессии 1930-х гг., Вторая мировая война, восстановление разрушенного хозяйства надолго задержали развитие социологической науки. Второй этап (1960–1990) связан с возрождением социологии, признанием необходимости ее развития. Третий этап (с 1991 г. по настоящее время) характеризуется развитием социологии в суверенной Беларуси.

Истоки

Предыстория развития социологии в Беларуси основана на достижениях национальной культуры, всей социально-политической мысли, истоки которой восходят к деятельности Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого и многих других религиозных и общественных деятелей Беларуси [1]. Социологическая наука и образование сформировались в XX в. [2, с. 190–202]. Их путь был долгим и тернистым.

Социологическая мысль в дореволюционный период, несмотря на явное противодействие влас-

тей, развивалась в общем русле мировой социологии, постепенно приобретая все признаки самостоятельной научной дисциплины, значение которой постоянно возрастало. По инерции это развитие продолжалось и в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. Переводились на русский язык книги многих западных специалистов (например, Г. Тарда, З. Фрейда), работали крупные ученые и общественные деятели, такие как Н. А. Бердяев, А. А. Богданов, С. Н. Булгаков, Г. В. Вернадский, П. А. Кропоткин, С. Г. Струмилин и многие другие,

отстаивавшие свои оригинальные концепции общественного развития.

В 1918 г. был открыт Социобиблиографический институт, основные цели деятельности которого состояли в популяризации социологических знаний, создании базы данных, собирании материалов по социологии, социальным наукам и, главное, в проведении в стране конкретных социологических исследований. В 1920 г. на факультете общественных наук Петроградского университета была открыта кафедра социологии, которую возглавил П. А. Сорокин, где в качестве обязательных курсов студентам читались лекции по системе социологии (П. А. Сорокин), генетической социологии (К. М. Тахтарев), истории социологических учений (В. В. Святловский). В 1920-х гг. создается целая серия учебной литературы по социологии. Наконец, в 1921 г. был образован «Кружок объективного изучения – массового и индивидуального – поведения людей», объединивший усилия биологов и социологов, занимавшихся исследованием действий и поступков человека. Почетным председателем кружка стал нобелевский лауреат академик И. П. Павлов, а председателем – П. А. Сорокин.

В первые послереволюционные годы новая власть, будучи занятой неотложными военно-хозяйственными делами, отдала вузовское образование в руки старой дореволюционной профессуры, которая хотя и пыталась осмыслить суть происходивших событий, однако в целом не разделяла слишком радикальных преобразований в обществе. Сохранялись и некоторые старые формы управления вузами. Так, еще в 1922 г. ими руководили коллегии профессоров. В этих условиях по всей стране стали создаваться новые вузы с четко обозначенной прокоммунистической программой обучения. Именно в этот период в Беларуси создается ряд новых учебных и научных центров, в том числе Белорусский государственный университет, первым ректором которого стал молодой ученый В. И. Пичета. В это же время в университете создается кафедра социологии и первобытной культуры (1921), которую возглавлял С. З. Каценбоген (понятие кафедры в то время отличалось от современного и означало предмет и того лектора, который этот предмет вел) [3, с. 65–73]. Студентам читались лекции по проблемам труда, экономике, праву, общей социологии, истории культуры, социологии семьи и брака. Все это говорит о тесной связи отечественной социологии с западной теоретической традицией. Правда, сама теоретическая мысль этого периода отличалась большим плюрализмом и крайней абстрактностью. В частности, одновременно развивались такие течения, как социальный дарвинизм, фрейдизм, эмпириомонизм, физиологическая социология, социальный энергетизм и др. [4].

В первые годы советской власти ученые ориентировались на проведение конкретно-социологи-

ческих исследований. Предполагалось, что они могут стать основой научного подхода новой власти к государственному управлению. Многие экономические, демографические, историко-политические исследования включали в себя социологические мотивы. Масштабы научно-исследовательской работы в области социальной проблематики значительно расширились после открытия в 1922 г. Института белорусской культуры (Инбелкульт) [5], который возглавил В. М. Игнатовский. В это время были организованы систематические исследования в области социально-экономических и социально-культурных проблем развития белорусской нации (Е. Ф. Карский, С. М. Некрашевич), динамики социальной структуры белорусского общества (В. М. Игнатовский, М. В. Довнар-Запольский), социологии семьи и религии (С. Я. Вольфсон, Б. Э. Быховский), образования и воспитания (С. М. Василейский, А. А. Гаваровский, С. М. Риверс) [6, с. 92–103].

Важную роль в развитии социально-экономических исследований сыграла система статистической информации. Формирование органов государственной статистики завершилось в Беларуси в 1922 г. Многие статистические обследования по предмету и характеру представляли собой тип прикладных социологических разработок. Статистика и конкретная социология взаимно дополняли друг друга. Появляется все больше социологических работ, построенных на статистических данных или данных, полученных специальными эмпирическими методами [7, с. 16–80].

В 1927 г. в Минске вышла коллективная монография «Рабочая молодежь в Беларуси. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние», подготовленная коллективом кафедры социальной гигиены БГУ во главе с Б. Я. Смулевичем, вполне соответствовавшая стандартам прикладного социологического исследования. В этом же году под руководством С. М. Василейского было проведено выборочное исследование ценностных ориентаций и уровней культурного развития отдельных групп молодежи Беларуси. В его книге «Введение в теорию и технику психологических, педагогических и психико-технических исследований» впервые в отечественной науке был дан систематический анализ основных методов конкретного социологического исследования. Под руководством П. Я. Панкевича изучались образ жизни, состояние нравственного сознания и быта белорусского студенчества. Интерес также представляет работа С. Я. Вольфсона «Социология брака и семьи», вышедшая в Минске в 1929 г., и ряд других публикаций. Таким образом, социология в Беларуси развивалась в общем русле мировой социологической мысли, постепенно приобретая все признаки самостоятельной научной дисциплины.

Казалось, после Октябрьской революции 1917 г. социология обрела все признаки социально значимой науки, однако результаты исследований все больше и больше входили в противоречие с основными тезисами и идеологическими установками новой власти. Этот конфликт стал ощущаться, когда конкретно-социологические исследования начали расходиться с теми утопическими проектами, которые новая власть обещала рабочим и крестьянам. Стали закрываться ранее созданные кафедры, научные общества и исследовательские центры социологии; были лишены званий и степеней старые работники вузов, а многих из них уволили с работы; наконец, ортодоксальных приверженцев старого мировоззрения арестовали или выслали за границу. Так, в 1922 г. большая группа ученых (до 160 человек), в основном философов, обществоведов и деятелей культуры, была выслана из страны: в нее вошли такие светочи русской науки и культуры, как С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин и многие другие. Именно в этой группе оказался и один из основоположников российской социологии П. А. Сорокин, позднее внесший заметный вклад в развитие американской социологии и мировой социологической науки в целом.

В 1920-х гг. на арену политической и идеологической борьбы в коммунистической России вышло новое поколение марксистов-управленцев, которые попытались по-новому осмыслить соотношение марксистской философии и социологии, что фактически привело к отождествлению исторического материализма с социологией. В этой «мясорубке» пострадали и белорусские обществоведы. В 1929 г. был смещен со своего поста первый ректор БГУ В. И. Пичета. Кафедра социологии и первобытной культуры в БГУ была закрыта, из учебных планов исключили все курсы социологии. Постепенно в научных кругах за социологией закрепляется ярлык «буржуазная лженаука», и она на долгие годы, вплоть до конца 1950-х гг., исключается из цикла общественных наук и упоминается лишь в критических исследованиях, посвященных трудам западных теоретиков. Современные исследования показывают, что официальных документов о запрете социологии в СССР не существовало. В реальной политике и научной практике социология продолжала свое существование в большинстве случаев в латентном виде или официально как марксистско-ленинская теория в 1930-х гг., а позднее, в 1950–70-х гг., – как исторический материализм [8, с. 105–113].

Возрождение

Прав Ж. Т. Тощенко, когда в интервью Б. З. Докторову сказал: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» [9, с. 149–170]. Это было связано с участием советской научной делегации в очередном Международном социологическом конгрессе (1956), хотя в то время в стране вообще не было структур социологического профиля. Еще до официального признания социологической науки в СССР опальный академик Г. Ф. Александров прочитал в 1956/57 учебном году для студентов четвертого и пятого курсов исторического и юридического факультетов БГУ курс лекций «История социологических учений», который вышел в 1958 г. отдельным изданием под названием «История социологии как наука» [10].

Только с середины 1960-х гг. начинается активный период возрождения социологической науки. Почему это стало возможным? В стране ощущалась потребность в знаниях, реально отражавших социальные процессы и противоречия, новых теориях прогнозирования и управления обществом управления в новых исторических условиях. К тому же стране необходимо было выходить из международной изоляции. В истории этот период получил название «хрущевская оттепель».

Социология в Беларуси быстро встала на ноги, в полном смысле слова возродилась. Сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие: не только тру-

ды социологов 1920–30-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др. Создавались новые подразделения, готовились кадры, возникла заводская социология: должности социологов были впервые введены в штатное расписание крупных предприятий, отраслевых институтов и органов управления. За пределами республики стали говорить о белорусской школе социологии. Серьезным достижением социологической науки стала разработка планов социального развития коллективов, регионов и республики в целом. План г. Минска был отмечен золотой медалью ВДНХ СССР, что в то время являлось высоким признанием. Заложенные в тот период традиции позволяют столице Беларуси сохранять высокий уровень не только в экономике, но и в социальной сфере, благоустройстве, развитии инфраструктуры и т. д. Большую роль в возрождении социологической науки в Беларуси сыграли профессор Г. П. Давидюк и академик Е. М. Бабосов [11, с. 88–114, 115–133].

В 1967 г. в Белорусском государственном университете создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ) [12], которая по праву стала колыбелью социологической науки и социологического образования в республике. Именно в ее структурах сформировалась плеяда ныне хорошо

известных в стране и далеко за ее пределами ученых, на плечи которых легли непростые задачи подготовки профессиональных кадров ученых-социологов и исследований актуальных проблем общественной жизни республики. С первых дней существования лаборатория стала изучать проблемы эффективности идеологической работы, с начала 1970-х гг. – проблемы студенческой молодежи, затем – семьи, трудовых коллективов и социального управления. Научно-исследовательская деятельность ПНИЛСИ была связана с реализацией крупных исследовательских проектов, разработанных на долгосрочной основе: например, «Формирование профессиональных ценностных ориентаций студентов в учебно-исследовательской системе вуза», «Проблемы воспитания старшеклассников в городской семье», «Изменение характера и содержания труда при социализме», «Эффективность функционирования республиканских средств массовой информации и пропаганды» [13]. В таких проектах, как правило, применялся целый комплекс взаимосвязанных исследовательских процедур: интервью с экспертами, наблюдение, контент-анализ разнообразных текстов (например, сообщений газет, радио и телевидения, редакционной почты), различные виды анкетного опроса (раздаточный, почтовый, прессовый), социальный эксперимент. В этих случаях при обработке эмпирических данных на ЭВМ, помимо одномерного и корреляционного анализа, использовались различные виды регрессионного, дискриминантного, факторного и кластерного анализа (по адаптированному в Вычислительном центре БГУ пакету программ).

Сегодня дело социологов ПНИЛСИ успешно продолжает Центр социологических и политических исследований БГУ (директор – профессор Д. Г. Ротман). Ученые центра сотрудничают с представительством ООН в Беларуси, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Постоянным комитетом Союзного государства России и Беларуси, Всемирным банком реконструкции и развития, министерствами и ведомствами Республики Беларусь.

Обобщение теоретических поисков и прикладных исследований стало основой для создания «Словаря прикладной социологии» [14], вышедшего в свет в 1984 г. (инициатор и ответственный редактор издания – Г. П. Давидюк, составитель – К. В. Шульга) и ставшего первым не только в Беларуси, но и в СССР. Словарь пользовался большой популярностью у социологов, управленцев разного уровня, а также студентов и преподавателей (в 1991 г. книга переиздана в дополненном и переработанном виде под названием «Социологический словарь»).

На протяжении 1970–80-х гг. социологи БГУ стали больше внимания уделять подготовке профессиональных социологов, выполнению многочис-

ленных заказов от предприятий и организаций по исследованию социальных проблем в конкретном трудовом коллективе для упреждения возможных конфликтов, выявления резервов повышения трудовой активности, определения эффективности принимаемых администрацией решений, совершенствования стиля работы руководителей всех уровней, оптимизации подбора и расстановки управленческих кадров. По примеру БГУ социологические структуры стали создаваться во всех ведущих вузах республики. Начинают формироваться отраслевые направления социологии – социология труда, организаций, семьи, образования, религии, личности, молодежи, девиантного поведения. В этот период в стране усиливается процесс освоения и критического осмысления опыта развития мировой социологической науки, большое внимание уделяется теоретическому анализу методологических проблем социологического знания, изучению социальной структуры общества, ее динамики, социальных перемещений.

Развитие социологии в БГУ связано с именем Г. П. Давидюка, который был приглашен в университет из Института философии и права АН БССР в 1972 г. и сразу поставил цель: развитие социологической специализации в ведущем вузе республики. Ему это удалось, и в середине 1970-х гг. было несколько выпусков философов с уникальной записью в дипломе «Философ. Прикладной социолог». Подобной специализации не существовало в других вузах СССР, и вскоре решением сверху эта специализация в Минске была закрыта [15]. Вклад Г. П. Давидюка в развитие социологии состоял в том, что он находился у истоков возрождения социологии в Беларуси, был инициатором и первым руководителем белорусского филиала Советской социологической ассоциации, создал первую научную структуру социологического профиля в рамках АН БССР, являлся самым успешным руководителем Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ, разработал популярную в то время в СССР концепцию прикладной социологии и написал первые учебники по этой дисциплине – «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Эти книги вышли в белорусских издательствах и сыграли положительную роль в подготовке первых поколений белорусских социологов. Всего за годы научно-педагогической деятельности Г. П. Давидюк подготовил 48 кандидатов наук, 12 из которых потом стали докторами философских и социологических наук. Ученый много раз представлял белорусскую социологию на международном уровне.

Вместе с тем ситуация в отечественной социологии 1970–80-х гг. оставалась противоречивой. С одной стороны, были достигнуты значительные

результаты в области эмпирических и прикладных исследований, организации преподавания социологических дисциплин, подготовке кадров высшей квалификации; появился ряд весомых работ, освещавших использование математических методов в социологии, анализировавших проблемы труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества (рабочего класса, интеллигенции, сельских тружеников). Активно исследовались темы, связанные с образованием, культурой, молодежью, рабочим и свободным временем, образом жизни, общественным

мнением, средствами массовой информации, развитием личности, советской семьи и др. С другой стороны, в научном сообществе нарастала обеспокоенность усилением социологического мифотворчества, снижением уровня востребованности теоретической и эмпирической социологии. Социологии по-прежнему отводилась роль источника лишь прикладного знания, функционировавшего в узких рамках, дозволенных партией. В трудную минуту социология оказалась неспособна спрогнозировать последствия надвигающегося катастрофы.

Кафедра

В 1988 г., с большим опозданием, правящая партия принимает постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Это решение не изменит ситуации в стране, но даст уникальный шанс в полном объеме реабилитировать социологическую науку в Советском Союзе и тем самым хоть в какой-то степени покаяться перед социологами за трагическое прошлое этой науки в нашем отечестве.

В соответствии с постановлением предстояло вывести социологию на качественно новую ступень развития, существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок, улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности. Необходимо было осуществить систему мер, направленных на обеспечение комплексности и результативности социологических исследований, развитие сети социологических институтов и центров, повышение роли служб социального развития на предприятиях и в организациях, коренное улучшение социологического образования и подготовки кадров социологов, создание научно обоснованной системы изучения общественного мнения, расширение информационной базы социологии, увеличение выпуска и повышение качества социологической литературы, улучшение материально-технического и финансового обеспечения научных разработок [16].

Как правило, в эти годы многие принятые постановления уже не выполнялись. Тем не менее буквально в считанные месяцы в структурах АН СССР стали открываться научные учреждения и подразделения социологического профиля. Институт социологических исследований АН СССР был преобразован в Институт социологии, в регионах – по мере необходимости и при наличии соответствующих кадров – поэтапно стали создаваться подобные научные структуры. Кардинально менялась ситуация в сфере социологического образования, подготовки, переподготовки и повышения квали-

фикации кадров. В 12 крупнейших университетах СССР открываются социологические факультеты и отделения, социологические лаборатории, создаются аспирантуры, докторантуры, формируется система советов по защите диссертаций по социологическим наукам, существенно увеличивается количество периодических изданий, научной, методической и учебной литературы по социологии. Основой методологической и методической базы учебного плана по новой дисциплине послужили немногочисленные изданные монографии, даже конспекты лекций высокопрофессиональных отечественных социологов, а также переводные книги.

В 1989 г. в БГУ было открыто отделение социологии на новом философско-экономическом факультете (с 1999 г. – факультет философии и социальных наук) и кафедра социологии (декан и первый заведующий кафедрой – профессор А. Н. Елсуков [17]). В АН БССР в 1990 г. открывается Институт социологии (директор-организатор – академик Е. М. Бабосов [18]). На всех факультетах в вузах Беларуси начинает читаться курс по общей социологии. Были подготовлены новые учебные программы, разработаны курсы лекций, учебники, стала активно издаваться научная и учебная литература социологического профиля. За прошедшие 30 лет произошли существенные перемены: сформировалась эффективная, адекватная времени система подготовки специалистов, о чем свидетельствуют достижения наших бывших студентов, которые работают в Беларуси, странах ближнего и дальнего зарубежья. Эстафету руководителя кафедрой социологии после А. Н. Елсукова принял профессор Д. Г. Ротман (2003–2005) [19], с 2005 г. кафедру возглавляет А. Н. Данилов.

Системный кризис конца 1980-х гг. предъявил новые требования к социологической науке: резко усилился интерес к исследованию социальных трансформаций белорусского общества, ценностных ориентаций различных социальных групп, проблемам роста политической активности населения, изучению стратификации и демографических характеристик общества, меняющегося под воз-

действием социальных, экономических и социально-психологических факторов. Особое внимание социологи Беларуси сосредоточили на различных аспектах анализа социального развития молодежи.

Перестройка породила новые возможности для развития социологической науки. С одной стороны, в условиях демократизации и гласности оказались востребованными новые формы организации политической работы, когда многое в общественной жизни страны было необходимо упреждать, а значит, изучать и прогнозировать последствия принимаемых решений. С другой стороны, начался период активной коммерциализации эмпирических исследований, значительно сократились ассигнования на развитие академической науки.

Кризис, связанный с распадом СССР, который проходил тяжело, неупорядоченно, болезненно, породил ряд немыслимых ранее процессов, по существу, привел к смене культурного кода. Затем – «парад суверенитетов», выбор дальнейшего пути самостоятельного развития бывшими республиками ранее единой страны, выработка внутренней и внешней политики, идеологии. Все это потребовало от ученых, и прежде всего от гуманитариев, социологов, новых социальных теорий и концепций, отвечающих на новые вызовы времени.

Надо признать, что в Минске были готовы к такому повороту событий. Социологи БГУ имели за плечами большую предысторию развития этой науки. Беларуси повезло в том, что здесь был свой лидер – профессор Георгий Петрович Давидюк. В университете сформировалась группа профессиональных социологов, готовых прийти работать на кафедру. Первый набор кафедры составляли профессор А. Н. Елсуков, доценты И. Я. Писаренко, А. П. Лимаренко, В. Л. Абушенко, лаборанты О. И. Логинова и Н. И. Плотникова. Вскоре в докторантуру на кафедру была зачислена доцент Л. Г. Титаренко.

Период 1990-х гг. был трудным в своей неопределенности. Стоял вопрос о будущем социологии. Выживали на неиссякаемом педагогическом энтузиазме. На кафедру пришли лучшие белорусские социологи из ПНИЛСИ БГУ: Д. Г. Ротман, С. Н. Бузова, Ж. М. Грищенко, К. Г. Лапич, О. Т. Манаев и др. После закрытия Института государственного управления на кафедру перешла профессор П. П. Украинец, а с кафедры философии – профессор Л. А. Гуцаленко. Из АН Беларуси была приглашена О. В. Терещенко. В 1990 г. выпускница философского отделения БГУ по специальности «Социология» Е. Е. Кучко получила распределение на вновь образованную кафедру, а через год туда пришла математик Е. А. Кечина, которая ранее работала на производстве. С увеличением объема учебной нагрузки отдельные курсы предложили читать ведущим академическим социологам: академику Е. М. Бабосову, доктору философских наук

Г. Н. Соколовой. После успешной защиты кандидатской диссертации в состав кафедры вошел Д. К. Безнюк. После переезда в Минск на кафедре начала работать доцент Л. В. Филинская (ранее – заместитель декана социологического факультета Харьковского государственного университета имени В. Н. Каразина). Сотрудником кафедры стала ведущий специалист Е. В. Филимончик, незаменимая для всех. Так сформировался костяк кафедры социологии.

В 2003–2005 гг. кафедру возглавлял известный белорусский ученый-социолог Д. Г. Ротман, директор Центра социологических и политических исследований БГУ, доктор социологических наук, профессор. Заметно расширились международные связи, акцент в образовании стал переноситься на закрепление практических навыков будущих выпускников; профессорско-преподавательский состав пополнился лучшими выпускниками социологического отделения, хорошо зарекомендовавшими себя в учебе, научно-исследовательской и практической работе. Многие из них уже защитили кандидатские диссертации: Т. В. Бурак, Н. В. Курилович, Ю. Г. Черняк, Е. Г. Павлова, Е. В. Шкурова. Были приглашены кандидаты социологических наук Г. П. Коршунов, Т. В. Щелкова, А. А. Пахомова. За последние годы на кафедре появились свои доктора социологических наук – Д. К. Безнюк (2006), Е. А. Кечина (2009), Е. Е. Кучко (2010), О. В. Кобяк (2016).

Молодежь все активнее заявляет о себе делами, творческим отношением к выполнению своих обязанностей. Более опытные преподаватели всячески стремятся помочь молодым преподавателям быстрее обрести педагогическое мастерство и опыт работы со студентами. Мы все на кафедре разные. Кафедра – живой организм, где постоянно происходит естественный отбор: кто-то приходит и остается навсегда, кто-то, испытав на себе все сложности современного преподавательского труда, понимает, что это не его путь, и вскоре уходит. И никаких обид, только благодарность за сотрудничество. Расставаясь, мы остаемся вместе, в одной профессиональной связке, стремимся постоянно поддерживать дружеские отношения, первыми прийти на помощь в трудную минуту. Наши преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты, вкусив неповторимую творческую атмосферу университетской жизни, навсегда остаются ее приверженцами. БГУ не просто популярный бренд, это в какой-то степени элитарный клуб. Это наш профессиональный облик, олицетворение отечественной университетской социологии, представляющей лидеров нашей науки уже завтрашнего дня. Знаю, что каждый на кафедре это хорошо понимает и ценит.

Основатели кафедры – Г. П. Давидюк, А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко – настоящие первопроходцы, подвижники. Им выпала в чем-то почетная, но

и очень трудная миссия – организовывать учебный процесс по новой дисциплине буквально с нуля. А. Н. Елсуков и его коллеги создали первый учебный план, программы новых курсов, подготовили учебники нового поколения. Ведущие профессора кафедры А. Н. Елсуков, П. П. Украинец, Л. А. Гуцаленко, Л. Г. Титаренко за первый кафедральный учебник «Социология» (под ред. А. Н. Елсукова), выдержавший пять изданий общим тиражом более 20 тыс. экземпляров, стали лауреатами высшей университетской награды – премии имени первого ректора БГУ академика В. И. Пичеты (2009).

В БГУ исторически сложился учебно-научно-практический кластер, где в постоянном научном контакте и исследовательском взаимодействии преподаватели, аспиранты и студенты кафедры социологии сотрудничают с Центром социологических и политических исследований, к которому недавно присоединился Институт социологии НАН Беларуси (его руководители – выпускники нашей кафедры Г. П. Коршунов и Ю. Г. Черняк).

За прошедшее тридцатилетие много воды утекло. Все поистине титанические усилия преподавателей первого набора трудно даже представить и перечислить. Выдержали, сделали, победили. Так был запущен этот маховик, который уже 30 лет работает без сбоев. И сегодня кафедра социологии в числе лучших. Она располагает высоким научным потенциалом, на ней работают ведущие специалисты разных поколений – так обеспечивается преемственность. Средний возраст сотрудников кафедры – немного за 40. Среди них – семь докторов социологических наук: А. Н. Данилов, Л. Г. Титаренко, А. В. Рубанов, Д. К. Безнюк, Е. А. Кечина, Е. Е. Кучко, О. В. Кобяк. Все сотрудники кафедры участвуют в научно-исследовательской работе, где осуществляются семь крупных научных проектов по линии БРФФИ, Министерства образования Республики Беларусь (Д. К. Безнюк, А. Н. Данилов, А. В. Рубанов, Л. Г. Титаренко, О. В. Кобяк, Ж. М. Грищенко), по программе ЕС «Горизонт – 2020» (Л. Г. Титаренко), а также в исследовательских проектах ЮНИСЕФ (С. Н. Бурова, Е. А. Кечина, Е. Е. Кучко). Кафедра развивает международные образовательные и научные связи: заключены договоры о сотрудничестве с Институтом социологии РАН, социологическими факультетами МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов и др. Преподаватели стажировались в ведущих мировых социологических центрах, для чтения лекций приглашаются известные ученые. Формируется новое поколение научной интеллигенции, современная генерация профессиональных ученых-социологов. За период существования кафедры выпущены более 1,5 тыс. высококвалифицированных специалистов. Наши выпускники востребованы и успешно конкурируют

на рынке труда как в Беларуси, так и за рубежом. Кафедра объединяет вокруг себя лучшие социологические силы страны, в состоянии ответить на новые вызовы времени. С 2000 г. на базе кафедры работает Белорусское общественное объединение «Социологическое общество». Сотрудниками подготовлены монографии, учебная литература, словари, хрестоматии, энциклопедии, которые соответствуют современному уровню социологической науки. Силами кафедры издается ведущий в стране «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», который пользуется высоким авторитетом и спросом на медиарынке. Ежегодно на конкурсной основе формируется аспирантура по специальностям 22.00.01 «Теория, методология и история социологии» и 22.00.08 «Социология управления». Две трети выпускников аспирантуры защищаются досрочно или в срок.

Сегодня социологическая наука востребована, ее результаты привлекают всеобщее внимание. Рейтинги политических лидеров и партий, электоральные предпочтения, данные об умонастроениях и ожиданиях разных категорий населения, оценки важных событий и государственных решений, общественное мнение о стратегических направлениях развития, векторах международной политики и интеграции, отношение к тем или иным теле- и радиопрограммам, печатным органам – все это важная часть социологической работы, и от ее качественного выполнения зависит степень познания обществом самого себя, а значит, и социальные настроения людей.

Профессия социолога открывает перед молодыми людьми широкую дорогу к признанию. Разве это не интересно – изучать социальные процессы, особенности взаимодействия различных социальных групп, происходящие в обществе перемены; видеть, как на твоих глазах в буквальном смысле этого слова меняется мир, преобразовывать его, осваивать новые технологии, строить IT-общество, включаться в киберпространство, чувствовать себя уверенно в цифровой экономике, использовать социальные сети для получения новых современных знаний, образования? При этом надо иметь научную мировоззренческую позицию, национальную идентичность, чувство гражданственности и патриотизма.

Социологическая наука и социологическое образование в Беларуси выходят на новые рубежи, стремятся соответствовать вызовам времени.

Из года в год расширяется подготовка студентов по социологическим специальностям. В настоящее время профессиональных социологов готовят, помимо БГУ, в Белорусском государственном экономическом университете, Могилёвском государственном университете имени А. Кулешова, Гродненском государственном университете имени Янки Купалы и других университетах страны [20].

Социология стала одним из главных источников получения знания о современном обществе, процессах, протекающих в нем, о человеке, его социальном самочувствии. Социологи активно включились в решение общественных и социально-политических проблем суверенной Республики Беларусь, научно обосновывая ее социальные приоритеты и национальные интересы.

Цивилизация вступает в фазу повышенных рисков. В современном социологическом знании явно обозначились тенденции его радикального обновления, естественно, возникла теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся происходящими в современном научном знании сменами научных картин мира и способов его познания. Продолжается поиск таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые органично сочетались

бы с антропологическим измерением глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой. Именно поэтому человеческий фактор рассматривается сейчас как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития [21].

Нам предстоит преодолеть веками накопившиеся противоречия, возникшие вследствие социального неравенства, политического, этнического, религиозного разнообразия, чтобы перейти от конфронтации к согласию и совместной созидательной работе. Возможно ли это в принципе, покажет будущее. Во всяком случае, на разрешение всех этих и многих других проблем нацелена социология – наука, которая помогает обществу устойчиво функционировать, развиваться без конфликтов и потрясений, своевременно упреждать возникающие недоразумения и противоречия.

Библиографические ссылки

1. Елсуков АН, Данилов АН. *Предыстория социологии*. Минск: ТетраСистемс; 2011. 192 с.
2. Данилов АН. Социология. В: Борисевич НА, редактор. *Наука Беларуси в XX столетии*. Минск: Белорусская наука; 2001. с. 190–202.
3. Максимчик АН. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:65–73.
4. Каценбоген СЗ. Белорусский государственный университет за 1922/23 академический год (итоги и перспективы). *Труды Белорусского государственного университета*. 1923;4/5:230–280.
5. Скалабан ВУ, Токараў МУ, рэдактары. *Інстытут беларускай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы*. Мінск: Беларуская навука; 2011. 257 с.
6. Бабосов ЕМ. Формирование и развитие социологии в Беларуси. В: Бабосов ЕМ. *Социология. Часть 1. Общая социологическая теория*. Минск: Дизайн ПРО; 1998.
7. Кечина ЕА. *Социология и статистика: методология взаимодействия и развития*. Минск: РИВШ; 2008. 252 с.
8. Козлова ЛА. Постреволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации. *Социологические исследования*. 2016;12:105–113.
9. Тощенко ЖТ. «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина». *Социологический журнал*. 2007;4:149–170.
10. Александров ГФ. *История социологии как наука*. Минск: Издательство Белгосуниверситета; 1958. 79 с.
11. Данилов АН. *Слово о современниках: эссе, интервью*. Минск: Белорусская наука; 2013. 239 с.
12. Данилов АН, редактор. *Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания*. Грищенко ЖМ, составитель. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. 99 с.
13. Лаптенков СД, Манаев ОТ, Поваляев СА, составители. *Социологические исследования (аннотированный указатель печатных работ, выполненных в Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ имени В. И. Ленина в 1968–1987 гг.)*. Минск: БГУ имени В. И. Ленина; 1988. 100 с.
14. Давидюк ГП, редактор. *Словарь прикладной социологии*. Шульга КВ, составитель. Минск: Университетское; 1984. 317 с.
15. Давидюк ГП. Беларусь: в муках, страданиях рождалась социология. *Социологические исследования*. 2008;6:93–99.
16. Данилов АН, Елсуков АН, Безнюк ДК, редакторы. *Кафедра социологии БГУ – 20 лет*. Минск: Право и экономика, 2009. 390 с.
17. Данилов АН, Безнюк ДК, Бобр АМ, Елсукова НА, Ротман ДГ, Рубанов АВ, редакторы. *Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения*. Минск: БГУ; 2016. 279 с.
18. Данилов АН, редактор. *Евгений Михайлович Бабосов: к 85-летию со дня рождения*. Данилов АН, Водопьянов ПА, Груша АИ, Лазаревич АА, Русецкая ВИ, составители. Минск: Белорусская наука; 2016. 270 с.
19. Ротман ДГ. *Избранное*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. 386 с.
20. Данилов АН, Елсуков АН, Безнюк ЕК, Ротман ГК, Черняк ЮГ, Пахомова АА, редакторы. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2014. 230 с.
21. Шавель СА. Высокая общественная миссия социологической науки. *Социология*. 2006;1:40–56.

References

1. Elsuikov AN, Danilov AN. *Predystoriya sotsiologii* [Prehistory of sociology]. Minsk: TetraSistems; 2011. 192 p. Russian.
2. Danilov AN. [Sociology]. In: Borisevich NA, editor. *Nauka Belarusi v XX stoletii* [Belarusian science in the 20th century]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2001. p. 190–202. Russian.
3. Maksimchik AN. Little known pages of the biography and activities of Professor S. Z. Katesnbogen (1889–1946). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:65–73. Russian.

4. Katsenbogen SZ. [Belarusian State University in 1922/23 academic year (results and prospects)]. *Trudy BGU*. 1923;4/5:230–280. Russian.
5. Skalaban VU, Tokaraw MU, editors. *Instytut belaruskaj kul'tury. 1922–1928: dokumenty i materyyaly* [Institut of Belarusian Culture. 1922–1928: documents and materials]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. 257 p. Belarusian.
6. Babosov EM. [Formation and development of sociology in Belarus]. In: Babosov EM. *Sotsiologiya. Chast' 1. Obshchaya sotsiologicheskaya teoriya* [Sociology. Part 1. General sociological theory]. Minsk: Dizain PRO; 1998. 383 p. Russian.
7. Kechina EA. *Sotsiologiya i statistika: metodologiya vzaimodeistviya i razvitiya* [Sociology and statistics: methodology of interaction and development]. Minsk: National Institute of Higher Education; 2008. 252 p. Russian.
8. Kozlova LA. Post-revolution period of Russian sociology: a failed attempt at sovietization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;12:105–113. Russian.
9. Toshchenko ZhT. «At first sociology reappeared in the Soviet Union as a political showcase». *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2007;4:149–170. Russian.
10. Alexandrov GF. *Istoriya sotsiologii kak nauka* [History of sociology as a science]. Minsk: Belarusian State University; 1958. 79 p. Russian.
11. Danilov AN. *Slovo o sovremennikakh: esse, interv'yu* [The word about contemporaries: essay, interview]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2013. 239 p. Russian.
12. Danilov AN, editor. *Problemnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya sotsiologicheskikh issledovanii Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (PNILSI BGU): k 50-letiyu sozdaniya* [Problem Laboratory of Sociological Research in the Belarusian State University (PLSI BSU): to the 50th anniversary of creation]. Grishchenko ZhM, compiler. Minsk: Publishing Center of Belarusian State University; 2017. Russian.
13. Laptinok SD, Manaev OT, Povalyaev SA, compilers. *Sotsiologicheskie issledovaniya (annotirovannyi ukazatel' pechatnykh rabot, vypolnennykh v Problemnoi NIL sotsiologicheskikh issledovanii BGU imeni V. I. Lenina v 1968–1987 gg.)* [Sociological research (annotated index of printed works performed in the Problem Laboratory of Sociological Research in the V. I. Lenin Belarusian State University in 1968–1987)]. Minsk: V. I. Lenin Belarusian State University; 1988. 100 p. Russian.
14. Davidiuk GP, editor. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of Applied Sociology]. Shul'ga KV, compiler. Minsk: Universitetskoe; 1984. 317 p. Russian.
15. Davidiuk GP. [Belarus: in the throes of suffering born sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2008;6:93–99. Russian.
16. Danilov AN, Elsukov AN, Beznyuk DK, editors. *Kafedre sotsiologii BGU – 20 let* [Department of sociology in Belarusian State University is 20 years]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2009. 390 p. Russian.
17. Danilov AN, Beznyuk DK, Bobr AM, Elsukova NA, Rotman DG, Rubanov AV, editors. *Pamyat' i slava: Al'bert Nikolaevich Elsukov. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memory and glory: Albert N. Elsukov. Dedicated to the 80th birthday]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 279 p. Russian.
18. Danilov AN, Vodop'yanov PA, Grusha AI, Lazarevich AA, Rusetskaya VI, compilers. *Evgenii Mikhailovich Babosov: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya* [Babosov on the occasion of his 85th birthday]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2016. 270 p. Russian.
19. Rotman DG. *Izbrannoe* [Selected works]. Minsk: State Institut of Management and Social Technologies, Belarusian State University; 2009. 386 p. Russian.
20. Danilov AN, Elsukov AN, Beznyuk EK, Rotman GK, Chernyak YuG, Pakhomova AA, editors. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology in Belarusian State University: past and present. To the 25th anniversary of the creation]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 230 p. Russian.
21. Shavel SA. High social mission of sociological science. *Sotsiologiya*. 2006;1:40–56.

Статья поступила в редколлегию 25.04.2019.
Received by editorial board 25.04.2019.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ROUND TABLE

УДК 001.89

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В МОЕМ СЕРДЦЕ: 30 ЛЕТ РАЗВИТИЯ И СОЗИДАНИЯ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾, А. В. РУБАНОВ¹⁾,
А. М. БОБР¹⁾, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, Д. Г. РОТМАН¹⁾, О. В. ТЕРЕЩЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Образец цитирования:

Данилов АН, Зеленков АИ, Рубанов АВ, Бобр АМ, Легчилин АА, Ротман ДГ, Терещенко ОВ. Факультет философских и социальных наук в моем сердце: 30 лет развития и созидания. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:14–25.

For citation:

Danilov AN, Zelenkov AI, Rubanau AV, Bobr AM, Liahchylin AA, Rotman DG, Tereschenko OV. Faculty of philosophy and social sciences in my heart: 30 years of development and creation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:14–25. Russian.

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки, заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Александр Михайлович Бобр – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по учебной работе факультета философских и социальных наук, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философских и социальных наук.

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии и методологии науки.

Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.

Ольга Викентовна Терещенко – кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, head of the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
zelenkov-antl@yandex.by

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Alexander M. Bobr, PhD (philosophy), docent; deputy dean on teaching and up-bringing of the faculty of philosophy and social sciences, associate professor of the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

Anatoli A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahylin@bsu.by

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Researches.
dgrotman@rambler.ru

Olga V. Tereschenko, PhD (sociology), docent; professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
oteresch@tut.by

Круглый стол посвящен 30-летию создания философско-экономического факультета (факультета философских и социальных наук) БГУ. Раскрывается предыстория создания факультета, его отделений, кафедр, затрагивается проблема подбора кадров, обозначены этапы в истории факультета. Выделены специальности, основные направления развития нового факультета и место подготовки кадров гуманитарных и социальных наук в национальной системе высшей школы, специфичность и востребованность в обществе данных специальностей. Рассмотрены современные представления о качестве знаний, особое внимание уделено практико-ориентированному характеру подготовки и реализации триады *образование – наука – практика*. Обращается внимание на необходимость развития методологии креативного обучения и обновления содержания образования в соответствии с новыми вызовами времени. Рассмотрены вопросы будущего факультета философских и социальных наук в контексте развития национальной системы образования и ее включенности в мировой образовательный контекст. На круглый стол были приглашены непосредственные участники создания факультета, деканы разных лет, заведующие кафедрами, преподаватели.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; философско-экономический факультет; факультет философии и социальных наук; кафедра философии и методологии науки; кафедра социологии; кафедра социальной коммуникации; история.

FACULTY OF PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCES IN MY HEART: 30 YEARS OF DEVELOPMENT AND CREATION

A. N. DANILOV^a, A. I. ZELENKOV^a, A. V. RUBANAU^a,
A. M. BOBR^a, A. A. LIAHCHYLIN^a, D. G. ROTMAN^a, O. V. TERESCHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The round table is devoted to the 30th anniversary of the creation and work of the faculty of philosophy and economics, which was transformed into the faculty of philosophy and social sciences in 1999. The history of the faculty, departments, recruitment, stages of development are considered. The specialties, the main directions of development of the new faculty and the place of training humanities and social sciences in the national system of higher education, the specificity and relevance in society of these specialties are marked out. The modern ideas about the quality of knowledge are considered, special attention is paid to the practice-oriented nature of the preparation and implementation of the triad: *education – science – practice*. Attention is drawn to the need of developing a methodology for creative learning and updating the content of education in accordance with new challenges of the time. The future of the faculty of philosophy and social sciences is considered in the context of developing the national education system and its inclusion in the global educational context. The faculty members, deans of different years, heads of departments, teachers are invited.

Keywords: Belarusian State University; faculty of philosophy and economics; faculty of philosophy and social sciences; department of philosophy and methodology of science; department of sociology; department of social communication; history.

А. Н. Данилов: Мы собрались сегодня, чтобы поздравить всех подвижников, стоящих у истоков создания факультета философии и социальных наук, весь большой наш коллектив, выпускников разных лет и студентов с 30-летием факультета. И, конечно-

но же, вспомнить, как это было, отметить тех, кто работал раньше, и тех, кто напряженно трудится сегодня, затронуть проблемы, которые приходится решать, и, конечно, проследить этапы 30-летнего пути.

Предыстория создания факультета, его отделений, кафедр, подбор кадров: как это было...

А. М. Бобр¹: Историю создания философско-экономического факультета (ФЭФ) в структуре Белорусского государственного университета следует начать с 1986–1988 гг. В данное время отделения философии и политической экономии функционировали в системе исторического факультета БГУ, который был одним из ведущих гуманитарных факультетов не только в университете, но и во всей республике. В его рамках сложилось несколько из-

вестных научных школ в области социально-гуманитарного знания. В этом отношении необходимо отметить минскую философско-методологическую школу, возглавляемую доктором философских наук, профессором В. С. Стёпиным, научное направление по прикладной социологии под руководством доктора философских наук, профессора Г. П. Давидюка, научную школу по теоретическим проблемам политэкономии, возглавляемую док-

¹Заместитель декана с 1989 г. по настоящее время.

тором экономических наук, профессором С. Е. Янченко. Эти исследовательские направления были широко известны в научных кругах не только республики, но и всего Советского Союза. Мощный творческий потенциал их представителей позволил сформировать стройную систему подготовки молодых специалистов в области философии и политэкономии.

Специальности «философия» и «политическая экономия» были уникальными в системе высшего образования БССР. Это определялось рядом обстоятельств. Во-первых, ни один другой вуз республики не осуществлял подготовку студентов по данным направлениям. Во-вторых, на все эти отделения был организован целевой прием студентов как со всех республик СССР, так и из ряда зарубежных стран. Ежегодно на обучение принимались студенты из Латвии, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана, Туркменистана, ГДР, Кубы, Вьетнама, Анголы, Мали, Польши, Болгарии, Чехословакии и других стран. На каждое из отделений по целевому приему поступало 25–28 человек из дальнего и ближнего зарубежья. На конкурсной основе через вступительные экзамены также принималось по 25 человек из числа граждан СССР. Таким образом, на каждом курсе данных специальностей занималось свыше 50 человек. Кроме того, по специальности «философия» также осуществлялась подготовка специалистов в рамках заочной формы обучения.

В 1988 г. подготовку студентов на отделениях философии и политической экономии осуществляли выпускающие кафедры философии гуманитарных факультетов (заведующий кафедрой – А. И. Зеленков), истории философии и логики (заведующий кафедрой – А. А. Михайлов), этики, эстетики и научного атеизма (заведующий кафедрой – Н. В. Рожин), политической экономии гуманитарных факультетов (заведующий кафедрой – Н. М. Дрозд).

Все эти подразделения являлись по своему статусу общеуниверситетскими кафедрами, их работу курировал проректор по учебной работе П. И. Бригадин и совет кафедр общественных наук. Структурно названные кафедры не входили в состав исторического факультета, что затрудняло учебно-методическую, организационную и воспитательную работу со студентами отделений философии и политэкономии. Чтобы их минимизировать, было решено ввести в структуру исторического факультета БГУ должность заместителя декана, курирующего отделения философии и политэкономии. На данную должность был назначен доцент кафедры философии гуманитарных факультетов А. М. Бобр.

В 1989 г. под влиянием идей и принципов перестройки, проходившей в стране, было принято решение начать в ряде ведущих вузов СССР, в том числе и в БГУ, подготовку специалистов по социологии. В БГУ в качестве базового был выбран исторический факультет, в структуре которого пред-

полагалось открыть специальность «социология». Данное обстоятельство стало решающим фактором в деле образования философско-экономического факультета, что объясняется рядом причин. Во-первых, наличие в рамках исторического факультета таких разнообразных специальностей, как «история», «история КПСС», «философия», «политэкономия», «социология» затрудняло учебно-методическую, научно-организационную работу. Во-вторых, увеличилась численность студентов дневной и заочной форм обучения. Более того, актуальным стал вопрос об открытии в перспективе новых экономических специальностей. В-третьих, для обеспечения учебного процесса на отделении социологии необходимо было открыть соответствующую выпускающую кафедру. Поэтому по инициативе проректора П. И. Бригадина, при поддержке деканата исторического факультета (декан – Э. М. Загоруйский) было принято решение об открытии философско-экономического факультета и выпускающей кафедры социологии.

Организационную работу на первом этапе образования ФЭФ вели заместитель декана А. М. Бобр и методист Н. Н. Петрович. Были разработаны первый в республике учебный план по специальности «социология», необходимая методическая документация для обеспечения учебно-воспитательного процесса на открываемом факультете.

Но долгое время оставался открытым вопрос о кандидатуре декана. Рассматривалось несколько претендентов на эту должность – сотрудников как философских, так и экономических кафедр.

В результате длительных согласований деканом философско-экономического факультета по инициативе ректора БГУ Ф. Н. Капуцкого был назначен заведующий кафедрой философии естественных факультетов доктор философских наук, профессор Альберт Николаевич Елсуков. На прежней должности он зарекомендовал себя как квалифицированный руководитель, сумевший наладить работу коллектива, который до него не раз потрясали внутренние конфликты. А. Н. Елсукова также отличали высокий уровень профессионализма, инициативность, демократичность в отношениях как с преподавателями, так и со студентами. В связи с этим решение ректората о его назначении на должность декана было взвешенным, продуманным, тем более что Альберт Николаевич имел большой опыт организации и проведения прикладных социологических исследований, который оказался очень полезным для становления новой специальности.

Под непосредственным руководством А. Н. Елсукова была создана кафедра социологии, которую он и возглавил. Она стала первой факультетской кафедрой, и лишь немного позднее в структуру факультета вошла кафедра политэкономии гуманитарных факультетов как выпускающая кафедра для экономической специальности.

Довольно сложно решался вопрос о выделении места для дислокации факультета. Дефицит учебных площадей исторического факультета не позволял эффективно организовать как административную деятельность, так и учебно-воспитательный процесс на открывающемся факультете. Поэтому ректорат БГУ принял решение о выделении части площадей корпуса химического факультета для расположения ФЭФ. В довольно короткое время были подготовлены не только административные помещения, но и учебные аудитории. С 1 сентября 1989 г. учебный процесс для студентов отделений философии, политэкономии, социологии начался в рамках философско-экономического факультета. С первых дней своего существования ФЭФ заявил о себе как о жизнестойкой и перспективной образовательной структуре. Он стал наиболее быстрорастущим факультетом БГУ. За короткое время деканатом была подготовлена необходимая нормативная и учебно-методическая документация для открытия в структуре факультета новых специальностей, таких как «психология», «экономика и управление производством», «культурология», «политология», «международные экономические отношения». Большинство из них были единственными в республике, ни один другой вуз в это время не осуществлял подготовку культурологов, политологов, экономистов-международников. Фактом признания авторитета и значимости факультета в структуре БГУ стало выделение ему площадей в здании бывшей партийной школы в центре города на ул. К. Маркса.

Факультет пользовался большой популярностью у абитуриентов и студентов университета. Он всегда отличался стабильно высоким конкурсом на все специальности. Показательно в этом отношении, что при поступлении число поданных заявлений от медалистов превосходило количество бюджетных мест. Это позволяло обеспечить прием высоко эрудированных, грамотных студентов, которые с интересом осваивали сложные проблемы социально-гуманитарного знания. Дипломы с отличием получали от 30 до 50 % выпускников. В настоящее время выпускники ФЭФ работают в разных странах мира, многие достигли высоких должностей и званий. Среди них есть крупные государственные чиновники, дипломаты, деятели культуры, известные ученые.

А. И. Зеленков: Как известно, на подлинно системной и профессиональной основе социально-гуманитарное образование в области философии, социологии, психологии и других социальных наук организуется в БГУ начиная с 1989 г., когда в его структуре открылся новый философско-экономический факультет, который стал подлинным научным и методическим центром по ряду направлений как экономического, так и социально-философско-

го образования не только в университете, но и в республике в целом. Конечно, создание такого комплексного факультета, призванного осуществлять профессиональную подготовку студентов по 7 специальностям социально-гуманитарного профиля в условиях кардинальной трансформации самих основ общественного мироустройства и формирования новых экономических и социальных отношений, не могло не породить множества проблем и стратегических вызовов, с которыми пришлось столкнуться тем, кому судьба и исторический ход событий уготовили эту сложную, но, безусловно, важную и значимую миссию – реализовать программу становления и перспективного развития ФЭФ в структуре БГУ. О многих из этих событий я мог бы рассказать и прояснить их смысл, поскольку с 1992 по 1996 г. отвечал за все гуманитарное образование в университете, будучи проректором по учебной работе, и, соответственно, не понаслышке был осведомлен о тех процессах, которые происходили на философско-экономическом факультете, деканом-основателем которого стал профессор Альберт Николаевич Елсуков.

Однако сосредоточусь все-таки на периоде 1996–2005 гг., когда мне пришлось почти 10 лет выполнять обязанности декана сначала ФЭФ, а с марта 1999 г. – ФФСН. Следует отметить, что разделение философско-экономического факультета, который просуществовал в университете 10 лет, и организация на его основе двух самостоятельных факультетов была вызвана рядом объективных причин. Экономическое образование в университете должно было развиваться в дальнейшем в рамках относительно автономной и самостоятельной программы, учитывающей специфические особенности и технологии обучения в сфере экономики, финансов, бизнеса и т. д.

Академические программы в области философии, социологии, психологии приобретают в этот период статус наиболее актуальных и востребованных. К концу 1990-х гг. интерес к этим специальностям приобрел у молодежи настолько выраженный и акцентированный характер, что конкурс при поступлении на ФФСН существенно возрос, и по этому параметру факультет стал одним из лидеров в университете.

Тем не менее, как известно, любая структурная реорганизация не обходится без сложностей и проблем не только объективного, но и субъективного толка. Помню, как непросто решался вопрос о новой конфигурации специальностей и названии факультета, в рамках которого должны были сосредоточиться основные академические программы социально-гуманитарного цикла. Руководство университета считало, что наиболее приемлемым названием будет «факультет социальных наук». Якобы в нем соблюдается принцип универсальной

справедливости без ущемления интересов и перспектив развития всех его специальностей (философия, социология, психология).

Пришлось выдержать сложную дискуссию, прежде чем был принят современный вариант названия: факультет философии и социальных наук. Основным аргументом при этом стал отнюдь не корпоративный интерес философского отделения, хотя оно и доминировало в тот период как по количеству студентов, так и по научно-академическим параметрам. Главное состояло в том, что любой университет, претендующий на статус классического, должен в обязательном порядке иметь в своей структуре специальную академическую программу по философии. Такова традиция европейских университетов, и исчисляется она столетиями. Да и сегодня философские факультеты являются непременным атрибутом большинства самых известных и престижных университетов мира.

ФФСН с первых дней своего существования в статусе самостоятельного подразделения активно включился в университетскую жизнь во всех ее аспектах и измерениях. Его имидж как самого интеллектуального факультета стал восприниматься не столько как дань метафорической традиции, сколько как констатация реального положения вещей. За почти десятилетний период моего деканства на факультете произошли многие знаковые события. Они заложили тот фундамент, на основе которого ФФСН и сегодня динамично развивается, сохраняя при этом репутацию авторитетного в нашей стране образовательного и научно-исследовательского центра в сфере социально-гуманитарного знания.

В 1997 г. на базе белорусско-франко-британского проекта «Темпус» на факультете было открыто новое отделение информации и коммуникации. Буквально с первых дней своего существования оно стало безусловным лидером среди абитуриентов, поступающих на ФФСН: многие желали получить эту новую и столь привлекательно звучащую специальность. Не менее впечатляющие конкурсы до 5–6 человек на место сохранялись и на других отделениях факультета (философия, социология, психология).

Вместе с тем ФФСН никогда не ориентировался на стандарты простого воспроизводства и ретрансляции существующих знаний в учебном процессе. Необходимым и приоритетным видом деятельности на всех его отделениях всегда была наука, интенсивные научные исследования по важнейшим направлениям социально-гуманитарного знания, которые позволяли образовательные программы осуществлять на подлинно инновационной основе. На базе факультета традиционно организовывались и проводились крупные международные

конференции, участниками которых в эти годы являлись такие известные ученые, профессора, академики, деятели культуры, как Марек Домбровский, Здислав Куксевич, Ежи Хольцер, Кшиштоф Занусси (Польша); Вячеслав Стёпин, Александр Зиновьев, Александр Панарин (Россия); Виктор Андрущенко, Анатолий Конверский, Валентин Крисаченко (Украина); Жозе Делофеу (Франция); Мигель Агилера (Испания) и многие другие. Тематика конференций была весьма разнообразной и охватывала весь спектр научно-исследовательских программ факультета: «Стратегии устойчивого развития и перспективы цивилизационной динамики» (1998); «Христианские ценности в современной культуре» (2001); «Феномен коммуникации в социально-гуманитарном знании и образовании» (2002).

В эти годы интенсивно и с высокими результатами работала аспирантура факультета, которая являлась одной из самых больших в БГУ (80 аспирантов, 3 докторанта, 30 научных стажеров и соискателей). Только за период с 1997 по 2001 г. сотрудниками и аспирантами факультета было защищено 2 докторских и 36 кандидатских диссертаций. По итогам 1998, 1999 и 2000 гг. наш факультет занимал первое место в университете по студенческой научной работе.

Студенческая жизнь на ФФСН также была весьма разнообразной и интенсивной, но при этом, как правило, атмосфера студенческих праздников и мероприятий отличалась неким особым колоритом, своеобразным духовным измерением, в котором шутки и юмор (КВН), лирические настроения (День студента), креативные проекты (дни отделений факультета) обретали очертания некой интеллектуальной индивидуальности, а вовсе не массовой культуры.

О многом еще можно было бы вспомнить и рассказать, о достижениях и проблемах, буднях и праздниках, профессорах и студентах, обо всем том, что составляло такую разную, но всегда интенсивную и насыщенную жизнь нашего факультета в 1996–2005 гг. Но главное состоит в том, что это был период не просто становления нового, еще одного структурного подразделения университета, а время его утверждения в качестве особой духовной корпорации, призванной от истоков философии и гуманитарного знания прокладывать тернистый путь к современной социальной науке и информационно-коммуникативным технологиям. И до тех пор, пока эта цель будет преобладать в деятельности нашего факультета, он обоснованно сможет претендовать на особый, по-своему уникальный статус в структуре БГУ.

А. А. Легчилин²: Когда мы пытаемся осмыслить 30-летие факультета БГУ (в аббревиатурах ФЭФ и ФФСН), в названии которого присутствует сло-

²Заместитель декана, заведующий кафедрой философии культуры в 1989–2019 гг.

во «философия», естественно следует философски взглянуть на его небольшое по историческому времени прошлое. В этой связи напрашивается философская параллель: три десятилетия, три личности, воплощавшие его суть, образно можно квалифицировать такими категориями, как тезис, антитезис, синтез. В данном случае речь идет не о противоречиях и «снятии» в гегелевском его понимании, а прежде всего о том, что каждое десятилетие – это собственный этап развития, но все они тесно связаны в единую цепь бытия. И в каждом, естественно, есть свои достижения как ответ на вызов времени. В этом смысле, с моей точки зрения, первое десятилетие – «золотое десятилетие». Во-первых, это время появления самостоятельного подразделения под громким названием «философско-экономический факультет», создания профессиональных кафедр и подготовки кадров. А начало, как мы знаем, всегда романтично и рождает множество желаний их исполнить. В этот период в нашей только что обретшей крылья современной Беларуси пришлось многое создавать с нуля, в том числе национальную систему высшего образования. Время было бурлящее. Второе десятилетие – ребрендинг факультета, его преобразование в факультет философии и социальных наук. Но данный процесс предполагает не просто смену вывески и продолжение традиции – это прежде всего формирование престижа и имиджа факультета в Республике Беларусь и на международном уровне. Факультет налаживает постоянные контакты и коммуникацию с западными научными центрами и университетами (Польша, Франция, Испания, Италия, США, Швеция и др.), появляются первые фулбрайтовские стипендиаты (профессор А. И. Зеленков, профессор Л. Г. Титаренко). Ученые факультета становятся постоянными участниками международных научных конференций, стажируются в зарубежных университетах. В БГУ создается контактная точка программы ЕС (Национальный координатор по связям белорусских ученых в области социальных и гуманитарных наук с западными учеными в рамках 7-й Рамочной программы «Горизонт – 2020», руководитель – профессор Л. Г. Титаренко). В третье десятилетие на фоне продолжающегося развития факультета появляется новая парадигма, в соответствии с которой строится вся его работа. Это период своеобразной реорганизации высшего образования в Республике Беларусь (переход на четырехлетнее обучение в соответствии с Болонским процессом). Идет подготовка новых образовательных стандартов и программ, внедрение международной системы менеджмента качества высшего образования. Впервые за всю историю факультета начинает издаваться научный журнал «Философия и социальные науки» (позже – «Журнал Белорус-

ского государственного университета. Философия. Психология»), входящий в перечень ВАК Республики Беларусь. Идет активная защита кандидатских диссертаций по философским и психологическим наукам и докторских диссертаций по социологическим наукам. Преподаватели факультета и других университетов становятся докторантами.

Д. Г. Ротман³: Вторая половина 1980-х гг. Горбачевская перестройка. Как можно сказать сегодня, начало распада СССР, другими словами, уничтожения великой страны. Естественно, нам, представителям поколения, если так можно сказать, среднего возраста трудно без сожаления вспоминать те времена, тот период нашей жизни. Но мы оптимисты. Было в те годы и много хорошего. Как социолог, могу сказать: именно тогда начался новый этап в развитии моей любимой науки. Я определяю содержание этого этапа фразой «Социологи вышли за проходные предприятий». Объясняю молодым коллегам: с момента возрождения белорусской социологии в 1967 г. и до названного мной в первых строках периода исследования проводились только на предприятиях и в учреждениях. И вот мы вышли на улицы, стали проводить опросы населения по месту жительства людей. Информация, которую получали социологи, стала репрезентативной, она отражала мнение не отдельных групп жителей республики, а населения Беларуси в целом. В СССР начали создаваться новые профессиональные социологические структуры, которые проводили опросы по всей огромной стране. Первой такой структурой стал Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который возглавили Татьяна Ивановна Заславская и Юрий Александрович Левада. В 1986 г. была открыта и программа «Общественное мнение» при Государственном комитете СССР по народному образованию. Мне пришлось активно работать в рамках этой программы. Но главное другое. Все предыдущие годы мы, советские социологи, учились как бы сами у себя. Методом совершения ошибок и их самостоятельного исправления приобретали нужные навыки. Иностранной социологической литературы в СССР практически не было. Службы создавались, а специалистов явно было недостаточно. Это начали понимать и в высших структурах власти. Было принято значимое и очень нужное решение: создать в ведущих университетах СССР социологические факультеты и кафедры. Приятно вспоминать то, что именно на заседаниях руководства программы «Общественное мнение» обсуждались вопросы, связанные с созданием учебных социологических структур. С нами советовались, в заседаниях руководства программы принимали участие председатель Государственного комитета по народному образо-

³Заведующий кафедрой социологии в 2003–2005 гг.

ванию Геннадий Алексеевич Ягодин и его заместитель Феликс Иванович Перегудов. Результат: во многих вузах СССР были открыты социологические факультеты и кафедры. В 1989 г. проводился первый набор студентов – так началась подготовка профессиональных социологов. И здесь не могу не посыпать голову пеплом. В некоторой степени я виновен в том, что в нашем университете были открыты только кафедра социологии и соответствующее отделение. А ведь мог быть открыт и социологический факультет. Если бы я на этом настаивал, то коллеги, входившие в руководство нашей программы, наверняка бы меня поддержали. Но тогда я подумал, что для нашей небольшой республики будет достаточно и отделения социологии. Каюсь, надеюсь на то, что со временем все-таки будет создан социологический факультет БГУ. Ведь интерес к данным социологических исследований, осуществляемым профессиональными службами суверенной Беларуси, велик, а доверие к их результатам постоянно растет.

Вот так начиналась новая история социологии в Беларуси. На старте в составе кафедры работали опытные специалисты И. Я. Писаренко, А. П. Лимаренко, В. Л. Абушенко, Л. Г. Титаренко и др. Кафедру возглавил профессионал и замечательный человек А. Н. Елсуков. Мне пришлось также сотрудничать с кафедрой социологии БГУ. Моя группа, которая начала работу под эгидой кафедры, проводила исследования по заказам государственных и общественных организаций. К исследованиям привлекались преподаватели и студенты. Это было хорошей практикой для будущих специалистов. В числе первых выпускников отделения были известные впоследствии специалисты. Ими мы можем гордиться сегодня. Высокий авторитет Центра социологических и политических исследований БГУ на международной арене во многом сложился и благодаря кафедре социологии и отделению социологии, ведь именно эти структуры подготовили и направили к нам молодых профессионалов. Надеюсь на то, что наше сотрудничество с кафедрой социологии будет продолжено.

А. Н. Данилов: Да, за почти вековую историю Белорусского государственного университета неоднократно предпринимались попытки организовать преподавание социологии. С первых дней работы БГУ в нем была создана кафедра социологии и первобытной культуры, где профессор С. З. Каценбоген читал курс генетической социологии на всех отделениях факультета общественных наук. Но вскоре результаты социологических исследований перестали удовлетворять власть. И постепенно из учебных программ исчезли все социологические курсы, часть преподавателей уволили, некоторые начали осваивать иные дисциплины. Социология на долгие годы получила клеймо «буржуазная», «лженаука» и т. п.

Вторая попытка была предпринята в период хрущевской оттепели. Создавались научные структуры социологического профиля. Социологического образования не было, социология нигде не преподавалась, но эта наука тем не менее существовала: проводились социологические исследования на высоком уровне. Старейшина социологического цеха профессор Г. П. Давидюк как-то вспоминал, что на свой страх и риск в начале 1970-х гг. с помощью ректора БГУ профессора В. М. Сикорского открыл подготовку профессиональных социологов при кафедре философии гуманитарных дисциплин. И даже несколько лет в БГУ выдавался диплом по специальности «прикладная социология»... Но продержалось это недолго. Министерство высшего образования СССР проверило, закрыло и наказало.

Наконец, в 1988 г. было принято запоздалое решение об открытии социологических факультетов и отделений в 12 ведущих вузах СССР. На этом этапе в БГУ активную роль в создании факультета, отделения и кафедры социологии сыграл первый декан факультета и первый заведующий кафедрой социологии профессор Альберт Николаевич Елсуков (1936–2014). Мы его помним и искренне чтим память о его заслугах. Он оказался прекрасным человеком, организатором науки, умелым управленцем. Многие преподаватели из первого набора и сегодня не потеряли связи с кафедрой. Таким образом, с 1989 г. в системе высшего образования Беларуси на площадке БГУ одновременно заработали философско-экономический факультет, отделение социологии, тогда же была основана кафедра социологии, в рамках которой и ныне осуществляется специализированная подготовка социологов-профессионалов. В 1990 г. была открыта аспирантура и докторантура при кафедре социологии, начал работать докторский диссертационный совет БГУ по социологическим наукам. После А. Н. Елсукова кафедру социологии возглавлял директор Центра социологических и политических исследований БГУ профессор Давид Генрихович Ротман.

А. В. Рубанов: В 1975 г. я, вчерашний школьник, пытался поступить на отделение философии исторического факультета БГУ. Но, увы, не поступил и пошел приобретать свою первую специальность слесаря-сборщика радиоаппаратуры. Потом полшутя иногда говорил студентам, когда пытался мотивировать некоторых из них на более серьезное отношение к учебе, что деканом мне оказалось стать легче, чем студентом факультета. Поэтому вывод, говорил я, таков: учитесь ценить то, что имеете теперь.

С проблемой поступления столкнулся не я один. На то было несколько причин. Прежде всего это маленький набор на отделение философии – всего 25 человек, при том что набор на специальности «социология» и «психология» в Белорусском госу-

дарственном университете, как и в Беларуси в целом, тогда вообще открыт не был. В сложившейся ситуации реальные шансы на поступление на отделение философии были главным образом у тех абитуриентов, которые окончили среднюю школу с золотой медалью или имели двухлетний стаж работы. Ни того, ни другого у меня не было. Через год я поступил на отделение истории того же исторического факультета, где конкурс при поступлении был чуть ниже, а почти недоступные тогда для официального изучения философию, социологию и психологию я постигал самостоятельно, параллельно с обязательным для меня тогда изучением исторических дисциплин. И так делал не только я.

О своей инициативности в учебе я никогда не жалел и не терял ее в дальнейшем, но убежден, что лучше всего в образовательном процессе сочетать самостоятельное изучение той или иной науки с параллельным посещением аудиторных учебных занятий, использованием других формализованных видов обучения.

Ситуация принципиально изменилась именно с открытием сначала философско-экономического факультета, а затем факультета философии и социальных наук. Головокружительные конкурсы при поступлении на эти факультеты стали прямым проявлением существовавшего в молодежной среде очень высокого интереса к базовым социально-гуманитарным наукам, потенциального спроса на овладение специальностями нашего факультета.

О. В. Терещенко: В 1996 г. Белорусский государственный университет – первый в бывшем Советском Союзе и до сих пор единственный в странах СНГ – открыл новую учебную специальность «информация и коммуникация». Первоначально предполагалось дать ей название «коммуникация», как в большинстве университетов мира, однако на это не дало своего согласия Министерство транспорта и коммуникаций СССР, и пришлось придумать для нее новое наименование.

Открытие специальности «информация и коммуникация» в БГУ стало результатом проекта «Темпус», в рамках которого с 1993 по 1996 г. десятки преподавателей и студентов старших курсов ФЭФ и факультета журналистики БГУ прошли стажировки в университетах Экс-Марсель (где работал европейский руководитель проекта профессор Жозе Деллофе), Париж III Новая Сорбонна, Гренобль 3 имени Стендаля (Франция), Хамберсайдский университет в г. Кингстон-на-Халле (Великобритания). Инициатором и руководителем проекта «Темпус» со

стороны БГУ стал доктор социологических наук Олег Тимофеевич Манаев, руководитель группы «Эффективность массовой коммуникации» в секторе «Эффективность идеологической работы» Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ.

В 1996 г. ректор БГУ А. В. Козулин, находившийся в статусе министра образования, утвердил учебную специальность «информация и коммуникация» и два ее направления – «социальные коммуникации» и «технологии коммуникации». В 1998 г. Министерство образования Республики Беларусь подтвердило открытие специальности и двух направлений.

В рамках проекта «Темпус» на белорусском языке в 1995 г. вышел перевод книги Ф. Брэттона и С. Пру «Выбух камунікацыі». В 1997 г. в БГУ впервые на русском языке вышло учебное пособие по коммуникации «Программа “Темпус”: учебные материалы по специальности “информация и коммуникация” в Белгосуниверситете» в трех томах. Издание включало программы 18 новых учебных курсов, разработанных преподавателями БГУ, а также переводы на русский язык книг профессора Амстердамского университета Д. Мак-Куэйла «Введение в теорию массовой коммуникации» и нескольких научных статей французских авторов, включая «Коммуникативное мышление» Б. Мьежа.

Отделение информации и коммуникации по направлению «социальные коммуникации» было открыто при кафедре социологии ее заведующим и деканом ФЭФ Альбертом Николаевичем Елсуковым. Для осуществления преподавания создана секция информации и коммуникации, в которую вошли более десяти преподавателей и аспирантов с разных кафедр факультета. Руководил секцией О. Т. Манаев. Первый набор студентов был осуществлен в 1997 г. Спустя два года, когда учебный план отделения информации и коммуникации начал заметно отличаться от учебного плана отделения социологии, приказом ректора А. В. Козулина от 1 мая 1999 г. были созданы кафедра социальной коммуникации на факультете философии и социальных наук (заведующий – О. В. Терещенко) и кафедра технологий коммуникации на факультете журналистики (заведующий – В. Р. Вашкевич) «для обеспечения подготовки студентов по специальности “информация и коммуникация”, а также активизации научных исследований в области коммуникационных процессов в современном обществе».

Специальности ФФСН БГУ в национальной системе высшей школы и их востребованность

А. Н. Данилов: Вопрос сам по себе непростой. Каждое время выделяет свои приоритеты в подготовке специалистов: лидируют то физики, то лирики. Всегда есть острая необходимость сохранять

преимущество в устойчивом функционировании народно-хозяйственного комплекса, национальной экономики. И это верно, здесь особенно важен государственный заказ и четкая конкрет-

ная мотивация. Страна не может нормально жить и развиваться без инженеров, врачей, учителей, агрономов, ученых. Но не все хотят понимать, что страна также не может жить без специалистов социально-гуманитарного профиля, без философов, социологов, психологов, т. е. без представителей профессий, раскрывающих духовный мир человека, идентифицирующих его мировоззренческую ориентацию в мире мнений и смыслов. Во времена революций и кризисов как раз и ослабевает это ведущее звено, разжимаются скрепляющие общество невидимые духовные скрепы, теряется перспектива развития и мир погружается в хаос. Такого допустить нельзя. Хаос, что бы там ни говорили, управляемым быть не может...

А. В. Рубанов: В национальной системе высшей школы факультет философии и социальных наук БГУ является общепризнанным ведущим учебным, научным, методическим и научно-публикационным центром по своим профильным специальностям.

В числе желающих учиться на факультете приходят, несомненно, лучшие выпускники школ из разных регионов страны, имеющие самые высокие проходные баллы и ориентированные на глубокое изучение избранных наук. Каких-либо, хотя бы минимальных недоборов по итогам вступительных кампаний на факультете традиционно нет.

Сотрудники факультета, работая на общественных началах, являются авторами большинства учебников (учебных пособий) и учебно-методических документов (образовательных стандартов, учебных планов, программ и т. п.) общереспубликанского статуса.

Только на ФФСН БГУ обеспечивается полный цикл подготовки специалистов нашего профиля вплоть до самого высокого уровня (магистратура, аспирантура, докторантура). Традиционно работают специализированные советы по защите диссертаций по философским, социологическим и психологическим наукам. На ФФСН учатся, проходят процедуру подготовки и защиты диссертаций выпускники не только БГУ, но и других учреждений высшего образования. Многие перспективные выпускники регулярно пополняют преподавательский контингент факультета.

Много иностранных учащихся на ФФСН проходят подготовку на всех уровнях. В частности, кандидатами наук, подготовленными на факультете и защитившими диссертации в БГУ, не так давно стали представители Китая, Ирана и Турции.

Длительное время силами сотрудников факультета выходят в свет республиканские научные периодические издания «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» (в 1997–2016 гг. – «Социология»), «Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» (в 2007–2016 гг. – «Философия и социальные науки»), которые с момента основа-

ния включены Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований. Журналы изначально задумывались в качестве площадки для выражения идей как известными учеными, так и теми молодыми людьми, которые делают первые шаги в науке. Свое предназначение издания всегда исполняли и продолжают реализовывать его сейчас.

Способствует выпуск журналов и развитию международного научного сотрудничества. В них публикуют статьи известные авторы из России, Украины, Франции, Германии, Великобритании, США, Швеции, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Болгарии и других стран.

А. А. Легчилин: На протяжении всего существования факультета здесь ведется подготовка высококвалифицированных кадров. Качество подготовки определяется их востребованностью. В этом контексте факультет может гордиться не только тем, что его выпускники представляли элиту Республики Беларусь во все времена ее государственности, но и тем, что некоторые из них профессионально трудятся в зарубежных университетах, научных центрах.

В разные периоды те или иные специальности были более востребованы. Скажем, в первое десятилетие после создания факультета и ранее наиболее популярной была, конечно в силу идеологической доминанты, специальность «философия». Сегодня она переходит в разряд суперэлитных специальностей, в том смысле что в современности должен осуществляться тщательный отбор преемников на профессиональном уровне. И здесь огромная ответственность возлагается на преподавательский корпус по организации этого процесса.

Во втором десятилетии обретает престиж в стране и мире специальность «социология», которая и сегодня в фарватере времени. Именно ей предстоит исследовать быстро текущее и меняющееся время бытия нашего мира, соответственно, и подготовка профессионалов должна идти в ногу с этим миром, чтобы они были именно исследователями, а не наблюдателями («Знать, чтобы предвидеть», как гласит рубрика научного издания «Журнал Белорусского государственного университета. Социология»).

В третьем десятилетии активно проявляется во всех сферах специальность «психология». Вызов понятен как ответ на общество «нового просвещения» (Римский клуб, 2018). Предстоит постичь «психологию народов». В этом смысле роль данной науки будет все возрастать, что сделает востребованными нестандартно мыслящих психологов на глобальном уровне. В этом смысле ближайшее будущее психологии предопределено, в отличие от далекого прошлого. Еще большая привлекательность новой, но во многом еще не опознанной спе-

циальности, которую как только не именовали: это специальность, связанная со столь широко употребляемым в современной культуре словом «коммуникация». Здесь, конечно, слово за специалистами, коль скоро это направление так актуально.

О. В. Терещенко: В 2012 г. специальность «информация и коммуникация» была разделена Министерством образования Республики Беларусь на две – «социальные коммуникации» на ФФСН

и «технологии коммуникации» на факультете журналистики БГУ. Специальность «социальные коммуникации» была открыта также в Полоцком государственном университете. По ней в двух университетах ежегодно выпускается около 80 специалистов. В БГУ состоялось 18 выпусков, в которых дипломы специалистов получили более 700 выпускников, абсолютное большинство которых работают по специальности.

Современные представления о качестве знаний (образование – наука – практика)

А. В. Рубанов: Общеизвестно, что подготовка специалистов высокой квалификации требует тесной взаимосвязи трех главных составных элементов образовательного процесса: усвоения знаний, овладения исследовательскими методиками и приобретения практических навыков.

Отечественная университетская система образования всегда отличалась фундаментальностью и широтой знаний, которые преподаватели стремились передать студентам. Эта традиция сохранилась и во многом помогает молодым людям найти сейчас себе место в различных сегментах рынка труда. К сожалению, со снижением престижа занятия наукой и его материального вознаграждения снизился и интерес молодых людей к исследовательской деятельности. Социологические опросы показывают, что в связи с этим на серьезные занятия наукой ориентированы до 5 % всего контингента нынешних студентов. Значительно больше их интересует овладение практической стороной профессии, с чем они связывают надежды на получение престижного рабочего места и достойную заработную плату. Иногда, правда, они забывают, что овладение исследовательскими навыками является важнейшей составляющей практической подготовки.

Наиболее значимыми элементами подготовки современного специалиста, что прекрасно понимает большинство студентов, является максимальное использование образовательного потенциала электронных информационно-коммуникативных технологий и хорошее владение как минимум одним иностранным языком.

О. В. Терещенко: Знания, получаемые выпускниками специалистами по социальным коммуникациям, выделяются на факультете прикладной практической направленностью и междисциплинарностью. Большинство выпускников этого отделения занимается внешними – массовыми – коммуникациями (для коммерческих, государственных и общественных организаций), измерения которых обеспечивают продвижение товаров, услуг и идей

для разных аудиторий на разнообразных рынках. Особенно актуальны коммуникации на интернет-рынках – с использованием интернет-ресурсов, интернет-сообществ и социальных сетей. Еще два направления подготовки и трудоустройства специалистов – это внутриорганизационные коммуникации, обеспечивающие эффективность менеджмента, а также медиаизмерения как инструмент эффективности политической пропаганды и рекламы. Такое разнообразие профессиональных компетенций требует междисциплинарной подготовки, которая обеспечивается главным образом классическими кафедрами факультета – философии, социологии, психологии.

Формирование индивидуальной подготовки специалистов в соответствии с требованиями работодателя или собственными приоритетами студентов осуществляется посредством преподавания около 30 дисциплин по выбору, позволяющих каждому из студентов сформировать персональный учебный план. Для преподавания многих дисциплин приглашаются сотрудники кафедры социальной коммуникации, других кафедр факультета, а также выпускники специальности прежних лет, чей опыт позволяет персонализировать профессиональную подготовку старшекурсников.

Междисциплинарность коммуникации как науки на протяжении многих лет создает проблемы, препятствующие открытию новой научной специальности. Выпускники кафедры, стремящиеся к научной и преподавательской работе, поступают в научные магистратуры и аспирантуры по экономике, социологии, философии, психологии.

А. Н. Данилов: Во многом еще несовершенная действующая сейчас система контроля качества знаний. Эта система заимствованная и формальная, к тому же во многом бумажная, совершенно не имеющая никакого отношения к оценке качества знаний. В ней акцент следует перенести на помощь и поддержку, а не ограничиваться исключительно контрольными функциями.

Будущее ФФСН в национальной системе образования

А. Н. Данилов: Социологическое образование будет прирастать его востребованностью жизнью. Наша профессия не из легких: помимо природной

любопытности, знания современных информационных технологий, общительности, приходящий в нашу науку человек должен обладать таким каче-

ством, как социальная зрелость, иметь жизненный опыт. Мы не стоим на месте. Недавно создали филиал своей кафедры в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси, сейчас создали социологический кластер, где хотели бы теснее увязать учебный процесс, научную деятельность и реальную работу по специальности, предположительно по месту будущей работы нашего выпускника, тем самым приблизить подготовку будущего специалиста-социолога к реалиям жизни, повысить конкурентоспособность наших выпускников на современном рынке труда.

Постоянно пересматриваем учебные программы и планы в целях включения в них новых, оправдавших себя на практике содержательных компонентов. Стараемся не снижать уровень теоретико-методологического блока социологических курсов, в полной мере обеспечивать их практико-ориентированную направленность. При этом всячески развиваем международные научные и образовательные связи, публикационную активность наших сотрудников, в том числе в высокорейтинговых изданиях за рубежом.

Очень важно, и мы к этому стремимся, чтобы в социологию приходили молодые люди по призванию. Здесь перед нами открывается большой пласт работы по популяризации социологического знания, укреплению позиций социологии в обществе и во власти.

Всегда есть вариант пессимистического и оптимистического будущего. Наша ситуация не исключение. На протяжении исторически непродолжительного отрезка времени, если взять даже последние 100 лет, отношение к гуманитарным наукам менялось неоднократно. Но оставались востребованными во все времена высокий профессионализм, преданность своему делу. Выбор профессии по призванию – это сегодня подвиг, и совершить его готов не каждый. Поэтому я все же остаюсь на позиции сдержанного оптимизма.

Социологическую науку никому закрыть не удастся, она нужна не только как большой и очень важный фрагмент нового знания и расширения горизонта возможностей, но и как необходимый инструмент, позволяющий обществу устойчиво развиваться, преодолевать всяческие препятствия, а власти – принимать верные решения в ответ на новые вызовы времени. Нужно не бояться социологии, а активно использовать ее результаты.

О. В. Терещенко: Факультет обеспечивает национальную систему образования рядом уникальных научно-педагогических специальностей, без которых невозможна подготовка не только в педагогических, но также в технических, сельскохозяйственных, медицинских и любых других университетах. Особое внимание хотелось бы обратить

на то, что кафедра социальной коммуникации уже на протяжении 20 лет готовит специалистов по медиаизмерениям – измерениям аудиторий и контента медиaprостранства. Выпускники работают на предприятиях и в организациях, и важность их работы неоднократно подчеркивало руководство страны.

А. А. Легчилин: Сегодня перед факультетом стоят новые задачи, не менее амбициозные, чем в прошлом. Но это естественно, если применить философскую максиму понимания истории: «Чем выше – тем быстрее идет дело!» И действительно, на факультете, который прирастает, ассимилируя в себя новые, доселе не естественные его сущности направления (социальная работа и реабилитология, общая и клиническая психология), будут увеличиваться и соответствующие нагрузки. Но в этой тенденции есть положительные стороны. Из возникшего симбиоза, напротив, как в природе, в результате тесных взаимосвязей возможен огромный спектр взаимовыгодных отношений, приносящих пользу всем участникам этого симбиоза. Современный факультет переживает своеобразную эпоху возрождения. Ранее на нем обучались иностранные граждане преимущественно из социалистических стран. Сегодня стоит непростая задача привлечения и обучения студентов и магистрантов не только из Китая, но и из других стран. Совершенно новая задача, ранее не реализованная на факультете, – подготовка учащихся на всех уровнях на английском языке. Не менее амбициозная задача на современном этапе возникает и в научной сфере: публикация своих изысканий в научных журналах с высоким импакт-фактором, индексами цитирования в «Scopus», «Web of Science», РИНЦ; стремление инкорпорировать «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» в библиографическую и реферативную базу данных «Scopus»; применение гиперсовременных методов и способов медиатизации учебного процесса и научных изысканий. Не менее значимой перед факультетом в перспективе является задача стать реальным центром социально-гуманитарного знания в Республике Беларусь и платформой научных дискуссий по актуальным проблемам современного мира. Перспективы для всего этого имеются: традиция (почти вековая, учитывая приближающееся столетие БГУ), ответственность. Как писал И. Кант, «две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

А. В. Рубанов: Уверен, что факультет философии и социальных наук БГУ был, есть и будет ведущим учебным, научным, методическим и научно-публикационным центром национальной

системы высшей школы в сфере представленных в нем наук.

Полагаю, что не ослабнет стремление части молодых людей к занятию профильными дисциплинами факультета. Как минимум начнет восстанавливаться до уровня советских времен интерес молодых людей к научной деятельности, а как следствие, станет больше интересных научных статей и книг, кандидатских и докторских диссертаций. В конечном счете выпускники факультета продолжат пополнять ряды национальной интеллектуальной элиты.

Сохранится, а возможно, станет более активной издательская научная деятельность. Вырастут известность, популярность и, соответственно, международные рейтинги издаваемых силами сотрудников факультета научных журналов.

На разных уровнях факультетской иерархии (от студента до профессора) будут более оживленными разнообразные международные связи в сфере образования и науки.

Окрепнут разносторонние связи с общеобразовательными учебными заведениями страны, что позволит и в дальнейшем привлекать талантливых, мотивированных на занятия наукой старшеклассников к поступлению на факультет. Вспоминаю, как сам в школьные годы учился в организованной Институтом философии и права Академии наук БССР школе юного философа, которая под названием «Школа молодого философа “Пайдейя”» воссоздана на базе факультета.

Будущие студенты будут гармонично сочетать учебу, расширение интеллектуального кругозора с интересным, творчески насыщенным проведением свободного времени.

Наконец, думаю, что на факультете сохранится здоровая, творческая атмосфера, благодаря которой здесь всем будет интересно и учиться, и работать.

А. Н. Данилов: Подводя итог нашего разговора, хочу еще раз всех поздравить с 30-летием ФФСН и пожелать всяческих успехов в работе.

*Статья поступила в редколлегию 17.05.2019.
Received by editorial board 17.05.2019.*

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.4

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На основе институционального и историко-материалистического подходов предлагается социологический взгляд на объяснение социального механизма регулирующего воздействия государства на развитие экономики. Утверждается, что регулирование экономическими институтами и организациями есть сложный диалектический процесс взаимодействия органов государственного управления и социальных групп (классов), реализующих свои экономические интересы. В частности, делается попытка ответить на ряд актуальных вопросов об источниках и механизмах развития экономических институтов, о тех или иных социальных группах, заинтересованных в их появлении или исчезновении, о соответствии или несоответствии этих интересов экономическим потребностям страны.

Ключевые слова: регулирующее воздействие государства; социальные группы; классы; институциональный подход; экономические и социальные институты; организации; социальные революции; социальная сила; группы или классы; глобализация.

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Государство как субъект регулирующего воздействия на развитие экономики: возможности и ограничения (социологический анализ). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019; 2:26–35.

For citation:

Smirnov VE. The state as a subject of regulatory impact on the development of the economy: opportunities and limitations (sociological analysis). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:26–35. Russian.

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

THE STATE AS A SUBJECT OF REGULATORY IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

On the basis of the institutional and historical-materialist approaches, a sociological perspective is proposed to explain the social mechanism of the regulatory influence of the state on the development of the economy. It is argued that the regulation of economic institutions and organizations is a complex, dialectical process of interaction between government bodies and social groups (classes) that realize their economic interests. In particular, an attempt is made to answer a number of topical questions about the sources and mechanisms for the development of economic institutions, those or other social groups interested in their appearance or disappearance, on the conformity or nonconformity of these interests with the economic needs of the country.

Keywords: regulating influence of the state; social groups; classes; institutional approach; economic and social institutions; organizations; social revolutions; social force; groups or classes; globalization.

Регулирующее воздействие государства на развитие экономики является нормой для современного цивилизованного мира. При этом регулирование осуществляется как через выработку законов и нормативных актов, так и посредством прямого экономического регулирования и разработки программ поддержки конкретных направлений и сфер хозяйственной деятельности. Оно выражается в том числе в применении так называемых экономических рычагов: регулировании цен и тарифов, монетарной и в целом кредитно-финансовой политики, налогов, пошлин и др. Обычно цели и задачи регулирующего воздействия государства претендуют на научное обоснование. Поэтому когда к проблеме государственного регулирования экономики обращаются ученые-экономисты, то речь в первую очередь идет о тех мерах экономического характера, которые государство реализует в отношении различных отраслей экономики. Когда к данной проблеме обращаются юристы, то речь идет о всевозможных законах, указах и декретах, подзаконных актах и распоряжениях, которыми регулируется экономическая деятельность. Социологический же взгляд направлен на государственное регулирование экономики как на процесс реформирования экономических институтов, понимаемых в самом широком смысле как разновидности социальных институтов вообще. Соответственно, перед социологом возникают совсем другие вопросы: как и почему эти экономические институты появляются и исчезают? какие социальные группы заинтересованы в их появлении или исчезновении? деятельность каких групп осуществляется в рамках этих институтов? соответствует она экономическим интересам страны или нет?

Для социолога было бы странным полагать, что исключительно власть в соответствии со своими представлениями и принятыми теориями конструирует экономические институты. Ведь социальные

институты и, в частности, экономические институты есть типизированные комплексы человеческого поведения, определяемые общим уровнем развития общественного производства, а также типом доминирующих экономических отношений, местом общества в мировой системе разделения труда, общественными представлениями и многим другим. Причем, с точки зрения социолога, все эти факторы реализуются через деятельность социальных групп с их социальными, в данном случае – экономическими, интересами. Естественно, возникает вопрос: может быть, власть вообще не имеет отношения к созданию, функционированию и ликвидации экономических институтов? Такой односторонний подход, конечно, тоже неверен, что очевидно наблюдается как в непосредственной управленческой практике государственных органов, так и в многочисленных исторических примерах. Скорее, нужно говорить о создании и регулировании экономических институтов и организаций как о сложном диалектическом процессе в обществе, где взаимодействуют органы государственного управления и социальные коллективы (группы), реализующие свои интересы. В этом суть социологического подхода к пониманию механизма регулирующего воздействия государства на развитие экономики.

Не менее важным вопросом является для социолога проблема развития системы экономических институтов общества, ибо только в развитии возможно достаточно полное и адекватное изучение предмета исследования. Поэтому социолог, когда задается проблемой социальных изменений, в частности экономических, прежде всего определяет их источник. Опираясь на институциональный подход и принципы диалектики, можно допустить, что таковым является противоречие между

постоянно меняющимися институтами (моделями устойчивых социальных взаимодействий) и организациями (стабильными организационными формами, в той или иной степени воплощающими эти модели в общественной практике). Указанное диалектическое взаимоотношение достаточно сложно. Признавая, что основное противоречие возникает вследствие развития, перманентной эволюции социальных институтов, которым по мере их изменений все менее соответствуют конкретные организационные формы человеческих взаимодействий, нельзя не отметить, что это непростое взаимоотношение, поэтому в истории можно встретить также и обратное влияние организационных форм на социальные институты.

В данном контексте социальный институт выступает как диалектически развивающаяся система, основанная на перманентном взаимодействии и типизации форм практической деятельности, порождающих в общественном сознании идеальные представления – институты, которые в конечном счете определяют архитектуру формальных организационных форм (организаций) человеческой деятельности с точки зрения тех или иных социально-групповых и классовых интересов. Поэтому социальный институт представляет собой пространство данного взаимодействия и развития вследствие противоречия между постоянно обновляющимися формами практической деятельности, возникающими на их основе институтами и устаревающими формальными организациями, за которыми стоят групповые интересы.

Схематично этот механизм можно описать следующим образом. Источником социальных изменений и, в частности, изменений в институциональной сфере является развитие общественного производства, а конкретно – средств производства и людей с их знаниями и навыками. Так как в процессе производства люди вступают в отношения с другими людьми, то можно сказать, что человеческий труд имеет совместный характер и в этом смысле является общественным трудом. Соответственно изменениям в процессе общественного производства, обусловленным трансформациями в производительных силах, изменяются отношения между людьми и социальные отношения в целом. Регулярное повторение определенных форм взаимодействия, детерминированное типизацией трудовых процессов, приводит к типизации форм взаимодействия людей. Эти типизации закрепляются в форме институций – представлений о должных (само собой разумеющихся) формах взаимодействия в рамках той или иной общественно значимой деятельности [1, с. 22–33]. Более того, со временем эти институции подвергаются, по словам П. Лукмана и Т. Бергера, процедуре «объективации второго порядка» [2, с. 52]. В рамках этой процеду-

ры производится осознанная легитимация существующих институтов, их осознание и обоснование средствами науки, религии, идеологии и т. п., в результате чего появляется первое противоречие – противоречие между новыми формирующимися институтами и господствующими, легитимированными в обществе социальными и, в частности, экономическими институтами – объективациями прошлого опыта.

Но, поскольку отношения, связанные с производством, являются базовыми, изменения в них в конечном счете приводят к расшатыванию и делегитимации господствующих институализированных отношений и самих институций. Вслед за институтами, связанными с общественным производством и, в частности, с производственной деятельностью, где важнейшим институтом выступает институт собственности, делегитимируется вся система институциональных представлений, ценностей и идеалов. А на смену ей приходит и утверждается новая система социальных институций, основывающихся на новом состоянии общественного производства. И эта новая институциональная система вступает в противоречие с системой организаций, выстроенных на базе старой институциональной системы. Как правило, организации конституируются как своеобразный продукт общественного договора о фиксированных нормах и правилах взаимоотношений людей в процессе исполнения ими общественно значимых социальных функций на базе институций (институциональных представлений) и в условиях конкретного социально-классового баланса интересов.

Все это приводит к тому, что в процессе типизации новых форм взаимодействий появившиеся на их основе социальные институции вступают в противоречие с прежними организационными формами, которые обладают немалой устойчивостью по той причине, что в их существовании заинтересованы люди, состоящие в этих организациях. Причем чем выше их статус в организациях и обществе в целом, тем с большей энергией они отстаивают неприкосновенность организации и тем большие ресурсы способны привлечь в борьбе за свое место в обществе. Условно говоря, директор департамента будет до конца бороться за существование своего департамента. При этом эффективность организационных форм, просто потому что они «неудобно» исполняют свои социальные функции, резко снижается, а в рамках самих организаций утверждаются разного рода «серые» схемы, более «удобные» в новом состоянии экономических отношений, чем официальные, правила и нормы. В конечном счете устаревшие формы будут обязательно снесены, так как они мешают общественному развитию, а точнее, развитию общественного производства, и потому с утверждением

новых институций эти организационные формы теряют легитимность в глазах общества и, более того, воспринимаются как враждебные. Другой вопрос: как именно произойдет ликвидация устаревших организаций и организационных форм? Она может осуществляться как революционным путем, так и путем реформ. В этой ситуации роль государственных органов заключается в первую очередь в своевременном реформировании организаций и организационных форм, в ликвидации устаревших и мешающих общественному развитию организаций.

С учетом данного понимания обоснование социального механизма государственного регулирования экономической деятельностью в стране строится исходя из анализа проблемы взаимодействия общества (в лице различных социальных групп с их потребностями и интересами) и органов государственного регулирования в процессе формирования, функционирования и прекращения деятельности экономических институтов и организаций. И в этом плане необходимо обратить внимание на такой субъект социально-экономических изменений, как социальные группы (или классы). Несмотря на то что классовая теория сегодня не в моде, невозможно отрицать, что в обществе существуют разные социальные группы с разными потребностями и интересами. Эти интересы могут совпадать, а могут и вступать в противоречие с интересами других социальных групп. Если выделять социальные группы по экономическим показателям (по месту в системе разделения труда, системе отношений собственности, системе производства и обмена), то речь будет идти об экономических интересах этих групп, которые, в свою очередь, порождают интересы политического свойства. Данные социальные группы обладают определенной социальной силой в обществе, которая зависит от трех факторов: относительной численности, роли и места в общественном производстве и, соответственно, размера получаемого дохода и социального самосознания.

Под социальным самосознанием подразумевается осознание индивидом или социальной группой своих интересов и осознание своего единства в этих интересах с другими представителями данной группы. Социальная сила подобного коллектива обеспечивает ему возможность перестраивать способы социальных взаимодействий в обществе и социальную политику в целом соответственно своим интересам. Собственно, баланс указанных характеристик и определяет относительную социальную силу группы. При этом численность – наиболее очевидная характеристика. Однако не менее очевидно и то, что весьма многочисленные группы (классы) трудящихся (например, крестьяне, рабочие или другие массовые категории служащих) се-

годня не обладают социальной силой, достаточной для изменения социальных отношений в своих интересах: хотя они и имеют относительно высокую численность, по двум другим критериям их положение является слабым. В общественном производстве они выполняют подчиненную роль (в терминах трудовой теории стоимости они продают свою способность к труду), а размер получаемого ими дохода низок. Неудивительно, что идеологи классовой борьбы постулируют как основную задачу осознание этими группами (классами, согласно марксистской теории) своих интересов и своего единства как необходимого фактора для приобретения социальной силы, т. е. способности к изменению общественных отношений.

Вторым важным фактором, определяющим вес (значимость) социальной силы, является роль и место той или иной социальной группы в общественном производстве. Он значим потому, что с появлением общественного разделения труда в обществе возникают две основные группы: «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.» [3, с. 226]. Причем с развитием производства и усложнением технологий простой совместный труд, ставший основным фактором общественного производства, приобретает все более абстрактные черты и нуждается в управлении со стороны.

На заре развития человечества в сфере общественного производства разделение на руководителя и подчиненного просто не имело смысла. В эпоху господства аграрного хозяйства крестьянин не нуждался в стороннем организаторе крестьянского труда, а описанный выше класс, свободный от непосредственного производительного труда, выполнял другие функции: например, организовывал общество для ведения войны или масштабного строительства. В эпоху индустриального капитализма рабочий, продающий свою способность к труду, напротив, нуждается в руководителе, ибо в своем труде рабочий настолько отчужден от смысла и порядка труда, что не может трудиться без руководителя (речь идет о проявлениях отчуждения труда по Блонеру, который показал, что в индустриальном обществе работник испытывает в процессе труда чувства беспомощности, самоотчуждения, изоляции и бессмысленности своей деятельности) [4, с. 260].

Нужно сказать, что институт частной собственности является основным инструментом организации взаимоотношений между трудящимися массами и руководящим классом: сам факт собственности на средства производства предполагает

право и возможность руководить теми, кто нуждается в них для осуществления трудовой деятельности и пропитания. В аграрную эпоху таким средством производства была земля и, соответственно, вся экономическая система общества базировалась на поземельных отношениях, на формах владения землей. Со временем такие средства производства, как заводы и фабрики, стали играть в экономическом обороте более значимую роль, чем земля, и отношения организации труда трансформировались, обусловив изменение господствующих форм частной собственности. Таким образом, в соответствии с постепенным становлением этих взаимоотношений (от самых архаичных в древнейших обществах до полностью развитых в индустриальном капиталистическом обществе) также развивалась и частная собственность.

Если обобщить сказанное выше, то можно понять, что социальные группы (или классы), благодаря владению собственностью или на других основаниях осуществляющие руководство, самой своей деятельностью воспроизводят существующий тип общественных отношений, поэтому заинтересованы в его сохранении и держат в руках рычаги, с помощью которых общественные отношения можно либо реформировать, либо консервировать в своих интересах. Это важный фактор, обеспечивающий данной группе ее социальную силу, и, естественно, богатство, т. е. высокая доля распределяемых доходов, связанная с местом в системе общественного производства, играет немалую роль.

Однако есть еще одна проблема. Дело в том, что весьма важна готовность масс подчиняться господствующим и руководящим группам. Речь идет о благожелательном (а не вынужденном) согласии управляемых. Господствующая группа (класс) в состоянии навязывать всему обществу свои представления о должном и правильном, обеспечивать благожелательное согласие остальных именно благодаря возможности оплачивать в своих интересах труд интеллигенции. Последняя, согласно обоснованной позиции А. Грамши, артикулирует мировоззрение и ценности господствующей группы (класса) и транслирует их в преобразованных и понятных (доходчивых) формах широким массам населения. К тому же показательное потребление господствующих групп во многом формирует пирамиду потребностей, которая также является немаловажным фактором в системе, ориентированной на консервацию социальных отношений в выгодной для означенного класса конфигурации.

Последним по порядку, но не по значению, является такой фактор, как социальное самосознание. Он связан, во-первых, с осознанием своих объективных интересов и, во-вторых, как следствие, с осознанием своего единства в этих интересах с представителями своей социальной группы

(класса). Как уже было сказано, этот фактор классики марксизма полагали основным для переустройства общества в интересах трудящихся классов. Однако историческая практика демонстрирует нам, что свои интересы прежде осознают группы (классы), которые в системе общественного разделения труда занимают господствующее, руководящее положение. Это связано с тем, что именно они транслируют свое мировоззрение обществу, а не принимают чужое, и поэтому их интересы не скрыты для них самих. Более того, их мировоззрение и интересы формулируются профессиональной (гуманитарной) интеллигенцией (собственно, в этом заключается одна из основных функций социально-гуманитарной науки – в артикуляции мировоззрения и интересов господствующего класса или, наоборот, андеграундных социальных групп и классов). Кроме того, руководящая роль в значительной мере заключается в навязывании всему обществу того типа социальных взаимоотношений, который закрепляет эту роль и отражает социальную суть господствующей группы или класса (понятно, что феодальный класс навязывает и оберегает тип социальных взаимоотношений, свойственный феодальному обществу, а буржуазный класс, соответственно, – капиталистическому).

Все эти факторы обеспечивают то, что называют социальной силой той или иной группы или класса. Например, в эпоху постепенного становления господства буржуазии проявились все три этих фактора. Во-первых, очевиден численный рост буржуазии относительно феодального класса. Если в эпоху расцвета феодализма лишь незначительное количество протобуржуазных элементов проживало в небольших городах, то с развитием буржуазных отношений и сами города вернули себе размеры, известные еще с древнеримских времен, а часто и стали превосходить их, и буржуазные слои существенно выросли. Во-вторых, решительно изменилась роль молодой буржуазии в общественном разделении труда. В эпоху расцвета феодализма протобуржуазные элементы в лучшем случае только посредничали в форме торгового капитала в ничтожном по масштабу обмене между основными производящими единицами – феодальными поместьями, ведущими по большей части натуральное хозяйство. Со временем товарно-денежный обмен, найм рабочей силы и иные отношения, ставшие социально-экономической базой развития капитализма, проникли во все сферы общественного производства и, постепенно превращаясь в основные, оставили элементы натурального хозяйства на периферии общественных отношений. В-третьих, деятельность интеллектуалов того времени – сначала в религиозной форме (протестантизм), а затем и в светской (французское Просвещение) – обеспечила осознание буржуазией как классом своих

интересов и, соответственно, своего единства. Все это позволило ей интенсивно заняться переустройством общества в своих интересах, т. е. трансформацией системы социальных отношений путем освобождения от устаревших форм производственных взаимодействий и социальных отношений, освоенных традицией и связанных с феодализмом.

Но каким образом? Обыкновенно речь идет о революции как о смене общественного устройства силовым путем. Это представление о революциях не совсем верно. Сегодня под революциями принято понимать хаос и разруху, организованные кучкой революционеров – авантюристов, террористов, анархистов и т. п. Однако на самом деле революции начинаются с краха, разложения старого порядка, с ситуации, когда в рамках прежних общественных отношений, или, иначе говоря, старой системы социальных взаимодействий, становится невозможным осуществление общественного производства и хозяйственной жизни на адекватном исторической ситуации уровне. Ведь экономические институты – это, если говорить упрощенно, типичные способы организации совместной деятельности людей в процессе общественного производства. Когда они перестают соответствовать условиям производства, в кризисном состоянии оказывается сама возможность общественного воспроизводства. Но, поскольку производственная деятельность есть базовое условие человеческого существования, в кризисе оказываются и социальные формы (институты), обеспечивающие общественное производство. Общество разрушается, разваливается, а социальные взаимодействия в базовой – производственной – сфере слишком затрудняются. Это значит, что не революционеры разрушают общество – они просто становятся влиятельной силой в обществе, разрушенном по объективным причинам.

Впрочем, нас интересуют не те революции, где общества проходят через развал и «пересборку», а социальные революции мирного, реформаторского типа. Собственно говоря, их обычно и не называют революциями. Нам они интересны потому, что позволяют увидеть, как взаимодействуют разные группы, обладающие социальной силой и своими конкретными интересами, с государством как системой власти. Рассмотрим, например, эпоху реформ в Швеции, когда из феодальной страны она превратилась в преуспевающее буржуазное государство.

До Северной войны с Россией Швеция была могучей североευропейской империей, а после многолетней войны и поражения в ней обеднела и некоторое время продолжала оставаться экономически отсталым аграрным государством с сословным обществом и абсолютистской политической системой, но быстро пришла в норму. Попытки буржуазных

элементов, связанных с партией «колпаков» (колпак – головной убор буржуа того времени), в противовес партии «шляп», отражающей интересы дворян-землевладельцев, провести через риксдаг (сословный парламент Швеции) некоторые буржуазные реформы провалились и, более того, привели к поражению буржуазии и к аристократической реакции. Вследствие этого была принята новая конституция, усилившая власть короля и аристократического государственного совета. Новая же история Швеции началась с 1820–30-х гг., когда повысился спрос со стороны Англии, Голландии и других стран на строительный лес и шведское железо. Экспорт леса в больших объемах привел к бурному строительству паровых лесопилок и, соответственно, появлению сложных технологий, а производство железа – к росту выработки железных изделий внутри Швеции, что увеличило производительность сельского хозяйства и способствовало его укрупнению. Эти факторы и демографический рост обусловили переизбыток населения, его миграцию в города и развитие промышленности. К середине столетия промышленная буржуазия усилилась настолько, что смогла сначала потеснить, а затем и победить старую, полуфеодальную земельную аристократию даже в феодальных государственных органах. Значимым результатом этой борьбы стали реформы в экономике и социальных институтах. Наверное, нет смысла скрупулезно описывать процесс либеральных реформ от 1840-х гг., начала правления короля Оскара I, год за годом менявших страну, до реформ, связанных с именами Л. де Геера и Ю. Грипенстедта и появлением в 1866 г. не сословного, а буржуазного двухпалатного парламента. Можно лишь сказать, что в конечном счете в Швеции произошла социальная революция.

Нас интересует процесс, в рамках которого новая социальная сила (растущая буржуазия) не просто явочным порядком, в результате эволюции экономической жизни и трансформаций в сфере производства, а фактом проникновения в политическую сферу меняла систему общественных отношений в стране. Все попытки консерваторов, представляющих интересы сословной аристократии, остановить преобразования, пропали втуне, несмотря на тактические успехи, а сам состав таких органов, как государственный совет и риксдаг, постепенно сменился, и они превратились из оплота феодального консерватизма в органы власти буржуазии.

Но вернемся к источнику всех этих изменений. Была ли это воля прогрессивных королей или мудрых реформаторов? Очевидно, нет. Источником социальных преобразований в Швеции были изменения в производственной сфере, в частности в производительных силах: благоприятная экономическая конъюнктура, породившая или уси-

лившая социальные группы (классы), заинтересованные в обновленной системе экономических и социальных отношений. Чем более эти группы захватывали политическую власть, тем более конкретизировались их интересы и тем более конкретными были их государственные действия в экономической сфере. Появление рынков сбыта для шведского леса и железа – вот источник социальных изменений в шведском обществе.

Подобную ситуацию, связанную с явлением так называемого китайского экономического чуда, можно наблюдать и в современном Китае. Многие задаются вопросом: «С чего именно началось успешное движение КНР по капиталистическому, если без экивоков, пути?» На самом деле, никакой тайны в этом нет. Начальная точка данной траектории лежит в решительном потеплении отношений КНР и США в 1970-х гг., причем в первую очередь в силу политических причин: речь шла о союзе против СССР. Решение вопросов экономического взаимодействия между обеими странами было вторично. Можно, конечно, полагать, что Дэн Сяопин вдруг, после десятилетий развития страны по определенной траектории, в 1978 г. начал реформировать китайскую экономику. Однако вряд ли случайно совпадение начала реформ и подписания Соглашения о торговых отношениях КНР и США 1979 г., согласно которому стороны предоставили друг другу статус наиболее благоприятствуемой страны, причем очевидно, что текст договора готовился задолго до его формального подписания.

Реформы Дэн Сяопина имели смысл только при одном условии – наличии рынков сбыта. Капитализм развивается тогда, когда капиталистическая экономика имеет рынки сбыта. Наличие рынков является источником успеха капиталистического развития, а по сути, единственным источником. Таким образом, на рубеже 1970–80-х гг. для китайских производителей были открыты громадные американские рынки. Только вследствие этого в китайскую экономику стало выгодно инвестировать по той причине, что произведенное в Китае было куда продать. Даже дешевая рабочая сила стоит на втором месте, поскольку стран с дешевой рабочей силой много, а вот стран, допущенных на самый большой на тот момент рынок в мире, куда меньше. Согласно данным «Белой книги» китайско-американских отношений, «по статистике Китая в 1979 г. объем китайско-американской торговли составил 2,45 млрд долларов США, в 1996 г. – 42,84 млрд долларов. Совокупный объем торговли за 18 лет составил 260,6 млрд долларов. С 1979 г. США стали третьим, а в 1996 г. – вторым крупнейшим торговым партнером Китая. <...> Согласно статистике Китая и США, в 1996 г. товары из США составили 11,6 процента общего объема импорта Китая, товары из Китая составили 5,42 про-

цента общего объема импорта США. Соединенные Штаты стали одним из наиболее быстрорастущих рынков сбыта китайских товаров, а Китай, в свою очередь, стал для США одним из наиболее быстро растущих рынков экспорта» [5].

Впрочем, нас интересуют социальные последствия разворачивающихся процессов, которые заключаются в том, что родился и вырос класс китайской буржуазии, причем как мелкой, так средней и крупной. Решительно выросло ее влияние. Именно наличие социального класса, заинтересованного в определенных правилах игры, стало источником институциональных изменений и их законодательного оформления. Сами по себе никакие законы не могут работать, и как бы хороши ни были законы и правила, без влиятельных социальных групп, прямой интерес которых заключается в соблюдении этих правил и контроле за их исполнением, такие законы превратятся лишь в благие пожелания. Они будут нарушаться всеми способами, и первую скрипку здесь будет играть коррупция.

У читателя может создаться впечатление, что государственное регулирование, по сути, и не нужно или, вернее, должно быть всего лишь политическим выражением воли влиятельных социальных групп (классов). Но это не совсем так. Мы уже говорили о том, насколько важным является осознание крупными социальными группами своих интересов и своего единства в них. Однако существует и другая сторона вопроса, которую К. Маркс определил следующими словами: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [6, с. 54]. Это говорит о том, что определенные интересы, связанные с противостоянием иным группам и классам, осознаются значительно быстрее, чем другие, с этим противостоянием не связанные. Последние могут и вовсе не осознаваться. Соответственно, сами по себе они редко артикулируются, поэтому их непросто воплотить в виде законов, норм и конкретных социальных форм. И здесь важна роль государства, которое функционирует в том числе и для того, чтобы, выражая интересы влиятельных групп, согласовывать их и придавать им конкретную форму, конкретное выражение. Более того, отдельные представители и даже политически активные группировки господствующего класса часто преследуют только свои непосредственные интересы и ставят себе тактические цели, тогда как государство, как правило, преследует цели стратегического характера.

Например, известны поистине революционные реформы Петра I. В научной исторической литературе прошлого (впрочем, такая позиция встречается до сих пор) реформаторская деятельность царя

представляется как волюнтаристская, независимо от того, как оценивает конкретный историк его деятельность: как благо или как зло. Как будто Петр I вследствие жизненных перипетий, связанных с правлением сестры, знакомства с представителями Немецкой слободы (Кукуя) и иными частными событиями, выдумал себе идеальный план реформ и претворил его в жизнь, при том что страна лишь пассивно и покорно выполняла все петровские приказы.

В действительности ситуация была совершенно иная. Петр I смог одержать победу над правительством Софьи и осуществить свои реформы только благодаря тому, что выражал не только специфические интересы мелкого и среднего дворянства, но и интересы всего общества. Дело в том, что по завершении Смутного времени конца XVI – начала XVII в. оказалось, что далеко не все социальные противоречия, вызвавшие кризис в обществе, были решены. Несмотря на то что материальное положение мелкого и среднего дворянства благодаря утверждению крепостного права упрочилось, социально-иерархические претензии этого класса не были удовлетворены и, более того, лишь усиливались. В противовес им существенно ослабленная еще в Смуту старая титулованная аристократия все же сохранила свои господствующие позиции, но в архаичных формах, что резко ограничивало возможности социального возвышения дворянства. Хотя местничество было отменено Земским собором 1682 г., т. е. еще в детские годы Петра, элементы этого явления фактически существовали еще не одно десятилетие, особенно на периферии. В то же время эти правовые формы ограничивали и царскую власть, что не удивительно, ибо указы и иные законодательные акты, принятые прежними государями, не отменялись без особой надобности. А так как они были рождены совсем в другую эпоху, эпоху удельной монархии, то мешали становлению абсолютизма. Поэтому аристократия в своей антиабсолютистской фронде, то затухавшей, то разгоравшейся снова, апеллировала к старине.

Как бы то ни было, заинтересованность мелкого и среднего дворянства в уничтожении сословных ограничений, социальном росте за счет аристократии, а также в укреплении крепостного права (мелкий дворянин, в отличие от крупного аристократа, не имел достаточных механизмов и возможностей, чтобы удержать крестьян добровольно или силой – особенно после начала колонизации на восток) совпала с интересом царской власти, который заключался в укреплении самодержавия. Вследствие совпадения этих интересов Петр I в своих реформах опирался на такую социальную базу, как мелкое и среднее дворянство, а оно, в свою очередь, нашло в политике царя отражение своих интересов, своей коллективной воли. Собственно говоря, Петр

выполнил социальный наказ класса, на который он опирался. Табель о рангах дала возможность любому дворянину дорасти до самых высоких чинов государства, а петровское «упорядочивание» сословий решительно закрепило институт крепостного права.

Однако Петр I не являлся пассивным исполнителем воли социальных сил, заинтересованных в его реформах. Описанные интересы мелкого дворянства были актуальны еще в период Смуты и вследствие ослабления (а по большей части физического угасания) старых аристократических родов в принципе могли быть реализованы. Но для этого понадобилась активная роль царской, государственной власти. Более того, нужно понимать, что желания нетитулованного дворянства не были реализованы в полной мере: аристократия сохранила определенную часть привилегий, и во многом это было следствием деятельности государственной власти, старавшейся соблюдать определенный баланс в регулировании противоречивых интересов социальных групп и классов. Другое дело, что привилегии титулованной аристократии уже не сдерживали продвижение абсолютистских тенденций в политике царской власти.

Таким образом, роль государственной власти нельзя сводить лишь к пассивному выражению интересов наиболее влиятельных групп. Приведенный пример показывает, что государственная власть в своих интересах, правильно или нет (на уровне представлений той эпохи) воспринимавшихся как интересы всего общества, своей реформаторской деятельностью реализовала интересы определенного класса, причем настолько, насколько считала нужным. Это вполне активная позиция государства. В ситуации китайских реформ роль государства проявляется еще решительнее: исходя из политико-экономических интересов страны государство создало условия для формирования в китайском обществе 1970-х гг. совершенно новых социальных групп, которые, в свою очередь, активно поддерживали реформы. То есть, основываясь на марксистской традиции, можно сделать вывод, что, несмотря на классовый характер любой государственной власти, на то, что она выражает интересы наиболее влиятельных групп общества, нельзя отрицать и ее определенную (иногда весьма высокой степени) самостоятельность, ее деятельную роль в конфигурации социально-экономических изменений.

Выше мы рассмотрели, как и почему происходят социально-экономические изменения в их классическом виде, причем на историческом материале продемонстрировали конкретные примеры взаимодействия государственной власти и влиятельных социальных групп общества, имеющих свои интересы. Однако анализ реалий постсовет-

ских обществ и иных обществ, не принадлежащих к ядру капиталистического мира, демонстрирует, что на практике ситуация складывается намного сложнее. И это прямо связано с процессами глобализации. Хотелось бы заметить, что глобализация обычно рассматривается достаточно многозначно. С экономической точки зрения под глобализацией понимается появление глобального рынка на месте довольно слабо связанных региональных рынков, распространение единой системы разделения труда на весь мир и изменения структуры хозяйства. С социологической же точки зрения под глобализацией следует понимать процессы, в результате которых социальные институты приобретают глобальный характер. Под глобальным характером социальных институтов как моделей социальных взаимодействий подразумевается ситуация, когда они формируются на базе доминирующих тенденций в экономической жизни наиболее влиятельных и богатых государств мира, но распространяются на весь мир. Собственно, это и лежит в основе унификации в экономике, социальной сфере и культуре. Вследствие этого на мировой периферии возникает противоречие между социально-экономическими институтами, сформированными на базе особенностей общественного производства доминирующих стран Запада, и институтами, которые являются продуктом типизации отношений, реально осуществляющихся в периферийных обществах. Вследствие того, что первые, как правило, выражены в форме объективации второго порядка, т. е. осознаны и обоснованы научно и идеологически, а вторые – нет, конкретные формы организации в периферийных обществах нередко строятся на базе первых. При этом государственная власть в лице политиков и чиновников, хорошо знакомых с мировыми идеологическими и политическими течениями и тенденциями, но в меньшей степени соприкасающихся с непосредственной экономической жизнью, играет в этом определяющую и неоднозначную роль.

Само представление о возможности строить систему взаимодействий людей в тех или иных сферах в соответствии с институтами, выработанными в так называемых современных странах, игнорирует тот факт, что социально-экономические институты базируются на конкретных формах общественного производства. Поэтому, не имея возможности скопировать особенности производственной системы (а это затруднительно хотя бы потому, что страны периферии имеют отличную

от доминирующих стран позицию в глобальной системе разделения труда), бессмысленно пользоваться означенными институтами для выстраивания общественных и экономических отношений в своем обществе.

Данная тенденция касается не только экономики, но и системы образования, реформ политической системы, военной сферы, организации социальных служб и многого другого в современных постсоветских обществах. Например, в армии сегодня в моде переход на контрактную систему, что для сравнительно небогатого (например, российского) государства, обладающего самой большой сухопутной границей в мире, крайне затруднительно. То же касается и платной медицины, которая стремительно распространяется на постсоветском пространстве и которую не может поддерживать население с относительно низким уровнем доходов, во всяком случае, достаточно массово. Попытка в Российской Федерации увеличить долю платных автодорог настолько поднимет транзакционные издержки, что это отрицательно скажется на состоянии экономики такой огромной страны. Доходит до смешного: например, введение для характеристики погодных условий цветowych уровней опасности, принятых в западном мире, которые ничем не лучше цифровых обозначений, использовавшихся ранее. Эта ситуация напоминает проявление карго-культа¹.

На приведенных выше примерах можно наблюдать три явления: во-первых, глобальный характер утвердившихся общественных представлений и социальных институтов, которые вступают в противоречие с глобальной системой разделения труда, предопределяющей различные типы и формы экономической организации в разных странах; во-вторых, наличие интересов относительно молодого буржуазного класса в постсоветских обществах, заинтересованного в расширении рынков; в-третьих, расширение рынков за счет вовлечения в рыночный оборот сфер, ранее в него не включавшихся ввиду неспособности и невозможности расширять их географически.

Но проблема усугубляется тем, что сегодня непосредственные интересы капитала противоречат его долгосрочным интересам. Вторжение рыночных отношений во многие сферы деятельности, ранее рынком не затронутые, ведет к увеличению транзакционных издержек. Платная медицина, платные автодороги, перманентно платное модульное образование – все это в перспективе сде-

¹Религия «самолетопоклонников», или культ Даров небесных, – термины, которыми называют группу религиозных движений в Меланезии. В культах карго верят, что западные товары созданы духами предков и предназначены для меланезийского народа. Считается, что белые люди нечестным путем получили контроль над этими предметами. В культах карго проводятся ритуалы, похожие на действия белых людей, чтобы этих предметов стало больше. В переносном смысле под карго-культом подразумевается вера в то, что копирование формальной стороны тех или иных социальных практик западных обществ обеспечит меланезийцам такое же благосостояние, как и у белых.

лает трансакционные издержки в периферийных экономиках неподъемными. К сожалению, состояние современного капитализма таково, что горизонты планирования, сами возможности долгосрочных стратегий сведены к минимуму. Капитал сегодня существует по принципу «день простоять да ночь продержаться». И то, что распространение рыночных отношений на ранее нерыночные сферы в результате роста трансакционных издержек в перспективе приведет к сжатию рынков в целом и ухудшению деловой ситуации, не учитывается и не может быть учтено агентами рынка.

Каковы же пути решения описанных проблем? В первую очередь, необходим рациональный подход к ним. К сожалению, в общественном сознании сегодня господствуют идеологические, ценностно окрашенные установки. Например, под негласный запрет попали такие понятия, как классы, классовые и групповые интересы (которые часто противоположны для социальных групп), борьба классов и социальных групп. Но если понимать, что возможны противоположные интересы, нелепо не признавать, что эти группы и классы будут противостоять друг другу. Однако запрет на адекватное изучение общества под идеологическими лозунгами «единства» сродни поведению страуса, прячущего голову

в песок. Власть, государственная система, устойчивость которой прямо зависит от способности согласовывать разные, даже противоположные интересы разных классов и общественных групп, должна иметь о них максимально адекватные, рациональные представления, минимально ценностно и идеологически окрашенные. Впрочем, даже выражая интересы доминирующих, наиболее влиятельных классов и социальных групп, государственная власть должна понимать такое свойство современного капитала, как его крайне ограниченная способность к стратегическим действиям. Даже если следовать марксистскому представлению о государстве как аппарате господства правящего класса, необходимо понимать, что государство должно выражать не непосредственные интересы этого класса, а его стратегические интересы. И в такой ситуации государственный интерес вполне может вступать в конфликт с непосредственными интересами тех или иных групп. Именно способность действовать согласно стратегическим интересам общества и наиболее влиятельных классов и социальных групп, а не послушно исполнять непосредственную волю лоббистских группировок и определяет качество государственного управления экономикой.

Библиографические ссылки

1. Смирнов ВЭ. Диалектика социального института. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:23–33.
2. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е., переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 19*. Москва: Политиздат; 1961. 670 с.
4. Полякова НЛ. *XX век в социологических теориях общества*. Москва: Логос; 2004. 378 с.
5. О торговом балансе между Китаем и США (Белая книга) [Интернет; процитировано 27 января 2019 г.]. Доступно по: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm>.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Турчинс ЯБ, редактор. Москва: Политиздат; 1955. 629 с.

References

1. Smirnov VE. Dialectics of social institute. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:22–33.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
3. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 19* [Works. Volume 19]. Moscow: Politizdat; 1961. 670 p. Russian.
4. Poljakova NL. *XX vek v sotsiologichesk ih teorijah obschestva* [The 20th century in sociological theories of society]. Moscow: Logos; 2004. 378 p. Russian.
5. About trade balance between China and the USA (White Paper). [Internet; cited 2019 January 27]. Available from: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm>. Russian.
6. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Politizdat; 1955. 629 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2019.
Received by editorial board 12.02.2019.

УДК 316.6

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СФЕРНОГО ПОДХОДА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются неэкономические факторы экономического роста и развития общества в контексте сферного подхода. Представлены проблемная ситуация социологического исследования неэкономических факторов, социологическая реконструкция сферного подхода, взаимодействие и взаимопроникновение неэкономических факторов в экономику (теорию и практику) по схеме «вход – выход». В числе неэкономических факторов выделена и проанализирована мотивация идентичности.

Ключевые слова: неэкономические факторы; реконструкция; сферный подход; категориальная схема «вход – выход»; символические средства обмена; экспектации (ожидания); мотивация идентичности.

NON-ECONOMIC FACTORS OF SYSTEM DEVELOPING THE SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE SPHERE APPROACH

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The non-economic factors of economic growth and developing the society in the context of the sphere approach are considered. The problem situation of a sociological study of non-economic factors, a sociological reconstruction of the sphere approach, interaction and interpenetration of non-economic factors into the economy (theory and practice) according to the «input – output» scheme are presented. Identity motivation are identified and analyzed from non-economic factors.

Keywords: non-economic factors; reconstruction; spherical approach; categorical «input – output» scheme; symbolic means of exchange; exposition (expectations); identity motivation.

Проблемная ситуация исследования

Факторное мышление – один из наиболее естественных, понятных и релевантных (направленных к цели) способов поиска решений жизненно важных проблем и задач. Поскольку любой процесс, в который включен человек (все коллективные и индивидуальные деяния, события и т. д.), состоит, как правило, из множества компонентов, выбор пути требует взвешивания каждого из них, оценки силы их взаимных связей, возможности их регули-

рования, комбинирования и пр. Именно поэтому такой тип мышления известен и широко используется с древних времен: первоначально к нему прибегали в повседневных, обыденных практиках, позже – в опытной, экспериментальной науке. Очевидно, что еще в период собирательства – на начальной стадии социогенеза – человек должен был прежде всего научиться отличать в среде обитания существенное от несущественного, вредное от по-

Образец цитирования:

Шавель С.А. Неэкономические факторы системного развития общества в контексте сферного подхода. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:36–49.

For citation:

Shavel SA. Non-economic factors of system developing the society in the context of the sphere approach. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:36–49. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии.

Author:

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology.
d-v-nazarova@yandex.by

лезного. Но для успешного сбора даров природы – трав, грибов, ягод, диких злаков и пр. – нужно было хорошо знать, в каких местах (лакунах) они произрастают, при каких условиях дают богатый урожай, а когда деградируют. Соответствующий опыт и навыки закреплялись, накапливались и передавались новым поколениям. Что касается науки, то в ней факторное мышление развивалось по логическим схемам причинно-следственных связей (антецедента – консеквента), унаследованным от Аристотеля и других мыслителей-логиков.

Термин «фактор» (лат. *factor* – делатель, производитель) на русский язык иногда переводят словом «виновник» [1, с. 545]. На наш взгляд, это не вполне корректно, поскольку виновник ассоциируется с чеховским злоумышленником, откручивающим гайки с полотна железной дороги на грузила для рыбной ловли. Конечно, отдельные факторы могут иметь негативный характер (засухи, наводнения, радиация, загрязнение природы и т. п.), но смысл любого фактора состоит только в том, что он является причиняющей силой, а не виновником (в юридическом понимании) тех или иных консеквентов. (В конце концов, и чеховский герой нуждался в грузилах, а не в аварии на железной дороге.)

В социологической литературе проблемная ситуация определяется как «знание о незнании». «Знание» – потому что социальный субъект имеет достаточно сведений, чтобы оценить состояние того или иного объекта (процесса, фактора, явления, элемента структуры и т. д.) как неадекватное новым потребностям и изменившимся условиям жизни и, соответственно, понять необходимость его изменений, прогнозируя возможную вероятность деструктивных последствий невмешательства. Это знание неопределимо. Достаточно сказать, что подавляющее большинство катаклизмов – общественных, коллективных, личностных – происходят там и тогда, где и когда люди не могут или не хотят трезво оценить существующее положение дел. Вспоминая популярную формулу конца 1980-х гг. «Так жить нельзя!» (С. Говорухин), отметим ее некоторую абстрактность и неконструктивность. Тем не менее она отражала назревшие противоречия и тем самым подталкивала к поиску их решения, т. е. все-таки была диагностичной, а это, как известно, в любом деле обеспечивает больше половины успеха. «Незнание» связано с тем, что до поры до времени нет ответа на вопрос о том, как жить можно и нужно, т. е. нет знания инструментального, технологического, точнее, нет методологии управляемых изменений и соответствующей деятельности. Сегодня в Беларуси все еще широко обсуждаются выявленные случаи бесхозяйственности, несоблюдения технологической дисциплины в сельском хозяйстве Могилёвской области. Но ведь очевидно, что основные причины сложившей-

ся ситуации состоят в отсутствии у руководителей четкой и однозначной оценки существующего положения дел.

Если проблемная ситуация названа и правильно сформулирована (иногда это называют постановкой проблемы, что не совсем точно, ибо то, что для одного субъекта является проблемой, для другого субъекта или для науки в целом – пройденный этап), то следующим шагом должен быть перевод практических затруднений в научную проблему, решение которой предполагает использование всех доступных аналитических ресурсов. К сожалению, в силу психологических или догматических установок такой переход, т. е. обращение к науке, часто не осуществляется, даже наоборот: открываются и поощряются разного рода мистификации – от веры в чудо до поиска «простых решений».

Выделяется ряд причин проблемной ситуации в области неэкономических факторов.

1. *Недостаточное внимание экономической теории к неэкономическим факторам в сравнении с классическими факторами экономики.* Впервые вопрос о факторах как об источниках богатства был поставлен в экономическом учении меркантилизма (от фр. *mercantilisme* – торговый, коммерческий; в обиходе – торгашеский, мелочно-расчетливый). Однако его представители остановились на однофакторной модели, полагая, что источник богатства находится в сфере обращения и им являются накопленные в стране деньги. О том, откуда вообще берутся деньги у покупателя товара и как превращаются в капитал, они не задумывались. Поэтому, хотя в рамках меркантилизма в научный оборот был введен термин «политическая экономия» (автор термина – А. Монкретьен де Ваттевиль (1575–1621)), в поздний период сторонники этого учения фактически пришли к отрицанию своей исходной идеи. Тот же А. Монкретьен де Ваттевиль писал: «Не обилие золота и серебра делает государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды». Сегодня, когда многие страны принимают законы против роскоши (недавно он был принят в Испании), особенно интересно звучит суждение экономиста о том, что роскошь есть «для государства чума и роковое разорение» [2, с. 9].

Следующее направление в изучении факторов экономического роста представлено физиократами (букв. «власть природы»). Для них главный источник общественного богатства – земля и труд на ней. Эта идея, безусловно, правильная, но выделение только земледельческого труда лишало возможности учитывать роль других видов деятельности – торговли, ремесла, позже – промышленности, науки. К тому же советский опыт полной национализации земли – вначале помещичьих владений, затем крестьянских наделов путем коллективиза-

ции – показал, что земля в таком случае становится государственной территорией и все меньше учитывается как экономический фактор.

Классическую триаду основных экономических факторов – земля, труд и капитал – ввели и обосновали родоначальники политической экономии как самостоятельной науки Адам Смит (1723–1789) и Дэвид Рикардо (1772–1823). Само название работы Адама Смита «Исследование о природе и источниках богатства народов» (1776) показывает, что приоритет в своем анализе автор отдает именно источникам, т. е. факторам богатства народов.

Как мы уже отмечали [3, с. 11], одна из четырех факторных парадигм в качестве доминирующего фактора выделяет человеческий потенциал. Формула данной парадигмы следующая: $\Pi = f(T, K) + f(Z)$, т. е. продукт есть функция труда и капитала плюс дополнительная функция земли. Человеческий потенциал, понимаемый как совокупность реальных возможностей индивида (коллектива) по изготовлению определенных общественно значимых благ и оказанию услуг, представлен в двух классических факторах: в труде и капитале. В труде он составляет человеческий капитал: знания, профессиональный опыт, навыки, призвание к данному роду занятий (профессии), здоровье и др. В факторе капитала человеческий потенциал представляет предпринимательскую способность как особый вид человеческой активности, направленной на комбинацию и оптимизацию связей между всеми другими факторами производства. Специфические отличия этой способности от репродуктивной и сугубо исполнительской деятельности заключается в том, что для нее характерны высокая мотивация инновационного поиска, желание и умение внедрять новшества – новые продукты (товары) и услуги, технологии и формы организации дела (бизнеса), рынки; искать новых заказчиков и потребителей и т. д. Причем все это осуществляется с характерной для предпринимательства готовностью к риску, по возможности взвешенному, заранее просчитанному. Предпринимательская способность по своему характеру, масштабам и результатам аналогична высококвалифицированному труду, но вместе с тем она представляет собой «самовозрастающую стоимость» (так определял К. Маркс капитал). «Самовозрастание стоимости» не в последнюю очередь обеспечивается экономией, ресурсосбережением в конкретном производстве. По словам В. В. Градобоева, «предприниматель выбирает такую технологию производства, при которой дефицитный или сравнительно дорогой фактор производства используется в меньшей мере. Именно этому обстоятельству общество обязано появлением высотных зданий при ограниченности свободной земли, полупроводников, заменителей, многообразных моделей бензиносберегающих машин и т. п. Предпринимательство, таким образом, предполагает

использование различных комбинаций факторов производства, руководствуясь потребностями неизбежного снижения издержек производства. Оно исчисляется путем сопоставления рыночной цены и затрат на изготовление предельного продукта» [4, с. 169–170]. Здесь можно заметить отдельные преувеличения: скажем, появление в США первых небоскребов вряд ли связано с нехваткой земли, но общая линия анализа, безусловно, оправданна.

В обосновании проекта «Новое экономическое мышление», представленного как совместная разработка факультета свободных искусств и наук СПбГУ и Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, подчеркивается: «Актуальная парадигма современной экономической науки остро нуждается в пересмотре. <...> В особенности это справедливо для тех областей, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст. Дело даже не столько в усовершенствовании уже имеющегося методологического аппарата, сколько во включении в предметную область экономической науки тех сюжетов, которые *традиционно недооценивались (а то и вообще игнорировались) профессиональными экономистами...*» (курсив наш. – С. III.) [5, с. 5]. Как видим, здесь не употребляется категория «неэкономические факторы»: авторы имеют в виду практическое применение культурных детерминант в экономической сфере, называя их экзогенными (внешними) условиями, но вполне очевидно, что подразумеваются именно неэкономические факторы. Во-первых, недооценивалась и игнорировалась не только культура (со времени утверждения маржинализма в качестве ведущего направления в экономической теории), но и все те факторы, которые по генезису и содержанию находились вне экономики, например экологические, этические, архетипические, социальные, амитологические (термин П. Сорокина, обозначающий любовь, дружбу и т. д.), коллективистские и др. Неслучайно обоснование проекта завершается словами: «Хочется верить, что привлечение внимания к этим текстам послужит импульсом к превращению экономической науки в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миром социальных институтов и культурных ценностей» [5, с. 5].

Важно, что с этимологической точки зрения выражение «неэкономические факторы» можно считать определением через отрицание. Оно вошло в философский словарь еще в Средние века под названием «теология апофатическая» (от греч. *apofatikos* – отрицательный). Им стремились выразить абсолютную трансцендентность Бога путем отрицания всех его атрибутов и обозначений, устраняя все относящиеся к Богу представления и понятия (ибо он по ту сторону бытия). Позже это течение дополнилось катафатической теорией, де-

лавшей ставку на синтез позитивных атрибутов по аналогии с миром, сотворенным Богом, – один из принципов католической схоластики. Определения через отрицание (как и определения по аналогии) достаточно часто используются в научном обороте, например, агностицизм (от греч. *a* – частица отрицания; *gnosis* – познание) – непознаваемость; в социологии широко известен дюркгеймовский термин «аномия» (от греч. *a*; *nomos* – норма, закон, стандарт, правило, ценность) – ненормативность поведения, отклонение от принятых правил, стандартов и др. При этом необходимо учитывать, что такие определения не раскрывают сущность изучаемого явления (денотат), а лишь указывают на то, что по некоторым признакам оно не включено в предметное поле исходного понятия (гlossы). Семантику термина с отрицательной частицей *не* или *вне* следует искать в соотносительном базовом понятии. Так, смысл термина «агностицизм» как учения о непознаваемости мира «вещей в себе» (ноуменов) можно понять в соответствии со значением термина «гностицизм», учитывая его этимологию, т. е. происхождение от слов *знание, знающий, познающий*. Также и аномию мы поймем, познав смысл терминов «норма», «стандарт», «закон».

Если обратиться к одному из самых популярных учебников по экономической теории, созданному лауреатом нобелевской премии по экономике П. А. Самуэльсоном, то при всех его достоинствах – доступности и логичности изложения, ясности мысли и т. д. – нельзя не обратить внимания на то, что анализ неэкономических факторов оказался вне поле зрения автора. Так, он отмечает: «Через всю книгу систематически проводится то, что я называю “великим неоклассическим синтезом”. То есть речь идет о сочетании современной теории распределения дохода с классическими принципами экономики. <...> При его применении исчезает разрыв между обобщающим понятием макроэкономики и традиционной микроэкономикой и возникает их взаимодополнительное единство» [6, с. 4]. Этот синтез можно понимать как путь для включения неэкономических факторов в экономическую теорию, что до сих пор в полной мере грамотно и логически не осуществлено.

Можно, конечно, восхищаться остротой сопоставления оценок экономической науки двумя великими учеными, лауреатами Нобелевской премии Максом Планком и Бертраном Расселом, начинавших свою научную карьеру в качестве экономистов. М. Планк признавался, что вынужден был оставить профессию экономиста из-за ее сложности. Услышав эти слова, Б. Рассел возразил: «Как странно. Ведь мне пришлось уйти из экономики только из-за ее явной простоты» [6, с. 14].

2. Неясность природы и структуры неэкономических факторов. Этимологически термин «не-

экономические факторы», в отличие от собственно экономических ресурсов, можно понимать как экзогенные (внешние), независимые от их наименования и той роли, которую они играют в хозяйственной деятельности и экономическом росте. Этим, как правило, объясняют индуцирование неоклассических методологических идей обоснования путей развития экономической науки, выдвинутых маржинализмом (от англ. *marginal* – предельный).

Родоначальник данного направления австрийский экономист Карл Менгер (1840–1921) утверждал, что «как минимум в теории мы должны объяснять все внешние экономические явления в терминах внутренней экономической ориентации индивидов. Иными словами, экономическая деятельность, такая как акты производства, сбережения и потребления, должна анализироваться как результат рационального выбора агентов относительно получения или отсрочки удовольствия. Согласно этой логике все другие мотивы или факторы, которые могут лежать в основе экономической деятельности или влиять на нее, нерелевантны для экономики» [5, с. 52–53], т. е. не соответствуют ее целям. Из этого следует, что никакие мотивы, кроме удовольствия, с точки зрения рационального выбора, пользы, а также никакие другие факторы, кроме эндогенных, в экономическом анализе учитываться не должны. В историю К. Менгер вошел своей теорией предельной полезности, согласно которой, например, в анализе ценообразования акцент делается не на издержках (себестоимости), а на изменении эффективности потребления при добавлении единицы оцениваемого продукта, т. е. на изменении предела. Маржинализм – это теория, характеризующая не сущность явлений, а их изменения при переходе так называемых пределов.

По словам Ш. Бегельсдайка и Р. Маселанда, «позиция Менгера постепенно сделалась главенствующей в экономической науке» [5]. Стремление синтезировать маржинализм с классической политэкономией привело к созданию нового направления в экономической науке, названного неоклассикой. Оно возникло не столько в силу теоретико-методологических предпосылок, сколько как идеологическая реакция на теорию К. Маркса, превратившаяся вскоре в лобовую атаку на марксизм. Западные исследователи эту проблему обычно скромно обходят, как и критику экономического неоклассицизма со стороны исторической школы экономики (М. Жобе, Ф. Бродель), социальной экономики (М. Вебер), кейнсианства (Д. Кейнс, Дж. Робинсон), институционализма (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт) и др.

3. Необоснованность в экономической теории логики взаимопроникновения факторов по схеме «вход – выход». Более подробно этот вопрос рассмотрим ниже.

Социологическая реконструкция сферного подхода

В. С. Стёпин писал: «Сами тексты научных теорий, которые оставили их творцы, – это и есть тот эмпирический материал, который подлежит осмыслению и исторической реконструкции. Реконструкции – это особый тип знаний, который, как я думаю, вообще необходим для исследования исторически развивающихся систем, это особый тип теоретического знания, который присутствует и в методологии науки, и не только в методологии, но везде, где речь идет об исторических объектах. Исторические реконструкции позволяют выяснить, как такие объекты возникают и развиваются» [7, с. 665–666].

Если говорить о реконструкции сферного подхода в социологии, социогуманитарных науках в целом, необходимо отметить, что первые сферные представления зародились в осевое время, когда одновременно (в историко-социологическом смысле) действовали основатели важнейших религиозных традиций – иудейские пророки в Палестине, Заратустра в Персии, Конфуций и Лао-цзы в Китае, Будда и Махавира в Индии и первые философы в Древней Греции, – примерно в середине 1-го тыс. до н. э. Провозвестников нового отношения к миру и человеку, заложивших основы современной цивилизации, соединяли не прямые коммуникации, а некое рефлексивное чувство времени, необходимости перемен. Осевое время, как считал К. Ясперс (1883–1969), предложивший данный термин, «создало для всех времен общечеловеческий завет персональной ответственности, послужив общим истоком для культур Востока и Запада, поэтому необходимо обновлять связь с этим заветом, подыскивая для утрачиваемой и вновь обретаемой старой истины новые “шифры”» [8, с. 818]. Сегодня эти слова не менее актуальны, чем в 1946 г., когда автор писал их в трактате о «немецкой вине» за развязанную войну и ее ужасные последствия, в том числе и для немцев: стоит только трезво оценить серию инспирированных цветных и прочих революций, чтобы согласиться с приведенным утверждением.

Первые сферные идеи рождались естественно, как бы сами собой, из повседневных наблюдений за звездным небом и некоторой систематизации астрономических данных. Так, Конфуций (551–479 гг. до н. э.) писал: «Светила в небесах, по представлению древних китайцев, образуют “небесный узор” (тянь вэнь), и этот древний образ мирового согласия полностью подобен “узору” человеческой культуры (вэнь) как образу стилизованной и доставляющей наслаждение жизни» [9, с. 10]. Древнегреческие философы в своих космологических учениях прибегают к таким метафорам, как «купол неба», «небесный свод», шар, круг и др. Эмпедокл считал, что «форма мироздания приближается к яйцу, лежащему в горизонтальном

положении» [10, с. 55]. Левкипп выдвинул космологическую гипотезу шаровидности мира, согласно которой в результате вращения тел на периферии образуется оболочка, а в центре – твердая конфигурация [10, с. 102]. Пифагориец Евдокс доказывал «существование концентрических сфер, вращающихся вокруг осей, наклоненных одна к другой под известным углом» [10, с. 232]. Не перечисляя авторов многих других космологических построений, отметим, что мысли о центр-периферийных связях (Левкипп) и концентрических процессах (Евдокс) повлияли на формирование сферного понятийного аппарата. Но об этом позже. Пока же коротко рассмотрим, как происходил процесс адаптации данной терминологии к жизни индивида и социума, что можно условно назвать социологической ассимиляцией. Этот процесс начался с греческого математика, мистика и философа Пифагора (570–500 гг. до н. э.).

Пифагор был первым, кто перенес термин «сфера» из математики в другие области знаний – философию, астрономию, музыку, эстетику – и придал ему более широкий смысл. В геометрии под сферой понимается фигура в трехмерном пространстве, все точки которой находятся на равном расстоянии от центра. В учении Пифагора сфера – не просто поверхность шара, но и наиболее совершенная, равновесная и самодостаточная из всех фигур, представляющая семантическую структуру как образ «равного себе самому отовсюду». В физическом смысле сфера отличается тем, что имеет максимальный (из всех фигур) объем (пирамида, цилиндр, куб и др.) при минимальной площади ограничивающей поверхности. Назвав впервые Вселенную космосом (греч. *kosmos* – порядок, пронизанный мерой, антипод хаоса), древнегреческий философ выдвинул идею гармонии небесных сфер, развитую его учениками и последователями. Под гармонией понималась архитектура космоса, устройство мироздания, «звездное небо над головой, наполняющее душу восторгом» (И. Кант). Эта идея использовалась Гегелем для обоснования категории «мировой разум». Открытие пифагорейцами количественных характеристик музыкальных соотношений воплотилось в применении такого метода и в космологии. Они считали, что каждая сфера определяется своим числом и сферное движение светил образует гармонию, «музыку сфер», аналогичную тонам консонирующих благозвучных интервалов и врачующую душу. Безусловно, идея гармоничной сферной организации мироздания как космоса, а также соответствующая терминология (космос, сфера, гармония, пропорция, порядок, мера и др.) получила широкое распространение в мировой культуре. С одной стороны, это дало толчок собственно научным исследованиям в разных

областях знаний, от астрономии до синергетики, с другой – мистические элементы пифагореизма стали благодатной почвой для развития таких паранаучных направлений, как эзотеризм, теософия, каббала, астрология и т. д.

Подобная двойственность присутствует и в фундаментальной парадигме русского космизма, ярким представителем которого стал Н. Ф. Федоров (1828–1903). По его учению, названному им «активное христианство», пророчества апокалипсиса следует понимать не как конец мира, а как завершение космизации, т. е. гармонизации и одухотворения мира через его *обожение* как реализацию заповедных норм и ценностей в отношении человека к природе и интерактивных связей внутри социума. Такой переход, по мнению Н. Ф. Федорова, потребует отказа от бездумной эксплуатации природы в пользу ее регуляции; овладения космическими процессами, вплоть до заселения космоса людьми; психофизиологического совершенствования организма человека для жизни вне земной среды обитания; формирования, точнее регенерации, родственного сознания, исключающего враждебность, «небратство», «чуждость», агрессию и другие аномалии. Завершение космизации осуществляется по божественной воле, действующей через единую соборность человечества, осознавшего необходимые преобразования как перспективу «общего дела». Процесс гармонизации и одушевления мира есть не что иное, как переход к ноосферному мышлению, к иному качеству биосферы и планетарных состояний в целом. Некоторые идеи Н. Ф. Федорова, например идеи патрификации (воскрешения), питания человека за счет прямого усвоения космической энергии и подобные, воспринимаются сегодня как вненаучные, но ведь таким же в его время казалось и представление о том, что человек способен жить не на земле, а в космическом пространстве. Идея патрификации должна укрепить, по мнению автора, солидарность поколений, их живую связь с ушедшими предками. Для этого необходимо преодолеть бессознательные варварские ожидания того, чтобы предшественники освободили место вступающим в жизнь людям. Н. Ф. Федоров писал: «В себе человек – в своей нервной системе – носит образец регуляции Вселенной» [11, с. 281]. Эту регулятивную способность мирового разума как совокупного интеллекта человечества Г. В. Ф. Гегель назвал «хитрость разума», имея в виду надличностную силу, «заставляющую действовать для себя страсти индивидуумов» [12, с. 32].

В социологической литературе термин «сфера» долгое время после возникновения и институционализации социологии не употреблялся вообще или использовался в качестве собирательного понятия. Так, О. Конт, характеризуя структуру общества, говорит о составляющих его элементах, о трансляции

изменений в одной части социума всем остальным. Выделенные им научные дисциплины изучают определенные «фрагменты» мироздания, и только социология исследует целостность как системное единство. Под структурными образованиями целостности Г. Зиммель понимает отдельные области общественной жизни: политику, экономику, правосудие и др. Э. Дюркгейм связывает структуру с видами солидарности. Механической солидарности архаических обществ соответствует сегментарный тип морфологии – формы и внутреннего устройства целостности. Сегменты представляют собой внутренне однородные образования, возникающие вначале на клановой, а затем на территориальной основе. При органической солидарности индустриальных обществ возникает и становится доминирующим организованный тип морфологии, при котором город сливается с рынком и исходными структурными единицами становятся такие формы организации, как поселенческие, торговые, производственные, страховые и пр. У названных авторов и ряда других исследователей выражение «духовная сфера общества» употребляется в метафорическом смысле.

В современной западной теоретической социологии практически не используются сферные представления и соответствующая терминология. Конечно, говорится о сферах деятельности, влияния, интересов и подобных, но такое словупотребление не выходит за уровень обыденного понимания сферы как части, доли, области того целого (системы), которое рассматривается *ad hoc* или подразумевается. В ряде случаев подобное избегание кажется нарочитым, поскольку сдерживает или уводит в сторону ход исследования. Так, один из родоначальников системного анализа общества Н. Луман (1927–1998), затрагивая проблематику социальных движений, отмечает: «Эти движения пытаются в обществе оперировать против общества, словно бы они пришли извне» [13, с. 213]. По мнению автора, такие движения часто ориентированы противоречиво (одновременно и радикально, и нерадикально), имеют гетерогенную мотивацию или же раздроблены в себе: «Так, когда в женском движении выдвигается тема равенства, то при этом артикулируется вполне буржуазная *потребность в компенсации*, и одновременно в вопросе о семантике жертвенности – *поиск совершенно иной формы жизни*. В зародыше эти движения содержат возможность радикальной критики общества, далеко превосходящей то, что мог видеть и на что мог осмелиться К. Маркс» (курсив наш. – С. Ш.) [13, с. 213]. Большой радикализм, большее обозрение (прозрение) и смелость, чем у К. Маркса, состоят, видимо, в том, что «новые движения» потенциально могли бы (если, как замечает автор, позволительно приписать им такие намерения) подвергнуть

критике функциональную дифференциацию, т. е. основу основ общества как системы: разделение труда, политическое устройство, найденные нормативные образцы, паттерны отношений. Можно ли так понимать приведенные слова с упоминанием К. Маркса? Однозначно ответить трудно, поскольку, как справедливо заметил А. Ф. Филиппов, «Лумана не зря считают самым сложным теоретиком в современной западной социологии. По сути дела, его рассуждения не снимают никаких трудностей, ибо произвольно совмещают образные и понятийные конструкции» [14, с. 162].

Возвращаясь к примеру Лумана о женском движении, мы видим, что он не упоминает ни о суфражизме с феминизмом, ни о популярной гендерной тематике, ни о других аспектах весьма сложного социального явления. Что касается потребности в компенсации, то это не что иное, как стремление женщин к справедливой оплате за равный труд и другие общественные услуги и т. д. Поиск же совершенно иной формы жизни связан с позитивными изменениями в социальной сфере, отвечающей за условия непосредственного жизнеобеспечения индивидов, семей, социальных групп и демографических когорт, всего общества в конкретной стране – государстве. Используемое Луманом выражение «форма жизни» – это не понятие, даже не конкретизированный образ. В своей абстрактности оно скорее аллюзия (намек) на нечто совершенно иное (любимая автором контингентность – инаковость) – от гедонизма, аскетизма, монашества до откровенного иждивенчества.

Обратим внимание на то, что Т. Джонсон в предисловии к русскому изданию книги М. Новака «Дух демократического капитализма» отметил некоторую амбивалентность позиции автора. С одной стороны, его взгляды связаны лишь с верой в человека, но не в Бога или возможность спасения. С другой стороны, обращение М. Новака к анализу общества с разделением последнего на три сферы имеет определенно религиозные предпосылки: «Предложение различать экономическую, политическую и духовно-культурную сферы в обществе прозвучало впервые еще на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) католической церкви и зафиксировано в документе “Gaudium et Spes. Pastoral Constitution on the Church in the Modern World”¹» [15, с. 14]. Как видим, указывается на приоритет Ватиканского собора в разделении общества на три сферы. Но здесь нет социальной сферы и, следовательно, предполагается, что все, связанное с жизнеобеспечением: социальная защита, пенсии и пособия, субсидиарность, охрана здоровья, образование, – передано другим институтам (например, страховым), маркировано в форму услуг

и возложено на тех, кто в таких услугах нуждается. И, конечно, поскольку работа выполнена в теологическом ключе, строго научной категоризации терминов в ней не предусмотрено: сферы общества понимаются только как его части, в лучшем случае – его подсистемы.

Сферные идеи и соответствующий понятийный аппарат активно разрабатывались в марксистской социологии и социальной философии с конца 1950-х гг. [16; 17]. Обращение к данной проблематике определялось прежде всего тщательным анализом работ классиков марксизма. К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [18, с. 7]. Из этого вытекала правомерность и целесообразность деления общества не на три, а на четыре основные сферы, включая и социальную.

Второй момент связан со стремлением дефинировать понятие «сфера общества» через отношения. Традиционно политику определяют как отношения по поводу власти, борьбы за власть; экономику – как отношения по поводу хозяйственной деятельности. «Камнем преткновения выступает в данном случае выделение сферы социальной жизни общества» [19, с. 51]. Трудность заключается в выделении собственно социальных (в узком смысле слова) отношений: их невозможно свести к межгрупповым (классовым, этническим и др.), отождествить с межличностными в социометрическом значении, связать с формами собственности и т. д. Во всех таких определениях критерий отношений становится диффузным, нечетким, перетекающим в иные сферы.

Учитывая эти нюансы, мы сформулировали следующую дефиницию: «Социальные отношения определяются как отношения между людьми по поводу общественного положения, образа или уклада жизни в обществе. Они осуществляются в форме таких основных связей, как: а) обмен деятельностью; б) общение; в) каритативность (связь типа социального обеспечения); г) социальное наследование» [20, с. 8].

Мы также предложили следующие определения: *сфера общества представляет собой кластер институтов (с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др.), объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующую с ними в процессах системного воспроизводства социального общества (страны-государства). Под социальной сферой понимается совокупность отраслей*

¹«Обретение надежды. Пасторское послание о церкви в современном мире». – С. III.

непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем, и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др.

В сферном подходе первостепенное значение имеют социальные институты – от семьи, образования, СМИ до государства. С первых шагов социогенеза (род, семья, традиции, ритуалы и т. д.) институт являлся (и остается до наших дней) исходной и фундаментальной структурой общества. Он формирует нормативно-ценностную модель поведения и отношений сначала путем селекции

и кумуляции жизненного опыта, повседневных практик, позже – исходя из развивающихся потребностей социума; осуществляет мобилизацию сил и ресурсов, регуляцию и контроль, вносит необходимые коррективы, используя разнообразные релевантные стимулы, а также положительные и отрицательные санкции. При всем многообразии институтов (как и вариантов их восприятий и оценок индивидами) в них сохраняется главное: институты – каждый по своему предназначению – упорядочивают жизнь, предотвращают хаос и дезорганизацию. Каждый институт должен представлять и защищать интересы тех, кого он объединяет, но вместе с тем и поднимать эти частные групповые интересы на системный уровень, согласовывать их с общественными целями. Если последнего нет, то не исключена деинституционализация тех или иных сообществ, как это и бывает в мафиозных кланах, террористических бандах.

Взаимодействие и взаимопроникновение основных сфер общества по схеме «вход – выход»

Каждая сфера общества имеет каналы взаимодействия и взаимопроникновения с другими сферами. Таким образом, четыре основные сферы общества когерентны (сцеплены друг с другом). Например, экономическая сфера получает по каналам входа от других следующие вклады:

1) от сферы политики: цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни, общую мобилизованность и др.;

2) от социальной сферы: лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, доверие, социальный капитал, минимизацию или смягчение конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма;

3) от духовно-культурной сферы: ценностные обязательства, высокий уровень готовности людей к экономической деятельности, социализированных и мотивированных индивидов, профессионализм работников, человеческий капитал.

В свою очередь, вклады экономики в другие сферы – это не только материальные средства к жизни, но и новые рабочие места, возможности выбора профессий, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальную мобильность, иммиграцию, условия самореализации индивида. Социетальный порядок, охватывающий все общество (страну-государство), требует эквивалентных обменов (входов – выходов) между сферами. Например, если экономика ориентирована на «производство ради производства» или «прибыль любой ценой», то процессы обмена нарушаются, возникают явления дисбаланса, личностной демотивации,

что отрицательно сказывается на стабильности и устойчивости общества как целостной системы.

Таким образом, первой методологической предпосылкой сферной парадигмы является утверждение, согласно которому социальный порядок и стабильность (гомеостаз) общества обеспечивается оптимальным взаимодействием основных сфер общества. Сферы взаимодействуют друг с другом путем обмена теми средствами, которые вырабатаны в каждой из них, но необходимы и могут быть эффективно использованы для общего блага в другой сфере. В этом смысле сферы равноправны – следовательно, обмен должен быть эквивалентным. Ни одна из сфер в нормальных условиях не может доминировать над другими: выдвигать особые притязания, скрывать ресурсы, завышать их значимость и цену и т. п. Такие действия деструктивны для всего общества: нарушая общий баланс взаимодействия, они расшатывают общую стабильность и порядок, составляющие фундамент прогресса и развития, что отрицательно сказывается на всех сферах, в том числе и на инициаторе подобных действий. Как правило, именно такие латентные макроразбалансировки и вызывают депрессии, кризисы и даже революционные ситуации.

Второй методологической предпосылкой сферной парадигмы является символическое взаимопроникновение. Этому феномену особое внимание уделял Т. Парсонс. Он отталкивался от кибернетических идей иерархии и субординации, согласно которым объект, стоящий выше на иерархической лестнице, имеет возможность информационно регулировать нижестоящие объекты, которые

в силу правил субординации должны адекватно реагировать на эти сигналы, т. е. выполнять приказы, повышать свой энергетический потенциал. К символическим средствам обмена и коммуникации в социальных системах (обществе) Т. Парсонс отнес *ценностные обязательства, влияние, власть и деньги*.

По Парсонсу, на вершине иерархии должно находиться *ценностное обязательство*, понимаемое как привязанность и обобщенная способность вносить ценности в жизнь. Примерами ценностных обязательств являются признание и принятие христианином символов веры, в светской жизни – клятва «перед лицом своих товарищей», присяга, обет, кодекс чести и долга и т. п. В процессах обмена и коммуникации ценностное обязательство является «оборотным средством», которое может накапливаться (как и деньги) институтами, партиями и отдельными лицами, обладающими моральным авторитетом и высоким уровнем доверия, создавая тем самым *банк ценностных обязательств*. Т. Парсонс вообще считал одним из самых значительных достижений социологической науки веберовский анализ харизматического лидерства. Харизматик расширяет банк ценностных обязательств (число приверженцев и последователей) и на этой основе может реорганизовать всю существующую систему институционализированных отношений, как это делали основатели мировых религий.

На втором месте в числе символических средств социального сообщения и обмена находится *влияние*. В его основе лежит социальная солидарность, перерастающая в идентификацию по признакам гражданства, партийности, ассоциации и др. Добровольные объединения людей можно рассматривать как *банки влияния*, которое лидеры могут использовать для улучшения своей репутации, завоевания электорального большинства.

Влияние – это средство убеждения вести себя и действовать определенным образом. Прямое убеждение (поступать так-то и так-то в конкретной ситуации) нельзя считать обобщающим средством: чтобы быть влиянием, оно должно стать свободным оборотным средством, обслуживающим самые разные ситуации, а значит, требующим исключительного доверия к референту убеждений.

Далее идут такие символические средства, как *власть и деньги*. Власть в обыденном понимании обычно представляют как право субъекта (носителя) власти – родителей, начальников, должностных лиц и др. – требовать определенного поведения, действий и отношений, соблюдения норм и правил и т. д. Рассматривая власть как символическое средство, Т. Парсонс отмечал: «Власть есть обобщенная способность гарантировать исполнение обязанностей единицами в системе коллективной организации, когда эти обязанности легитимиро-

ваны опорой на коллективные цели и где на случай сопротивления имеется презумпция принуждения негативными санкциями соответственно ситуации, – какая бы сила фактически бы не осуществляла это принуждение» [21, с. 220]. Что касается денег, то Т. Парсонс обобщал три их главные функции, выделенные политэкономией: служить средством обмена (всеобщий эквивалент), мерой стоимости (полезности) товаров и услуг, средством накопления – в одной фундаментальной характеристике: «Деньги – символический феномен». Т. Парсонс часто называет деньги «специализированным языком», «обобщенным средством коммуникации», в символах которого люди выражают меру ценности вещей в рамках определенного *институционального кода*. Имеется в виду, что вне этих рамок деньги в принципе не должны работать. Так, они не рассчитаны на обслуживание отношений, где возможна купля-продажа дипломов и научных степеней. За деньги, как известно, нельзя купить мастерство, дружбу, любовь и многие другие экзистенциальные ценности.

Иерархия символических средств обеспечивает информационную регуляцию социального порядка. В частности, подсистема латентности, производящая ценностные обязательства, информационно регулирует процессы интеграции и соответствующие ей банки влияния. Подсистема интеграции, в свою очередь, информационно регулирует подсистему целеполагания (*банки власти*), а последняя – подсистему адаптации, т. е. экономику с ее символическим оборотным средством – деньгами.

Нарушение информационного порядка происходит, когда, например, деньги ставятся выше ценностных обязательств, влияния или власти либо власть – выше ценностных обязательств и влияния (более высоких в иерархии). Это ведет к дезорганизации общества.

Таким образом, Т. Парсонс создал сложную разветвленную многоуровневую модель социального порядка. Важно учитывать, что это теоретико-аналитическая модель, а не отражение эмпирической реальности, но в ней есть определенная система координат (понятийная сетка), позволяющая ставить и исследовать конкретные социальные проблемы. Т. Парсонс писал: «Я берусь утверждать, что такой вклад может быть подлинно эмпирическим» [22, с. 24]. В отличие от Ф. А. фон Хайека Т. Парсонс не исключает из своей концептуальной схемы ни государство, ни общественные институты и видит в рынке не только экономическое явление. Ученый подчеркивает: «Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории» [22, с. 57]. В силу этого экономическая

теория и сегодня рассматривает только три из шести выделенных Т. Парсонсом рынков (рынок ресурсов, рынок труда и рынок норм распределения), оставляя вне своего внимания рынок ценностных обязательств, рынок средств влияния и рынок политической поддержки. Термин «порядок» уточняется Т. Парсонсом применительно к конкретным уровням анализа: единичного действия, интерактивной диады, системы действия и социетального общества. На социетальном уровне порядок – это не просто некоторое состояние общества, а «желательный тип социальной системы». Данная идея позволяет подойти к изучению социального порядка с учетом представлений людей о «должном», их ожиданий и оценок, а значит, проводить компаративный анализ данного феномена в различных регионах страны.

Заметим, что поскольку Т. Парсонс отказался от сферного подхода и не пытался категоризировать понятия «сфера общества», «социальная сфера» и подобные, то ему пришлось выделить четыре типа социальных действий, понимаемых как системные функции (адаптация, целедостижение, интеграция и сохранение образца). При этом адаптацию он закрепил за экономикой, хотя очевидно, что и производство, и хозяйственная деятельность в целом носят прежде всего преобразовательный характер; целедостижение – за политикой, но опять-таки политика ответственна за порядок, безопасность, всеобщую мобилизованность, сплоченность. Что касается интеграции, то

ее закрепление неоднозначно. Чаще Т. Парсонс связывает интеграцию с социальной общностью, упоминает также об идеологии, церкви, науке и политике. Аналогично и латентность (сохранение образца) он сначала относил к нормативной культуре, позже ввел термин «фидуциарная подсистема». Но этот юридический термин можно скорее понимать как презумпцию доверия, общую веру, церковный символ веры. Тем не менее идеи Т. Парсонса, особенно о средствах символического обмена и коммуникации, сохраняют свою эвристическую значимость для разработки проблем теоретической социологии и сегодня. Синтезирование их со сферным подходом позволяет ввести в социологическую науку многие понятия (в том числе понятие «жизнеспособность социума»), осваиваемые в социологии жизни, социологии социальной сферы и др.

В структуре неэкономических факторов мы выделяем:

- 1) иррациональные феномены бессознательно – рефлексы, инстинкты, архетипы, установки, стереотипы;
- 2) консенсус как конституирующий образ устойчивого социума;
- 3) социальные ожидания перспектив экономического роста и развития социума;
- 4) доверие как фундамент согласованности социальных ожиданий.

Далее подробнее рассмотрим мотивацию идентичности как один из неэкономических факторов.

Мотивация идентичности как неэкономический фактор

Проблематика мотивации идентичности, или идентичности как мотивации, рассматривается в одном из современных исследований, названных авторами «Экономика идентичности» [23]. Термин «идентичность» (англ. *identity*, лат. *identitās* – тождественность, сходство, подобие) имеет в науке несколько специфических значений. В гносеологии и психологии это узнавание, установление тождества некоторого объекта классу намеченных к изучению; в криминалистике – определение возможных орудий преступления, следов и улик; в этнологии – отнесение себя к определенному этносу, причисление к членам сообщества *мы* в отличие от тех, кто входит в сообщество *они*. В социологии под идентичностью понимают установление принадлежности индивида к той или иной категории, социальной группе по тем или иным признакам (критериям). Признаки могут быть двоякого рода. Во-первых, выделяются аскриптивные признаки (пол, возраст, раса, национальность; в кастовом обществе – каста, в сословном – наследуемые титулы: граф, князь, маркиз и т. п.). Идентичность здесь определяется, можно сказать, автоматически, как прирожденный атрибут. Во-вторых, существу-

ют признаки достижения и добровольного избрания. По первым из них принадлежность устанавливается в основном по факту реальных достижений (герои страны и труда, лауреаты, исследователи с учеными званиями и степенями, специалисты определенных рангов квалификации, заслуженные деятели, народные артисты, военнослужащие с воинскими званиями и др.), по вторым – сам человек выбирает, к какой из референтных групп он хотел бы принадлежать, на кого быть похожим, в какую общность *мы* входить.

Авторы названной книги – лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон – имели в виду второй вариант идентичности и включили это понятие в стандартную модель полезности. Полезность понимается как позитивная функция природных объектов и явлений, продуктов человеческой деятельности (товаров и услуг) как соответствующих вкусам и предпочтениям человека, целесообразности и вариативности (например, пылесос может использоваться как краскопульт и т. д.). Российские исследователи отмечают: «Полезность идентичности человека становится одним из факторов, обуславливающих

тот или иной выбор, в том числе и в тех ситуациях, где классическая экономическая теория признает принятое решение иррациональным» [24, с. 70].

Что же обозначает в классической экономической теории понятие «иррациональное»? В самом обыденном смысле слова иррациональное (от лат. *irrationalis* – противоположное рациональному) понимается как неразумное, алогичное, нерелевантное действие, решение, мышление, выбор или поведение (т. е. не соответствующее поставленным целям и способам их достижения). Одним из примеров экономической иррациональности является производство ради производства. Данное выражение ввел в научный оборот Д. Рикардо, имея в виду стимулирование активности предпринимателей. На первый взгляд может показаться, что отсутствие в этой формуле потребления делает ее не столько парадоксальной, сколько абсурдной. По замечанию К. Маркса, «производство было бы в таком случае (без потребления. – С. Ш.) бесцельно» [25, с. 387]. Но бесцельность и даже бессмысленность подобного производства вовсе не означает, что оно невозможно даже в определенных условиях. Если в качестве критерия оценки взять соотношение фондов накопления и потребления при распределении дохода отдельного предприятия, фирмы, отрасли или всего народного хозяйства (что повсеместно используется в современном экономическом анализе), то проясняется экономический смысл положения Д. Рикардо. Суть его заключается в том, что чем ближе к единице соотношение фонда накопления к фонду потребления $\left(\frac{\Phi Н}{\Phi П}\right)$, тем в большей степени

производство обслуживает само себя. Математически это выражается в том, что фонд потребления стремится к нулю (конечно, никогда его не достигает), а фонд накопления стремится к единице. Нужно учесть, что фонд накопления, скажем, отдельного предприятия – это та часть дохода (прибыли), которая используется на внутренние производственные нужды: расширение выпуска, модернизацию оборудования, введение новых технологий, развитие инфраструктуры и т. д. В свою очередь, фонд потребления используется для рекреации, повышения комфорта и техники безопасности, благоустройства территории, удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей работников вообще. В настоящее время в развитых странах фонд потребления составляет 50–70 % и более от национального дохода. Рикардо имел в виду тенденцию роста фонда накопления и защищал производство ради производства как самый быстрый и выгодный способ создания богатства. К. Маркс в связи с этим отмечал научную честность, заслугу и правоту Д. Рикардо для своей эпохи. Он подчеркивал, что развитие производительных сил

и способностей всего человеческого рода «в начале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов» [26, с. 123]. Этот процесс объективен, иначе не было бы никакого движения, развития, прогресса; капитализм здесь выполняет одну из своих цивилизаторских функций, наряду с уничтожением остатков феодализма, научно-техническим прогрессом, новой организацией труда, дисциплинированием работников.

Еще одним примером экономической иррациональности можно назвать те действия человека, его поступки, решения, выборы, которые *ab ovo* не имеют смысла, т. е. являются, как замечал А. Н. Леонтьев, «биологически бессмысленными» (например, вспугивание животных загонщиком на коллективной охоте) или теряют смысл в процессе исполнения. Смысл неразрывно связан со значением, понимаемым как обобщенное отражение действительности, внешнего мира и внутреннего состояния субъекта, которое кристаллизовано в его чувственном носителе – обычно в слове (понятии) или словосочетании. Совокупность всех выработанных человечеством в ходе его исторической жизни значений (наименований) представляет собой информационный тезаурус общества, содержание общественного сознания во всех его видах и формах – от сферы обыденного, повседневного до высокой науки, искусства и др. Каждый человек живет в этом бескрайнем, подвижном, незримом, нематериальном (символическом) поле тезауруса, точнее той его части, которая актуальна для его жизнедеятельности. С первых шагов ребенок должен освоить (понять), «распредметить» те тезаурусные значения, которые необходимы ему для общения, защиты, удовлетворения витальных потребностей, позже – для создания знаниевых и материальных технологий, творчества в области науки, искусства, инновационности в экономике и всех других сферах жизни общества. И все это осуществляется, причем в течение всей индивидуальной жизни, на основе категории смысла.

Смысл есть пристрастное, избирательное отношение к предметам, явлениям, событиям действительности. В отличие от значения смысл относится не ко всему содержанию тезауруса, а только к тому, которое связано с конкретной ситуацией, событиями, деятельностью, переживаниями и т. д. Смысл всегда воплощен в индивиде, «конкретизирован» в нем (даже тогда, когда, как поется в знаменитой военной песне, «...нужна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим», или в командных видах спорта). Поэтому говорят о личностном смысле, понимая его как мотив действия, поведения, отвечающий на вопросы: зачем? для чего? ради чего? Смысл – это отношение мотива к цели, а мотив –

внутреннее побуждение, индуцированное стимулом.

Специфика концепции Д. Акерлофа и Р. Крэнтон состоит в том, что в ней в качестве важнейшего стимула выступает идентичность, определяющая интенцию, направленность экономической мотивации. Их модель прямо и тесно коррелирует с полезностью и включает три компонента, таких как *социальная категория, нормы и идеалы, потери и выгоды в полезности идентичности*.

Социальная категория. С социологической точки зрения социальная группа – это референтная группа, членом которой индивид пока не является, но хотел бы быть, готов принять ее ценности и ориентироваться на них в своем поведении. Для тех, кто желает начать собственное дело, стать бизнесменом, такой группой являются «предприниматели, уже добившиеся успеха в сфере инноваций, прошедшие путь от идеи до ее коммерчески успешного воплощения, сумевшие пройти между Сциллой поражений и Харибдой заблуждений, т. е. те, для кого ценности поиска, открытий, успеха, “большого скачка” стали преобладать над ценностями осторожности и благоразумия, постепенности и стабильности» [26, с. 72].

Нормы и идеалы. Старая воинская мудрость гласит: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Здесь очевидна имплицитная связь идеала («стать генералом») с понятными любому военнослужащему нормами (следование и соблюдение устава, дисциплинированность, мужество и отвага, готовность защищать Отечество и др.). Идеалы и нормы существуют во всех видах человеческой деятельности, хотя и имеют существенные различия. Например, в предпринимательстве (бизнесе) идеалом является финансовый успех (прибыль), завершивший череду сложных и весьма рискованных идей в осуществленном бизнес-проекте. Нормы здесь определяются законодательными установлениями, отчасти и моралью, хотя многие считают, что в экономике эффективность выше справедливости. В инноватике желание превзойти существующие стандарты и обогнать в этом конкурентов также можно назвать стремлением к идеалу. Неслучайно Д. Макклелланд в работе «Мотивация экономических достижений» (1969) объяснял именно соревновательным духом более высокую мотивацию успешных предпринимателей. Аналогично и в спорте: мастерство часто меркнет перед более высокой мотивацией, рожденной соревновательным духом.

Выгоды и потери в полезной идентичности. Человек, присоединившийся к своей референтной группе предпринимателей, ориентирующийся в поведении на ценности данной группы, осуществляет полезность идентичности. Через идентичность он получает такие выгоды от своей новой мотивации,

как финансовый доход, признание (если не всего общества, то, по крайней мере, своей референтной группы, мнение которой для него первостепенно), а также государственное одобрение, более высокий социальный статус, благодарность от бенефициариев (получателей) за спонсорские вклады и благотворительную помощь, и все это – сверх комфортабельного обустройства «личного очага», широкой потребительской корзины, путешествий, отдыха за границей и др.

Потери в полезности от новой идентичности также имеют место, и во многих отношениях они крайне чувствительны. К таким потерям относятся минимизация свободного времени, сравнительная максимизация рисков (не только в моменты производственной деятельности, но часто и в свободное время необходимо находиться в постоянной бдительности, в ожидании подвохов от конкурентов, завистников и т. п.), а также возможность снижения социального статуса при неудачах.

Российские исследователи предложили добавить в данную модель такой компонент, как *социальная репликация*, относящаяся преимущественно к предпринимателям-инноваторам: «Стремление повторить чей-то успех присуще прежде всего индивидам честолюбивым, склонным к самоутверждению и повседневной креативности. Для распространения информации об успехе инноваторов необходимы меры, обеспечивающие знакомство как можно большего числа индивидов (реципиентов. – С. III.) с их результатами, вследствие чего происходит расширение масштабов социальной категории инноваторов за счет тех, кто разделяет их ценности и тем самым выбирает иной путь развития – высокорисковый, непредсказуемый, креативный» [24, с. 73]. Имеется в виду возможность тиражирования, воспроизводства достижений новатора другими субъектами в широком масштабе. Репликацию действительно можно понимать как явление, очень полезное и важное для России и Беларуси, находящихся пока все-таки в начале становления креативного, инновационного общества, а также как социальную технологию привлечения, втягивания в категорию новаторов все большего числа еще колеблющихся, не определившихся, но потенциально активных субъектов: «Успех, достигнутый в результате реализации собственной идеи, обеспечивающий финансовую стабильность, и, самое главное, реализация “инстинкта соперничества” привлекает в эту группу тех, кто еще социально нестабилен, например студентов, молодых ученых, творческих людей» [24, с. 73].

К сожалению, духом новаторства пока слабо пропитано отечественное предпринимательство. Оно зарождалось в 1990-х гг. главным образом в области торговли, по известной спекуляцион-

ной схеме «купи – продай» с получением определенной выгоды (маржи) от разницы цен продажи и покупки. В те годы наши первые предприниматели помогли устранить дефицит, наполнить рынок и удовлетворить спрос на компьютеры, автомобили (в основном поддержанные), продукты питания, мобильные телефоны и многое другое. Однако в то время ни о каком предпринимательском производстве и инновационном поиске речь не шла. Ситуация стала меняться в начале XXI в.: некоторые бывшие частные торговцы попытались инвестировать накопленные средства в объекты инфраструктуры, сервиса, экотуризма, промышленности. Но для этого нужна была не просто рабочая сила, а высококвалифицированные, образованные кадры. Возникла острая потребность в привлечении в частный сектор экономики молодежи, а вместе с тем и необходимость популяризации успехов предпринимательства, трансляции достижений бизнесменов. Для молодежи, как известно, чужой успех становится важнейшим стимулом, примером для подражания, формирующим новую мотивацию идентичности. Перспективные задачи нашего общества требуют развития не только технологий *hi-tech* (инжиниринговые технологии), но и *hi-hume*

(гуманитарные технологии). Однако эти, казалось бы, очевидные императивы все еще недооцениваются многими нашими управленцами. О предпринимательских установках и настроениях российского студенчества (которые мало чем отличаются от настроений белорусских учащихся) в сравнении со студентами США говорил Л. Р. Грэхем, профессор Массачусетского технологического института (MIT), специалист в области истории и методологии науки, автор известной книги «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе». Он отмечал: «Если я спрошу у студента MIT, что он хочет делать в будущем, то, скорее всего, получу такой ответ: “Я хочу основать компанию, и даже если не смогу сделать ее величайшей технологической компанией в мире, то продам ее кому-то еще, например GE или IBM, и начну новый стартап”. Я был в России много раз и ни разу не слышал такого ответа от российского студента» [27].

Из этого следует, что формирование ценностей новаторства и мотивации идентичности предпринимательства как в студенческой среде, так и в обществе в целом является для нас первостепенной задачей.

Библиографические ссылки

1. Радов АГ. Фактор. В: Осипов ГВ, Москвичев ЛН, редакторы. *Социологический словарь*. Москва: Норма; 2010. 608 с. Совместное издание с «Инфра-М».
2. Видяпин ВИ, Журавлева ГП, редакторы. *Экономическая теория (политэкономика)*. Москва: Инфра-М; 1999. 557 с.
3. Шавель СА. Методологические основания исследования неэкономических факторов в системном развитии общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:4–16.
4. Градобоев ВВ. Теория факторов производства и распространения факторных доходов. В: Видяпин ВИ, Журавлева ГП, редакторы. *Экономическая теория (политэкономика)*. Москва: Инфра-М; 1999. с. 169–170.
5. Бегельсдайт Ш, Маселанд Р. *Культура в экономической науке*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2016. 464 с.
6. Самуэльсон ПА. *Экономика. Вводный курс. Том 1*. Пушкарева КВ, переводчик. Москва: Алфавит; 1993. 740 с.
7. Степин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 796 с.
8. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Левина МИ, переводчик. Москва: Политиздат; 1991. 527 с.
9. Конфуций. *Уроки мудрости*. Семенов И, переводчик. Москва: Эксмо; 2006. 802 с.
10. Асмус ВФ. *История античной философии*. Москва: Высшая школа; 1965. 320 с.
11. Федоров НФ. *Собрание сочинений. Том 3*. Гачева АГ, Семенова СГ, составители. Москва: Традиция; 1997. 744 с.
12. Гегель ГВФ. *Сочинения. Том 8. Философия истории*. Воден АМ, переводчик. Москва: Соцэкгиз; 1935. 470 с.
13. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. В: Винокуров ВВ, Филиппов АФ, редакторы. *Социологос. Выпуск 1. Общество и сферы смысла*. Москва: Прогресс; 1991. с. 194–216.
14. Филиппов АФ. Никлас Луман: попытки теоретико-методологической модернизации «стабилизационного» социологического сознания. В: Иванов ВН, редактор. *Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций*. Москва: Наука; 1986. 287 с.
15. Новак М. *Дух демократического капитализма*. Минск: Лучи Софии; 1997. 544 с.
16. Тугаринов ВП. *Соотношение категорий исторического материализма*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1958. 344 с.
17. Рожин ВП. *Введение в марксистскую социологию*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1962. 322 с.
18. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 13*. Москва: Политиздат; 1959. 771 с.
19. *Марксистско-ленинская теория исторического процесса: исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. Том 2*. Москва: Наука; 1983. 534 с.
20. Шавель СА. *Методологические проблемы управления развитием социальной структуры социального общества* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина; 1977.
21. Давыдов ЮН, редактор. *История теоретической социологии. Том 3*. Москва: Канон; 1998. 448 с.

22. Парсонс Т. *О социальных системах*. Москва: Академический проект; 2002. 832 с.
23. Акерлоф Д., Крэнтон Р. *Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны*. Москва: Карьера Пресс; 2011. 224 с.
24. Лебедева НН, Пошелюжный СВ. Субъективные аспекты инновационной экономики, или Как ценности создают инновации и заставляют их работать. *Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2013;1:70–77.
25. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 46, часть 1*. Москва: Политиздат; 1968. 317 с.
26. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 26, часть 2*. Москва: Политиздат; 1963. 697 с.
27. Грэм Л. Одно Сколково не изменит Россию [Интернет]. 2011 [процитировано 25 февраля 2019 г.]. Доступно по: <http://expert.ru/expert/2011/05/odno-skolkovo-ne-izmenit-rossiyu/>.

References

1. Radov AG. [Factor]. In: Osipov GV, Moskvichev LN, editors. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Moscow: Norma; 2010. 608 p. Co-published by the «Infra-M». Russian.
2. Vidyapin VI, Zhuravleva GP, editors. *Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya)* [Economic theory (political economy)]. Moscow: Infra-M; 1999. 557 p. Russian.
3. Shavel SA. Methodological basis for the study of non-economic factors in system developing the society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:4–16. Russian.
4. Gradoboev VV. [Theory of factors of production and distribution of factor income]. In: Vidyapin VI, Zhuravleva GP, editors. *Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya)* [Economic theory (political economy)]. Moscow: Infra-M; 1999. Russian.
5. Begelsdike S, Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke* [Culture in economics]. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar; 2016. 464 p. Russian.
6. Samuelson PA. *Ekonomika. Vvodnyi kurs. Tom 1* [Economy. Introductory course. Volume 1]. Pushkareva KV, translator. Moscow: Alphabet; 1993. 740 p. Russian.
7. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 796 p. Russian.
8. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Levina MI, translator. Moscow: Politizdat; 1991. 527 p. Russian.
9. Confucius. *Uroki mudrosti* [The lessons of wisdom]. Semenenko I, translator. Moscow: Eksmo; 2006. 802 p. Russian.
10. Asmus VF. *Istoriya antichnoi filosofii* [History of ancient philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola; 1965. 320 p. Russian.
11. Fedorov NF. *Sobranie sochinenii. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Gacheva AG, Semenova SG, compilers. Moscow: Traditsiya; 1997. 744 p. Russian.
12. Hegel GWF. *Sochineniya. Tom 8. Filosofiya istorii* [Essays. Volume 8. Philosophy of history]. Voden AM, translator. Moscow: Sotsekgiz; 1935. 470 p. Russian.
13. Luhun N. [Tautology and the Paradox in the self-description of modern society]. In: Filippov AF, Vinokurov VV, editors. *Sociologos. Volume 1. Society and spheres of meaning*. Moscow: Progress; 1991. p. 194–216. Russian.
14. Filippov AF. [Niklas Luhmann: attempts at the theoretical and methodological modernization of the «stabilization» sociological consciousness]. In: Ivanov VN, editor. *Burzhuaznaya sotsiologiya na iskhode XX veka. Kritika noveishikh tendentsii* [Bourgeois sociology at the end of the 20th century. Criticism of the latest trends]. Moscow: Nauka; 1986. 287 p. Russian.
15. Novak M. *Dukh demokraticheskogo kapitalizma* [The spirit of democratic capitalism]. Minsk: Luchi Sofii; 1997. 544 p. Russian.
16. Tugarinov VP. *Sootnoshenie kategorii istoricheskogo materializma* [The value ratio of categories of historical materialism]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad State University; 1958. 344 p. Russian.
17. Rozhin VP. *Vvedenie v marksistskuyu sotsiologiyu* [Introduction to Marxist sociology]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad State University; 1962. 322 p. Russian.
18. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 13* [Works. Volume 13]. Moscow: Politizdat; 1959. 771 p. Russian.
19. *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa: istoricheskii protsess: tselostnost', edinstvo i mnogoobrazie, formatsionnye stupeni. Tom 2* [Marxist-Leninist theory of historical process: historical process: integrity, unity and diversity, formation stages. Volume 2]. Moscow: Nauka; 1983. 534 p. Russian.
20. Shavel SA. *Metodologicheskie problemy upravleniya razvitiem sotsial'noi struktury sotsial'nogo obshchestva* [Methodological problems of managing the development of the social structure of social society] [abstract of dissertation]. Minsk: V. I. Lenin Belarusian State University; 1977. Russian.
21. Davydov YuN, editor. *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. Tom 3* [History of theoretical sociology. Volume 3]. Moscow: Canon; 1998. 448 p. Russian.
22. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2002. 832 p. Russian.
23. Akerlof D, Cranton R. *Ekonomika identichnosti. Kak nashi idealy i sotsial'nye normy opredelyayut, kem my rabotaem, skol'ko zarabatyvaem i naskol'ko neschastny* [Identity economics. How our ideals and social norms determine how we work, how much we earn and how unhappy we are]. Moscow: Kar'era Press; 2011. 224 p. Russian.
24. Lebedeva NN, Poscheluzhny SV. Subjective aspects of innovation economy: how values create innovation and make them work. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2013;1:70–77. Russian.
25. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 46, chast' 1* [Works. Volume 46, part 1]. Moscow: Politizdat; 1968. 317 p. Russian.
26. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 26, chast' 2* [Works. Volume 26, part 2]. Moscow: Politizdat; 1963. 697 p. Russian.
27. Grem L. One Skolkovo will not change Russia [Internet]. 2011 [cited 2019 February 25]. Available from: <http://expert.ru/expert/2011/05/odno-skolkovo-ne-izmenit-rossiyu/>. Russian.

УДК 303.1/ 316.62

К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

В. Г. ПОГОСЯН¹⁾

¹⁾Российский государственный социальный университет,
ул. Вильгельма Пика, 4, 129226, г. Москва, Россия

Рассмотрены стратегии социальных исследований через призму собственных теоретико-философских оснований, в рамках которых происходит их парадигмальное оформление. Подтверждена корреляционная взаимосвязь вариативности получаемых результирующих данных от нормативного способа получения знаний о социальной реальности. Выявлено, что мировоззренческие конструкции привносят субъективизм в построение теоретических конструктов и задают пределы эвристических возможностей применяемых подходов, обуславливая определенную ангажированность тенденций линейного паттерна современного научного мейнстрима. Определено, что структурированность социального действия и поливариантность выбора вкупе с предопределяющими когнитивные и поведенческие стереотипы уникальными алгоритмами локальных обществ обращают социальные исследования к цивилизационному паттерну. Рекомендовано в целях объективизации научных исследований и получения валидных данных применение учитывающего локальную специфику методологического инструментария в сочетании с отказом от универсалистских подходов в решении исследовательских задач при изучении социального поведения.

Ключевые слова: вариант; цивилизация; взаимодействие; нелинейность; социальное поведение; социальное действие; структура; методологический подход.

TO THE THEORETICAL BASES OF RESEARCH STRATEGIES

V. G. POGOSYAN^a

^aRussian State Social University,
4 Wilhelm Peak Street, Moscow 129226, Russia

The strategies of social studies are considered through the prism of their own theoretical and philosophical foundations, within the framework of which their paradigm formation takes place. The correlation relationship between the variability of the resulting data from the normative method of obtaining knowledge about social reality has been confirmed. It is revealed that the worldview constructions bring subjectivism into the creation of theoretical constructs and set the limits of the heuristic possibilities of the applied approaches, causing a certain ideological bias of the linear pattern tendencies of the modern scientific mainstream. It was determined that the structure of social action and the polyvariety of the choice, coupled with the unique algorithms of local societies predetermining cognitive and behavioral stereotypes, draw social research to a civilization pattern. It is recommended with the purpose of objectification of scientific research and obtaining valid data to use methodological tools that take into account local specifics in combination with the rejection of universalistic approaches in solving research problems in the study of social behavior.

Keywords: variant; civilization; interaction; nonlinearity; social behavior; social action; structure; methodological approach.

Образец цитирования:

Погосян В.Г. К теоретическим основаниям исследовательских стратегий. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:50–56.

For citation:

Pogosyan VG. To the theoretical bases of research strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:50–56. Russian.

Автор:

Вардгес Григорьевич Погосян – доктор социологических наук, кандидат философских наук; профессор кафедры социологии факультета социологии.

Author:

Vardgues G. Pogosyan, doctor of science (sociology), PhD (philosophy); professor at the department of sociology, faculty of sociology.
pogosianvg@rgsu.net

Введение

Развитие техники и технологий – главный фактор, определяющий перемены в современной общественной жизни. Новый тип развития, основанный на ускорении изменения предметной среды, окружающей человека, обуславливает активное обновление его второй природы, в которой осуществляются основные жизненные процедуры, что приводит к ускорению трансформации общественных отношений. Асинхронность таких процессов, нелинейность их прохождения, трудности в прогнозировании и несхожесть результатов, казалось бы, идентичных процессов привлекают внимание исследователей к основам интерпретирующих теорий, используемых в анализе происходящего в целях их проверки и подтверждения эффективности применяемых методологических инструментов.

Обязательным условием развития науки является регулярная ревизия содержания объяснительных моделей для подтверждения достоверности накопленных знаний, оперативного осмысления и внедрения теоретических инноваций. Решение конкретных проблем зависит от основополагающих допущений, семантики понятий и логико-теоретических норм используемой методологии. Постулаты о поливариантности социально-исторического процесса и о существовании феномена цивилизации подтверждаются жизненной практикой (объективное существование различных форм социальных образований) и, казалось бы, утвердились в науке [1]. Тем не менее эти положения остаются предметом активных дискуссий о путях институциональной перестройки обществ, устойчиво функционирующих в течение значительной

темпоральной протяженности. Пересмотр принципов отображения действительности под влиянием новых фактов всегда предполагает обращение к философским основам объяснительных теорий и имплементируемых на их основе практик.

В попытке объяснить многомерную природу социального поведения, его вариативность в сходных обстоятельствах, разнообразие поведенческих стереотипов мы обратимся к рассмотрению социального действия в свете различных исследовательских подходов. Проблема связана с ростом интенсификации информационных потоков в современной социальной динамике и возрастающей ролью инновационного фактора. Это обстоятельство приводит к нарушению гомеостаза систем и актуализирует проблему адаптации общества к постоянным изменениям социальной реальности в сочетании с возможностями для управления механизмами социального развития. Необходимо разрешить противоречия между растущей потребностью модернизировать общества, существующие в состоянии системного кризиса, и отсутствием адекватной объяснительной теории определенной методологии, позволяющей выработать сценарии некатастрофического выхода из кризисной ситуации.

Приводимый ниже метатеоретический анализ направлен на установление степени соответствия концептуальных возможностей существующих теорий реалиям окружающего мира: имплементация реформистских программ, базирующихся на псевдонаучных основах, нарушает устойчивость социальных систем, порождая дезинтеграционные тенденции.

Методы исследования

Исследовательский интерес сосредоточен на выявлении эвристических возможностей таких теоретических конструкций, как линейный и цивилизационный паттерны: в частности, на определении способности последнего служить адекватным инструментом изучения социальных систем, интерпретации происходящих в их рамках социальных трансформаций нормативных и модальных поведенческих моделей, присущих конкретным обществам. Объектом исследования являются существующие в общественном сознании и определяющие стратегии исследовательских практик философские основания как способы определения объекта изучения и основных направлений исследований. Парадигмальная состоятельность конкретной исследовательской стратегии рассматривается через призму отношения к проблеме социального поведения.

Ретроспективный пересказ с постоянным обращением к работам М. Вебера и Т. Парсонса [2; 3] не

входит в круг задач исследования. Однако во время применения методологических импликаций и изложения аналитического материала в части, касающейся теорий мейнстрима, будет предполагаться модель социального действия и нормативность, предложенные этими учеными. Исследование проводилось с использованием принципа социально-исторического детерминизма, выражающего универсальную взаимосвязь и взаимозависимость социальных явлений, и идеи коэволюционной природы социального порядка каждого конкретного общества, коррелирующей с традицией *Path Dependence*, с инкрементной природой социальных изменений и институциональной стабильностью обществ. В качестве основных применяются абстрактно-аналитические и сравнительные методы исследования. Используется логико-проблемный метод, связанный с обнаружением основных проблемных узлов и выявлением сущностных проти-

воречий ряда стратегий исследования феномена социального действия, и историко-философский метод, выявляющий основные парадигмальные подходы в эволюции осмысления человеческой субъективности, соответственно, и человеческой деятельности. В ходе компаративного анализа эвристических и описательных возможностей исследовательские методологии линейного паттер-

на соотнесены с сопряжением цивилизационного подхода (с точки зрения интерпретации гомеостаза системы, сохранения ее целостности, существования вариативных когнитивных и поведенческих стереотипов) и дискурса синергетики (относительно перехода в точках бифуркации, саморегуляции общества и аксиологически обоснованного выбора определенного типа социального действия).

Результаты и их обсуждение

Теоретическая основа предмета социологии наиболее четко выражена в принципе методологического индивидуализма, когда все социальные явления, и особенно функционирование всех социальных институтов, всегда следует понимать как вытекающие из решений, действий, установок людей [4, р. 98]. Это положение ориентирует на исследование множества свободных индивидов как движущей силы социально-исторического процесса и на рассмотрение общества как результата совместной деятельности людей, способных создавать необходимые условия для существования. Усложняющаяся структура взаимодействий потребовала включения в исследовательское поле социальной структуры (классы, слои и группы, связи между ними).

Изучение социальной дифференциации привело к необходимости привлечения адекватного метода – диалектики – для представления общества как социальной целостности (при сохранении других методов). Применение в диалектике монизма, согласно которому вместо индивида объектом исследования является общество, привело к оформлению социоцентризма. Представители монизма считают, что на каждом уровне социальной структуры может быть найден основной системообразующий фактор, который влияет на все остальные условия (т. е. части системы находятся в подчиненной зависимости). Более того, под этим фактором понимается уже не множество индивидуумов, а множество социальных объектов, выделяемых по отношению к средствам производства, господствующей религии или типу менталитета, биологическим особенностям индивидов: речь идет о нациях [5], культуре [6], цивилизации [7], этносах и субэтносах [8], классах [9], расах [10; 11] и т. д. В рамках работ этой парадигмы наибольшее значение приобрел бинарный субметод диалектики, который определил создание нового направления в исследованиях.

Упрощенная трактовка антагонистической оппозиции К. Маркса хорошо известна. А. Тойнби считает, что причиной смерти любой цивилизации является конфликт между творческим меньшинством и нетворческим большинством [7]. С. Хантингтон представляет будущее как столкновение западной (христианской) и восточной (мусульманской) цивилизаций [1]. Таким образом, разделение

общества на две отдельные и противоположные части привело к тому, что социально-исторический процесс часто упрощался до бинарного характера, а роль индивида не учитывалась. Такое понимание социальной структуры игнорирует действия и события, которые не соответствуют этому подходу.

Использование другого субметода диалектики – динамического – позволило рассматривать развитие человеческого общества как прошлое, эволюционирующее во времени [12]. Такой подход позволяет выявить накопившиеся проблемы, наметить перспективы их решения. Он определяется как целостное единство явлений и сущностей. Более того, изучение структуры социально-исторического процесса показывает, что целесообразно выделить три уровня: действие, комбинированное действие-событие, комплекс событий. Таким образом, происходит движение от абстрактного к конкретному. Вертикальные отношения на всех уровнях находят выражение в комплексе событий и дают основания говорить о невозможности стихийности и маргинальности социальных действий.

Социальное действие понимается как активная форма преобразования социальной среды, осознанное мотивированное действие. Изменения в структуре действий приводят к изменению событий, а затем и к изменению их структуры. Каждому социальному действию предшествуют социальные контакты. В отличие от них социальные действия представляют собой довольно сложное явление. Любое социальное действие должно включать в себя субъекта, необходимость усиления поведения, цель действия, метод действия, другого субъекта, на которого направлено действие, результат действия. Список элементов, составляющих отдельное социальное действие, будет неполным без учета внешней среды субъекта или самой ситуации, что обращает к исследованию в рамках конкретной ситуационной семантики. Любой действующий субъект не находится в изоляции, так как он окружен материальным миром и действует в определенной культуре и социальной сфере. Этот комплекс материальных, социальных и культурных обстоятельств создает ситуацию, которая выражает условия и средства действия. Условиями действия выступают элементы среды, которые субъект не может изменить, а средства – это эле-

менты, которые субъект контролирует. Актор осуществляет социальную деятельность, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, поскольку социальные действия являются сознательными по определению. Ситуация отображена в социальном действии через ориентацию субъекта. В связи с этим различаются оценочная и мотивационная направленность субъекта: каждый субъект должен оценивать свое окружение и с помощью мотивации корректировать цели и методы улучшения социальных действий. Однако, когда один человек пытается сознательно воздействовать на другого, даже отсутствие социальной среды не освобождает обоих от необходимости учитывать культурные нормы их предыдущего социального опыта. Прошлое – неотъемлемая часть настоящего и будущего; оно проявляется и существует в них имплицитно. Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует опыт прошлых поколений, цитирует свой социальный опыт мышления [13]. Специфика социокультурной среды задает алгоритмы и вектор процесса социокультурной динамики, определяет менталитет, жизненную позицию и стереотипы поведения, обеспечивает связь времен и преемственность поколений. Более того, эта специфика определяет различные формы заимствования и адаптации инноваций к локальным условиям, их сущностное содержание и дальнейшее использование в общественной практике [14].

Социальное действие – в отличие от рефлексивных, импульсивных действий – никогда не происходит мгновенно, так как в сознании субъекта деятельности должен быть достаточно сильный импульс для устойчивой деятельности. Такое побуждение к совершению действий есть мотивация – совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение намерения к достижению целей субъекта. Иными словами, мотивация – это сила, которая подталкивает субъекта к выполнению определенных действий. Таким образом, механизм социального действия содержит в себе и мотивацию, и само действие.

В контексте нашего исследования приоритетным является тот факт, что любое социальное действие начинается с потребностей субъекта. Необходимость социальных изменений также может быть определена как потребность, которая связывает субъект и объект внешней социальной среды, усиливая четко определенные мотивы. Мотивы для каждого субъекта, а также его конкретные социальные установки придают уникальную индивидуальность социальным действиям. Механизм социальных действий осуществляется в рамках конкретного контакта, а он происходит не только в пространстве и во времени, но и с учетом ценностных отношений. Это, по нашему мнению, объясняет социокультурную уникальность различных обществ и противоположную глобализации

тенденцию – борьбу за сохранение уникальности национальных культур в условиях стандартизации образа жизни.

Во время выполнения социальных действий происходит социальное взаимодействие, означающее систему взаимозависимых социальных действий, связанных с циклической причинно-следственной зависимостью, в которой действия одного субъекта являются как причиной, так и следствием реакции других объектов. Это означает, что каждое социальное действие вызывается предшествующим социальным действием и одновременно является причиной последующих действий. Социальное действие выступает как результат сопряжения детерминированных и недетерминированных (случайных) факторов.

Таким образом, совокупные социальные действия в масштабах общества представляют собой звенья непрерывной цепи взаимодействий. Взаимодействие человека со сложными открытыми системами происходит таким образом, что само действие человека не является внешним – оно включается в систему, каждый раз изменяя свое поле возможных состояний. Вовлеченные во взаимодействие люди имеют дело не с неизменными предметами и свойствами, а с множеством возможностей. Каждый раз возникает проблема выбора определенного направления развития из множества возможных путей эволюции системы. Этот выбор довольно сложно рассчитать, и он необратим. Необратимость воплощенного осознанного выбора и необратимость социального прогресса являются одними из основных законов мирового социально-исторического процесса.

На протяжении всей истории человечества многократно наблюдались длительные периоды застоя и сложные зигзаги развития как в местном, так и в региональном масштабах. Из-за стихийных бедствий и социальных катастроф различные общества иногда оказываются далеко позади других в экономическом, политическом и культурном планах. Тем не менее при всей сложности, неравномерности движения в силу диалектических противоречий происходил устойчивый подъем человечества от низших форм социальной организации к высшим. Хотя в каждом случае исход столкновения противоборствующих сил заранее фатально не предрешен, победа прогрессивных сил, как правило, оказывается более устойчивой, а победа реакционных сил временна. Этот факт и придает необратимость социальному прогрессу. Следовательно, социально-исторический процесс можно представить как многоуровневую систему социальных действий, событий и их комбинаций, которая на конкретном этапе анализа статична, а изучение динамики такой системы в поступательном движении дает основание говорить о поливариантности процесса.

Следуя логике гипотез, предложенных А. Пуанкаре [15], социальные изменения могут идти линейными и нелинейными путями, поэтому социальные события, действия, институты и системы изучаются в многомерности и поливариантности их развития. Термин «вариант» означает модификацию, одну из возможных комбинаций, раскрывающую процесс на уровне явлений и имеющую статус реальности. Комбинацию можно наблюдать, обнаружить и осознать ее причинную обусловленность. Вариант – это объективно существующая тенденция общественного развития, которая коренится в материальных условиях общества, содержащих возможность определенных исторических действий. Историю самого человеческого общества можно рассматривать как возможность реализовать общественную жизнь, а значит – как альтернативу небытию человечества. Любое разнообразие обществ с этой точки зрения рассматривается как варианты данной альтернативы, реализованные посредством конкретных структурированных действий и событий.

Реальный и альтернативный варианты являются противоположностями по определению. Реальный вариант эмпирически наблюдаем и реален, альтернативный вариант считается потенциальной реальностью. Идея нелинейности и выбора в социальной деятельности включает вариативность свершившихся фактов в конкретно-исторических условиях, выбор альтернативного пути эволюции и необратимость [16]. Однако упрощенное понимание материализма и детерминированности общественного развития, по сути, не оставляет места для субъективного фактора. Абсолютизация принципа первичности общественного бытия, рассмотрение общественного сознания как вторичного и его экстраполяция и в принципах исторического материализма, и в идеологемах классической теории модернизации приводят к ослаблению роли творческого сознания, моральных принципов, интересов и духовных потребностей людей. Человек появляется как исчезающе малый элемент в ряде многочисленных абстрактных категорий, таких как класс, экономическая база, надстройка, общество постмодернизма, этнографический материал и т. д.

При таком антропоцентрическом подходе целенаправленная рациональность как эталонная категория теряет познавательную значимость [17]. Природа рациональности заключается не только в оптимальности, но и в том, что она плохо согласуется со смыслом человеческой жизни. Как нельзя ценности различных культур свести в «общечеловеческие ценности», так же разнятся и понимание добра и зла и истолкование наиболее рационального варианта действия в конкретных обстоятельствах. Общим смыслом жизни для всех людей является их удовлетворенность собственным существованием,

которое они называют счастьем. Удовлетворенность жизнью не зависит от содержания деятельности и даже от ее социальной оценки. Такое удовлетворение игнорирует фактор рациональности и является пределом человеческой деятельности. Человеческий выбор особенно актуален во времена масштабных социальных преобразований, что необходимо учитывать при изучении социальных и исторических процессов. Онтологически выработанный и исторически отформатированный уникальный социокультурный компонент становится доминирующим в принятии решений в точках бифуркации [18].

Либеральная парадигма демонстрирует свою эффективность только в рамках современной западной цивилизации, но она недействительна в азиатских и африканских странах. Например, в дикой природе самоорганизация группы хищников происходит в виде основанной на физической силе строго вертикальной иерархии, отражая сущность представителей этой группы. Суть и социальная организация творчески ориентированных на созидание пчел или муравьев совершенно иная. Точно так же различные типы личностей предопределили самоорганизацию разных типов постсоветских обществ в 1990-х гг. В условиях активно поддерживаемого извне неизбежного, в сущности, искажения культурно-исторических реалий в периоды бифуркации (с функциональными нарушениями имманентных социальных институтов собственной системы) постсоветские общества приняли как ожидаемо линейные, так и патологические формы: страны Прибалтики – парламентские демократии с несамостоятельной, дотируемой извне экономикой, Центральная Азия и Закавказье – средневековые ханства и феоды, Украина – криминальная олигархия, Россия – клептократический кумовской (*crony*) капитализм.

Попытки игнорировать факт социокультурных особенностей приводят к тотальной нормативности и номинализму, отрицанию очевидной множественности перцептуальных миров и способов мышления. Ошибочным представляется отрицание факта влияния культуры на социальное поведение [19]. Различные типы цивилизаций создают определенные типы личности, а также ценностные ориентации, мировоззрения и образ жизни [20; 21]. Разные типы культур формируют свои особенные когнитивные и поведенческие стереотипы, уникальные алгоритмы решения любой социальной проблемы. Исследование социального действия не может ограничиваться лишь постижением микроуровней социума в рамках номиналистской социологии, но, представая как универсальный факт осуществления социального во всех поливариантных формах, обращает к изучению конкретики локальных обществ со специфическими алгоритмами осуществления социальной деятельности.

Заключение

Проблемность современного социального знания диктует необходимость воспринимать его не как сумму универсальных истин, подходящих на все случаи жизни, а как творческий поиск ответов на философские вопросы и вопросы личного существования. Этот подход может быть реализован путем применения принципа гуманизма, преодоления психологии зависимости от положений линейного мейнстрима, усвоения современного стиля мышления, который вытекает из признания естественной поливариантности социальных структур и множественности культур народов мира, приоритета ценности человека.

В практике реформ, целенаправленных трансформаций «несущих» структур современных переходных обществ в русле глобалистского мировоззрения игнорируются компромиссная комплементарность возможностей диалектической пары «коммунитарность – субсидиарность», имманентные свойства саморазвития и саморегулирования социальных систем, специфика и особенности ментальных программ и моделей индивидуально-го и коллективного поведения.

Необходимо отказаться от унифицирующих и обобщающих теорий вообще и в частности – от попыток глобального насаждения универсального социального поведения на основе объяснительных возможностей американской психологической школы в социологии (символический интеракционизм, теории социального обмена и т. д.), изначально предназначенных для анализа и описания психотипных, когнитивных и поведенческих стереотипов представителей одного определенного цивилизационного типа, но неэффективных для интерпретации поведения и социального выбора представителей других культур из разных регио-

нов планеты. Рациональность действия (инструментальная, функциональная и т. д.) в прочтении существующего мейнстрима не приобретает (даже насаждаемая путем применения социальных технологий) тотального характера в реальности, будучи ограниченной собственной цивилизационной спецификой (она отражает рациональность, присущую одному конкретному культурно-историческому типу). Рациональная среда является дисперсной, и дискуссионность даже главного приоритета списка «общечеловеческих ценностей» объективна: проблема жизни и смерти имеет нетождественное прочтение в разных культурах. Типологическое разделение целеполагающего и ценностно ориентированного действия с абсолютизацией и унификацией рациональности (как единственно возможного эталонного варианта) представляется неверным, поскольку рациональность основана на смысложизненных установках и ценностных ориентациях, доминирующих в том или ином конкретном обществе, и может быть нетождественной бытующим рациональностям иных социальных систем.

Таким образом, анализ различных стратегий исследования социального поведения, факт структурированности социального действия, взаимосвязь между социальными изменениями и принципами солидарности и доверия различных типов обществ, специфическое разнообразие изучаемых объектов обращают в разрешении проблемы вариативности социального поведения к сравнительному изучению отдельных локальных цивилизаций и их динамики, а также к отказу в управленческой практике от универсалистских решений социальных проблем и утверждению дифференциации в планировании сценариев развития для разных обществ.

Библиографические ссылки

1. Huntington S. *The Clash of Civilizations: and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 367 p.
2. Weber M. *Economy and Society: an Outline of Interpretive Sociology*. Roth G, Witlich C, editors ; Fischhoff E, Gerth H, Henderson AM, Kolerar F, Mills CR, Parsons T, et al., translators. Berkeley: University of California Press; 1978. 1469 p.
3. Parsons T. *The Structure of Social Action: a Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: The Free Press; 1968. 470 p. Co-published by the Collier Macmillan Publishers.
4. Popper K. *The Open Society and its Enemies. Volume 2. Hegel, Marx, and the Aftermath Revised Edition*. 2th ed. Princeton: Princeton University Press; 1971. 376 p.
5. Vico G. *The First New Science*. Pompa L, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 368 p.
6. Spengler O. *The Decline of the West*. Wezner H, Helps A, editors; Atkinson CF, translator. New York: Random house; 1962. 414 p.
7. Toynbee A. *A Study of History*. Somervell DC, editor. Oxford: Oxford University Press; 1987. 640 p.
8. Гумилев ЛН. *Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению*. Гончарова ЕМ, составитель. Москва: Айрис-пресс; 2015. 384 с.
9. Marx K. *Capital*. McLellan D, editor. Oxford: Oxford University Press; 2008. 409 p.
10. Le Bon G. *The Psychology of Peoples: Perspectives in Social Inquiry*. Stecher GE, editor. New York: Arno Press; 1974. 236 p.
11. Gobineau A. *The Inequality of Human Races*. Torrance. Collins A, translator. California: Noontide Press; 1983. 184 p.
12. Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. Rockville, Maryland: Serenity Publishers; 2008. 112 p.
13. Moscovici S. *The Age of the Crowd: a Historical Treatise on Mass Psychology*. Whitehouse JC, translator. New York: Cambridge University Press; 1985. 408 p.

14. Погосян ВГ. Модернизация в дискурсе исторической социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2009;4:81–96.
15. Poincare H. *Science and method*. Maitland F, translator. New York: Cosimo Classics; 2010. 292 p.
16. Harrison L, Huntington S. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books; 2000. 348 p.
17. Pogosyan V. Philosophies of social behavior research: meta-analytic review. *Wisdom*. 2018;11(2):85–92. DOI: 10.24234/wisdom.v1i2.212.
18. Погосян ВГ. Самоорганизация социальных систем: основные методологические подходы. *Социальная политика и социология*. 2018;17(1):77–84.
19. Triandis H. Culture and Social Behavior. In: Lonner WJ, Malpass RS, editors. *Psychology and Culture*. Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon; 1994. p. 169–173.
20. Chen SX, Lam BCP, Wu WCH, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H. Do people's world views matter? The why and how. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;110(5):743–765. DOI: 10.1037/pspp0000061.
21. Chen SX, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H, Bond MH. The added value of world views over self-views: predicting modest behavior in Eastern and Western cultures. *British Journal of Social Psychology*. 2017;56(4):723–749. DOI: 10.1111/bjso.12196.

References

1. Huntington S. *The Clash of Civilizations: and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 367 p.
2. Weber M. *Economy and Society: an Outline of Interpretive Sociology*. Roth G, Witlich C, editors. Fischhoff E, Gerth H, Henderson AM, Kogler F, Mills CR, Parsons T, et al., translators. Berkeley: University of California Press; 1978. 1469 p.
3. Parsons T. *The Structure of Social Action: a Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: The Free Press; 1968. 470 p. Co-published by the Collier Macmillan Publishers.
4. Popper K. *The Open Society and its Enemies. Volume 2. Hegel, Marx, and the Aftermath Revised Edition. 2th ed*. Princeton: Princeton University Press; 1971. 376 p.
5. Vico G. *The First New Science*. Pompa L, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 368 p.
6. Spengler O. *The Decline of the West*. Wezner H, Helps A, editors; Atkinson CF, translator. New York: Random House; 1962. 414 p.
7. Toynbee A. *A Study of History*. Somervell DC, editor. Oxford: Oxford University Press; 1987. 640 p.
8. Gumilyov LN. *Konetz i vnov natchalo: populiarniye lektsii po narodovedeniyu* [End and beginning again: popular lectures on folk studies]. Goncharova EM, compiler. Moscow: Airis-press; 2015. 382 p. Russian.
9. Marx K. *Capital*. McLellan D, editor. Oxford: Oxford University Press; 2008. 409 p.
10. Le Bon G. *The Psychology of Peoples: Perspectives in Social Inquiry*. Stecher GE, editor. New York: Arno Press; 1974. 236 p.
11. Gobineau A. *The Inequality of Human Races*. Torrance. Collins A, translator. California: Noontide Press; 1983. 184 p.
12. Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. Rockville, Maryland: Serenity Publishers; 2008. 112 p.
13. Moscovici S. *The Age of the Crowd: a Historical Treatise on Mass Psychology*. Whitehouse JC, translator. New York: Cambridge University Press; 1985. 408 p.
14. Pogosyan VG. [Modernization in the discourse of historical sociology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2009;4:81–96. Russian.
15. Poincare H. *Science and method*. Maitland F, translator. New York: Cosimo Classics; 2010. 292 p.
16. Harrison L, Huntington S. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books; 2000. 348 p.
17. Pogosyan V. Philosophies of social behavior research: meta-analytic review. *Wisdom*. 2018;11(2):85–92. DOI: 10.24234/wisdom.v1i2.212.
18. Pogosyan VG. Self-organization of the social system: basic methodological approaches. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2018;17(1):77–84. Russian.
19. Triandis H. Culture and Social Behavior. In: Lonner WJ, Malpass RS, editors. *Psychology and Culture*. Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon; 1994. p. 169–173.
20. Chen SX, Lam BCP, Wu WCH, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H. Do people's world views matter? The why and how. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;110(5):743–765. DOI: 10.1037/pspp0000061.
21. Chen SX, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H, Bond MH. The added value of world views over self-views: Predicting modest behavior in Eastern and Western cultures. *British Journal of Social Psychology*. 2017;56(4):723–749. DOI: 10.1111/bjso.12196.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.

КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Выявляются различные подходы к определению понятия «социальная теория». Прослеживается его развитие в рамках социально-гуманитарных наук и постепенная трансформация в одну из ключевых категорий современного социально-философского познания. Обозначены региональные различия в трактовках данной категории, а также причины зарождения универсальной категории социальной теории на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: социальная теория; социологическая теория; социально-философская теория; теория общества; современная социальная теория.

THE CATEGORY OF CONTEMPORARY SOCIAL THEORY

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article reveals different approaches to defining the notion «social theory». Its development within the social and human sciences is traced. Its further transformation into one of the key categories of socio-philosophical cognition is delineated. Regional differences in interpretations of this category are indicated. Reasons for the emergence of the universal category of social theory at the turn of XX–XXI centuries are outlined.

Keywords: social theory; sociological theory; socio-philosophical theory; theory of society; contemporary social theory.

Введение

Значение категории «социальная теория» остается неоднозначным в современной социальной философии и социологии. Англо-американский термин *social theory* переводится и инкорпорируется в различные традиции социально-гуманитарных наук, но он до сих пор не приобрел строгого определения. Несмотря на свою неоднозначность, этот термин остается модным и популярным обозначением наиболее актуальной междисциплинарной области исследований социальной философии и социологии со второй половины XX в., интерес к нему еще сильнее обостряется на рубе-

же XX–XXI вв. Британский социолог Дж. Деланти рассматривает этот современный «поворот к социальной теории» (в особенности европейских социологов) как «реакцию на преимущественно эмпирический характер американской социологии»¹ [1, р. xvii] и распространение ее влияния на социальные науки с конца XX в. во всем мире.

Современная европейская социальная теория в попытке укрепить свои исконные философские основания демонстрирует, согласно Дж. Деланти, возрождение тесных взаимоотношений между социальными и гуманитарными науками. На укре-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

Образец цитирования:

Мацевич-Духан ИЯ. Категория современной социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:57–65.

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. The category of contemporary social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:57–65. Russian.

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru

ненность европейской социологии в философии и необходимость ее сохранения обратил пристальное внимание еще в 1958 г. английский философ П. Уинч [2]. В ситуации распространяющейся критики классической социологической теории П. Уинч подчеркивал, что постепенный ее крен в сторону эмпирических исследований заставляет забыть, что «центральная проблема социологии, т. е. постижение природы социальных феноменов в целом, принадлежит философии» [2, р. 41]. Тем самым он объяснял определенного рода кризис европейских социальных наук в целом и социологии в особенности. П. Уинч не мог смириться с тем фактом, что социологи достаточно часто исследуют, каким образом возникновение и оформ-

ление концептов детерминировано социальной жизнью, но при этом они забывают, что концепты не могут рассматриваться исключительно как продукты обобщения социальных процессов. Напротив, обобщения и их воплощения в действительности возможны лишь в той мере, в какой индивид осваивает определенный набор концептов [2, р. 42].

Критика Уинча совпала по времени с зарождением и распространением категории «социальная теория» как отличной от социологической и социально-философской теорий. Рассмотрим предпосылки ее оформления и основные стадии эволюции в европейском и американском социально-гуманитарном познании.

Понятие «социальная теория» в философии и социологии

Англо-американское понятие *social theory* не всегда органично и беспрепятственно вписывается в многообразие социально-философских и социологических систем научного знания. В отечественной традиции данное понятие иногда используется как условное обозначение социально-философской теории, требующее дальнейшего прояснения на языке отечественной науки в зависимости от контекста его употребления. Хотя относительно данного утверждения можно возразить и вспомнить, что понятие «критическая социальная теория» активно используется в отечественной науке со второй половины XX в. Тем не менее то понятие, о котором пойдет речь в данной статье, имеет более широкое значение и поле компетенций. Необходимо прояснить его основные значения в различных научных традициях и дать обобщенное определение, часто воспроизводимое в европейской социально-философской мысли в XX–XXI вв.

Согласно мнению британского социолога О. Харрингтона, термин *social theory* является достаточно поздним изобретением в истории социальной мысли: «Никакого подобного термина не существовало в английском или другом языке до XX в., и даже в XX в. его употребление не было распространено приблизительно до 1940-х гг. Огюст Конт изобрел термин *sociologie* во Франции в 1840-е гг., но термин “социология” также был непопулярным вплоть до 1900 г.» [3, р. 2].

В этом же контексте О. Харрингтон отмечает, что если рассматривать термины *social* и *theory* как отдельно существующие, то каждый из них имеет достаточно древнее происхождение. Бегло воспроизведем этимологию понятия «социальное» и попытаемся прояснить его значение в категории «социальная теория». Прилагательное «социальный» происходит от латинских слов *socius* и *societas* [3, р. 2]. Понятие *socius* первоначально обозначало члена торгового сообщества, взаимодействующего с другими представителями определенного делового

товарищества, ассоциации партнеров. Сама форма такой ассоциации обозначалась понятием *societas*. Как отмечает О. Харрингтон, коммерческое значение *societas* сохраняется и в современных языках (англ. *society*, фр. *société*, и ит. *società*, нем. *Gesellschaft*). Поэтому британский социолог считает возможным обосновать укорененность «социального» в коммерческих отношениях «социации» (англ. *sociation*) между членами сообщества.

Немецкий философ Х. Арендт продемонстрировала, каким образом изобретение собственно «социального» в Новое время связано с выходом экономических видов деятельности в публичную политическую сферу [4, с. 46]. Ведение хозяйства ранее касалось частной сферы семьи, а в Новое время – всех. Его проникновение в сферу публичного повлекло одновременно снятие публичной ответственности с владельца собственности за ведение его хозяйства: «Социум возник в сфере публичного впервые в образе организации владельцев, которые однако теперь уже не на основании своего богатства требовали себе соразмерного права голоса в публичных вопросах, но наоборот сошлись чтобы в целях приобретения еще большего богатства потребовать снятия с себя всякой ответственности публично-политической природы» [4, с. 86].

В контексте зарождения феномена социального оформляется понятие «общество» (фр. *société*). Его вводит в широкий оборот Ж.-Ж. Руссо в работе «Об общественном договоре» (1762), хотя впервые оно (англ. *society*) как условное обозначение некой воображаемой социальной действительности появляется в «Утопии» (1516) Т. Мора [5, р. 23]. В эпоху Просвещения общество рассматривается как автономная область развития гражданских отношений, не подпадающих под категорию государства. Слово «общество» изначально обозначало «пакт или договор между гражданами и правителями», но постепенно утратило свое юридическое значение и приобрело значение «сообщества, интегрирован-

ного на основе нормативности или солидарности, в котором социальное взаимодействие предполагало наличие символических отношений» [6, р. 20].

Философ Ж.-Ж. Руссо способствовал созданию языка, описывающего реальность социального, выходя за рамки политической философии. Изобретение социального тесно связано с критикой его вторжения в сферу интимного [4, с. 53]. Бунт Ж.-Ж. Руссо против социальности, с точки зрения Х. Арендт, заканчивается открытием пространства интимного. Но все возрастающая экспансия социального сказывается в появлении массового общества, его эгалитарности и конформизма, в действии господствующего «никто» и постепенном забвении публичной сферы. Следует заметить, что понятия «социальное» и «общественное» в немецком, английском и французском языках разводятся по смыслу с середины XIX в. (нем. *das Soziale und das Gesellschaftliche*, англ. *the social and the societal*, фр. *le social et le sociétal*). Однако во многих переводах эти понятия достаточно часто остаются взаимозаменяемыми либо не до конца проясненными, если само различие не является предметом исследования. Еще большая неоднозначность появляется, когда понятие *the public* переводят как «общество», а его производные как «общественное». Например, работа Дж. Дьюи «The Public and Its Problems» вышла на русском языке под заглавием «Общество и его проблемы» [7]. В вышеприведенных фрагментах из текстов Х. Арендт и их переводах эта последовательность не всегда прослеживается. Понятия «социум» и «общество» в приводимом фрагменте работы немецкого философа не различаются.

Отталкиваясь от трактовки Ж.-Ж. Руссо, Х. Арендт дает следующее определение социуму: «Форма, в которой сам по себе процесс жизни публично институализировал и организовал себя» [4, с. 61], «та форма совместной жизни, где зависимость человека от ему подобных ради самой жизни и ничего другого достигает публичной значимости и где вследствие этого виды деятельности, служащие единственно поддержанию жизни, не только выступают на открытой публичной сцене, но и смеют определять собою лицо публичного пространства» [4, с. 62]. Постоянное разрастание социального пространства создает иллюзию естественности и закономерности этой экспансии, поддающейся анализу лишь с помощью строгой науки, исследующей природу.

В это же время зарождается понятие «социальная наука», изобретенное маркизом де Кондорсе и постепенно проникнувшее через его труды в различные европейские языки [5, р. 23]. Социальная наука пришла на смену моральной науке в качестве призванной содействовать реформированию государственной политики с помощью строгих методов научного познания. Она создает социальные

технологии для манипулирования общественным мнением.

В дальнейшем французский позитивизм, освоив задачи социальной инженерии администраторов государства, продемонстрировал методологию социологии как «науки индустриального общества». Социальная наука превращалась в «позитивный институт» производства политической практики и государственного администрирования [5, р. 23].

В этом контексте необходимо проследить проникновение европейской социологической мысли в США, так как современные интерпретации понятий «социальная теория» и «социологическая теория» во многом сформировались в диалоге европейской и американской традиций в начале XX в. Несмотря на тот факт, что социология зародилась во Франции в XIX в., большинство представителей социально-гуманитарных наук США познакомились с европейской социологической традицией как оформившимся целым только в 1937 г., когда Т. Парсонс представил американскому читателю в работе «The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers» («Структура социального действия. Исследование социальной теории с отдельным обращением к группе современных европейских писателей») квинтэссенцию европейского социологического канона [8], который доминировал в академическом образовании США вплоть до середины XX в. [9; 14].

В 1940–1950-е гг. понятие социологической теории в США в основном ассоциировалось с европейской классической социологической традицией. Немецкий социолог Х. Йоас полагает, что Т. Парсонс проигнорировал факт существования на тот момент уже достаточно оформившейся американской социологической школы, испытывавшей существенное влияние философии прагматизма [9]. Он осознанно не уделял внимания в своем введении в историю классической социологии представителям американской социологической мысли, так как они, вероятно, не вписывались в историю повествования Т. Парсонса с точки зрения генезиса предельно абстрактной социальной мысли. В результате, согласно Х. Йоасу, американская социологическая теория в академической среде оказалась в то время под существенным влиянием европейской традиции в синтетической интерпретации Т. Парсонса и формировалась в течение длительного времени с ориентацией на соответствующие идеалы научно-теоретического познания.

Однако в результате культурного поворота второй половины XX в. предмет исследования американской социальной теории вообрал в себя множество тем, которые прежде выходили за рамки ее компетенции. Вместе с обращением к проблематике гуманитарных наук возрастала и практическая

составляющая американской социальной теории. Собственно теория постепенно изживалась из недр американской эмпирической социологии. Ссылки на философские тексты становились все более формальными. Параллельно с этим процессом теория уходила и из учебных планов американских университетов. Как отмечает американский социолог С. Тёрнер [10], даже там, где она сохранялась, ее преподавали практики. Эта тенденция, согласно С. Тёрнеру, затронула даже те американские университеты, которые на протяжении многих десятилетий вплоть до 1960–1970-х гг. отстаивали свою преданность классической социальной теории. Он ссылается на воспоминания американского философа Дж. Батлер о времени ее обучения в Йельском университете, где студент уже в то время едва ли мог получить фундаментальную подготовку в области социальной теории.

Осмысляя данную ситуацию, С. Тёрнер формулирует вопрос о будущем социальной теории в США и за их пределами, так как полагает, что эти тенденции проникают и в другие регионы мира. Он выделяет несколько значимых последствий выхода американской социальной теории за рамки преимущественно эмпирической социологической теории. Во-первых, речь идет о формировании нового поля социально-гуманитарного исследования со своим специфическим предметом исследования, задачами, методами и компетенциями. Сегодня она может процветать уже в других формах по сравнению с классической социологической теорией. Но сложность, с которой неизбежно сталкивается новое направление научного исследования, заключается в том, что, несмотря на все позитивные оценки ее междисциплинарного характера, она вынуждена четко обозначить свое место в системе научных дисциплин. С. Тёрнер условно обозначает ее место в «преддисциплинарном» поле зарождения социологии. Без самоопределения в отношении социологии социальная теория может окончательно утратить свой предмет исследования, будучи растерзанной множеством новых специальных дисциплин (например, медиаисследования, гендерные исследования, визуальные исследования, урбанистические исследования, эволюционная психология, когнитивная нейронаука, нейроэкономика и др.).

Немецкий социолог У. Бек предлагал произвести «концептуальную революцию», чтобы избавиться от «зомби-концептов» [11, р. 51–52], не способных разъяснять суть современной действительности. Но С. Тёрнер не соглашается с У. Бекем, противопоставляя данному тезису востребованность концептов классической социальной теории даже в сегодняшних аналитических обзорах таких популярных изданий, как «Financial Times» [10, р. 563].

В то же время европейская социологическая теория всегда стремилась быть «чем-то большим, чем

социологией, и демонстрировала укорененность в гуманитарных науках и в особенности в философии» [1, р. xviii]. Но если в первой половине XX в. европейскую социальную теорию возможно было идентифицировать в качестве предельно абстрактной целостности, то к концу XX в. она подверглась радикальной критике и пересмотру с точки зрения «практического поворота».

Немецкий социолог К. Оффе отмечает, что в 1990-е гг. ощущался, как никогда прежде, кризис европейской социальной теории, воплотившийся в «атеоретическом характере» политического опыта построения «общего европейского дома» [12]. Он полагал, что задача социального исследователя в последующие годы сводилась к ретроспективному анализу произошедшего в действительности.

Британский социолог Б. Тёрнер констатирует кризис современной социальной теории двойственного характера [13, р. 5]: кризис социального и кризис теории. Во многом он был обусловлен распространением постмодернизма, постструктурализма и неопрагматизма. Современная социальная теория, с точки зрения Б. Тёрнера, все больше занимается собой, постепенно утрачивая социальное как предмет исследования, по крайней мере, в том классическом виде, в котором он был сформулирован в социологии Э. Дюркгейма. Для иллюстрации контраста он приводит работы социологов Б. Латура, Дж. Ло и Дж. Урри, где социальное превращается в сеть одушевленных и материальных акторов.

Несколько спокойнее реагирует на кризис современной социальной теории Дж. Деланти, подчеркивая, что вся ее история с момента зарождения – продукт осмысления и переживания различных видов кризиса современности. Другими словами, сегодняшнее ее положение отражает суть происходящего в социальной действительности. Он ссылается на Т. Парсонса, утверждавшего, что современная социология – это главным образом попытка найти решение проблемы, сформулированной еще Т. Гоббсом и Дж. Локком: каким образом возможен социальный порядок. С упадком веры в возможность такого рода порядка возникает потребность в обновлении социальной теории.

Первым социальным теоретиком, который продемонстрировал единство классической социологической теории, был Т. Парсонс. С упадком авторитета его теории в конце 1960-х гг. американское прочтение социологической традиции как интегрированного единства утрачивает свое прежнее влияние в мире, уступая место в 1970-е гг. авторитету европейских социальных теорий Ю. Хабермаса, Н. Лумана, П. Бурдьё, А. Турена, Э. Гидденса и М. Фуко [6].

Конец XX в. в европейской социальной теории ознаменован плюрализмом. Оживление влияния американской философии и социологии на евро-

пейскую социально-гуманитарную мысль отражалось в активном развитии европейского неопрагматизма [9; 15; 16]. Об относительной европеизации этого влияния можно судить с точки зрения авторов «теории практики» [17; 18; 20–23]. Параллельно с возникновением последней зарождается и европейская теория креативного общества.

Неопрагматическая социальная теория способствовала дальнейшему развитию и оформлению

данной интенции. Согласно Х. Йоасу, американский прагматизм – это единственная философия, которая фокусируется на креативной природе индивидуального действия и стремится понять любое человеческое действие как креативное [16, р. 4]. В этом контексте возникает вопрос, возможно ли выработать европейский подход к современному креативному обществу, выходя за рамки парадигмы американского (нео)прагматизма.

Практический поворот в европейской социальной теории: от социальной теории к теории практики

Одним из ярких выражений европейского «практического поворота» [21] является зародившаяся в 1990–2000 гг. «теория практик» (англ. *theory of practices*, фр. *la théorie des pratiques*) [18], или «теория практики» [17; 22]. Феномен практики [19] оказывается в центре внимания как в социологии в целом, так и в социальной теории в особенности. Теория практики первоначально оформляется в работах Т. Р. Шацки (1996) [20], К. Кнорр-Цетины, Э. фон Савиньи (2001) [21], А. Реквитца (2002) [22] и А. Уорда (2005) [23]. Поворот к теории практики в европейских социальных науках 2000-х гг. был подготовлен французской неопрагматической социологией Л. Болтански [24] и Л. Тевено [25] и актор-сетевой теорией Б. Латура [26].

Прагматический поворот от анализа социальных субъектов и групп к исследованию ситуаций и вещей как таковых продемонстрировали Л. Болтански и Л. Тевено. В это время европейская социальная мысль испытывала оживление интереса к американскому неопрагматизму [27–30], который наиболее ярко выражен в теории креативности действия Х. Йоаса [35]. Однако немецкий социолог А. Реквитц [22] отрицает любую попытку ассоциировать рождение теории практики с неопрагматическим движением в европейской социальной теории 1990-х гг. Он отмечает, что традиция американского прагматизма имеет «достаточно слабую связь» [22, р. 259] с теорией практики. А. Реквитц подчеркивает влияние социальной мысли П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ч. Тейлора и позднего М. Фуко [22] на формирование европейской теории практики. В то же время он не опровергает утверждение Х. Йоаса относительно того, что немецкая социологическая дискуссия о повседневной креативности и демократии в 1990-е гг. была во многом сформирована в рамках традиции американского прагматизма, где идея креативности всегда рассматривалась во взаимосвязи с идеей демократии [31]. Кроме того, он подчеркивает, что теория практики глубоко укоренена в философском дискурсе «от Хайдеггера и Дьюи до Делёза» [17, S. 12]. Влияние философии прагматизма на теорию практики достаточно сложно полностью исключить.

Американский социолог Дж. Ритцер полагает, что в качестве предпосылок формирования теории практики можно рассматривать постструктурализм, теорию структуризации, этнометодологию, актор-сетевую теорию и перформативную теорию, фокусируя внимание на работах П. Бурдьё, М. Фуко, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля, Б. Латура и Дж. Батлера [19, р. 645]. В этом контексте *практика* – это рутинизированное действие, в котором дотеоретические предположения определяют способ поведения человеческих тел в той или иной ситуации. Социальная практика сводится к череде «рутинизированных телесных перформансов» [19, р. 645], оказывается продуктом тренировки перформативных способностей человеческих тел. Ментальная деятельность, ее основные элементы рассматриваются по аналогии со структурой телесной практики. Последняя проецируется на природу социального в целом. При этом нужно учитывать, что социальное не является абстрактным феноменом, его сущность распознается лишь в череде повседневных действий. Однако сами действия не сводятся к природе индивидуальности, субъекта действия. Социальная практика не расчленяется на совокупность индивидуальных актов. Ответить на вопрос, каким образом и в какой мере возможно выстроить непротиворечивые связи между всеми этими положениями, пока еще достаточно сложно. Дж. Ритцер полагает, что фрагментарность новой теории затрудняет ее развитие в сторону «гранд-теории» [19, р. 664].

Рождение теории практики в 1990-е гг. совпало с рождением европейской «креативной политики» [36], провоцирующей социологов обратиться к ее ретроспективному анализу с помощью междисциплинарных концепций. А. Реквитц – один из первых европейских социологов, попытавшихся разработать социальную теорию современной креативности, демонстрируя плодотворные взаимоотношения между теорией практики и теорией креативного общества, т. е. между современной социальной теорией и теорией современного общества.

Теория социального праксиса А. Реквитца

Как утверждает А. Реквитц, было бы ошибочно думать, что теория общества (*Gesellschaftstheorie*) и теория современности (*Theorie der Moderne*) детерминированы в развитии социальной теорией (*Sozialtheorie*). Последняя скорее направляет их в сторону «определенной социально-теоретической фундаментальной концептуальности» (*eine bestimmte sozialtheoretische Grundbegrifflichkeit*) [17, S. 17] их предмета исследования. С этой точки зрения теория практики направляет различные теории общества к концептуальности креативного диспозитива (*Kreativitätsdispositiv*). А. Реквитц анализирует процессы культурализации и эстетизации в ситуации позднего модерна. Данное исследование предполагает возможность их формальной рационализации, но оно не может быть сведено к последней. Выявление содержания повседневной креативности в современном обществе мотивирует исследователя пересмотреть основания социальной теории, методы ее построения в социологии и философии.

Социальная теория не может развиваться без социологических теорий современного общества. В этом отношении задача социологии – постигать современное общество и предоставлять эмпирический материал для дальнейшего развития социальной теории. Взаимоотношения между социальной теорией и теориями общества взаимообусловлены, но они не могут быть описаны в терминах строгого детерминизма. Социально-теоретическая концептуальность (*Begrifflichkeit*) не детерминирует позиции теории общества, скорее она создает условия для вступления в возможную свободную игру между ними.

Теория социального праксиса или социальных практик А. Реквитца (*eine Theorie sozialer Praxis oder sozialer Praktiken*) ориентирована на познание современности, в особенности общества позднего модерна. Она фокусируется на процессах культурализации и эстетизации социального (*Kulturalisierung und Ästhetisierung des Sozialen*) [17, S. 10], выходя за рамки социологического анализа формальной рационализации и функциональной дифференциации социального. А. Реквитц демонстрирует, каким образом возможно развивать современную социальную теорию в форме теории практики [17; 22], выстраивая теорию современного общества в форме теории креативного общества позднего модерна [32; 33]. В рамках этих теорий он стремится выявить концептуальность как социальной (*soziale*), так и социетальной реальности (*gesellschaftliche Realität*) в эпоху креативности.

Согласно А. Реквитцу, теория практики представляет собой новый вид теории, которая способна отвечать на вызовы креативной эпохи посредством праксиологии чувствительности к но-

вому типу социального в форме сети одушевленных и материальных акторов. Анализ социального А. Реквитца демонстрирует нарастающее напряжение между процессами рационализации и эстетизации/культурализации в ориентации социального развития на режим нового, аутентичного, экспериментальной самотрансгрессии, аффективности, чувственности, креативности и сингулярности (в противоположность формализму, сциентизму и эффективности прошлого). Он использует концепт «сингулярности», чтобы обозначить объекты и субъекты с их притязанием на особенное. Индивиды и социальные группы замещаются сингулярностями, которые вынуждены бороться за все большее внимание [32, S. 13–18] в эпоху креативности.

В недавно опубликованных монографиях «Изобретение креативности» (2012) [32], «Креативность и социальный праксис» (2016) [17] и «Общество сингулярностей» (2017) [33] А. Реквитц стремится построить социологическую модель для объяснения развития сегодняшней «истерии креативности» [34] и определенного рода рефлексивности в отношении данного феномена. Он исследует ее основания и формы воплощения, пытается ответить на следующие вопросы: почему мнение о том, что ничего не детерминирует современную культуру в той мере как креативность, кажется столь влиятельным и распространенным? что представляет собой сегодняшний «императив креативности»? почему субъекты позднего модерна приучены смотреть на себя и других как креативных, моделировать себя в качестве таковых?

Историческое и культурологическое исследование креативности А. Реквитца сфокусировано на последних двух столетиях. Сравнивая различные стадии в развитии обостренного ощущения и осознания собственной индивидуальной креативности (романтизм, контркультура буржуазного общества, поздний модерн), он приходит к выводу, что современная тотальная эстетизация начинается в 1960–1970-е гг., интенсифицируется и выражается в новых формах в конце 1990-х гг. во всех сферах общества. В определенной степени взрыв креативности в XXI в. детерминирован формированием сектора креативных индустрий, который поглотил большинство направлений развития искусства, науки, технологий и бизнеса.

Относительные границы эстетического публичного пространства постепенно размывались. Любое пространство может рассматриваться отныне как эстетическое, если оно производит и преумножает свежие эмоции. Их бесконечная повторяющаяся мультипликация приводит к пустым надеждам в поиске бессмысленной новизны, к изнашиванию и истощению личности. Каждому приходится играть оригинальную роль в спектакле самореали-

зации, производя в качестве побочного продукта психологический стресс и «тотальное выгорание» личности во всех сферах социальной жизни.

Одним из первых социологов XXI в., разрабатывающих социальную «гранд-теорию», которая стремится выявить ключевые характеристики креативного общества позднего модерна, по крайней мере в их идеально-типической форме, оказался А. Реквитц. Однако данная теория все еще находится в стадии формирования, хотя уже существенно продвинулась в развитии за последние несколько лет, обозначив условные концептуальные и методологические основания, задачи и перспективы дальнейшей эволюции в системе социально-гуманитарных наук.

Таким образом, зарождающаяся теория креативного общества могла бы содействовать разви-

тию предметного поля и методологии социальной теории. Хотя достаточно сложно предсказывать, насколько легитимным окажется ее место в истории, но очевидно, что она могла бы обогатить поле исследовательских вопросов современной социальной теории в ближайшие годы. Осознавая риск, которому подвергается социальная теория с обращением к новому полю исследования, изобретатели концептов вынуждены постоянно переконфигурировать условные границы креативного пространства в качестве социального. Тем временем парадоксальная политическая концепция европейского креативного общества [36] без прочного теоретико-методологического основания подвергается все большему риску оказаться непонятой в форме легко пародируемой модели социального действия в ситуации всеобщего притязания на креативность.

Заключение

Современная социальная теория, отвечая на вызовы теорий общества позднего модерна, сталкивается с необходимостью пересмотра своего предмета исследования и границ компетенции. Неопрагматическая теория Х. Йоаса и теория практики А. Реквитца предлагают различные сценарии развития и оформления современной социальной теории с учетом зарождения теории креативного общества. Достаточно сложно предсказать, насколько легитимными окажутся эти проекты в истории социальной мысли, однако можно с уверенностью констатировать существенный пересмотр предметного поля социальной теории в стремлении ответить на уже сформулированные вопросы в рамках обозначенных теорий современного общества начала XXI в. Сегодня осуществляется их плодотворное взаимодействие с социальной теорией как исторически единой целостностью в различных ее воплощениях.

Каждая научная школа, как и каждое политическое движение, конституирует свой собственный дискурс современности. Среди многообразия работ представителей этих школ труды Х. Йоаса и А. Реквитца выделяются стремлением создать не только уникальный предмет исследования и способ пове-

ствования о нем, но и теоретико-методологическое поле его реализации. До сих пор в рамках социальной философии и социологии мало внимания уделялось «креативному повороту» в истории европейского общества, который оказался в последнее время заметным и идентифицируемым в свете нового поколения политических программ европейских стран [36]. Все больше исследователей сходятся во мнении, что предмет современной социальной теории должен включать в себя креативную реальность как целостность и новый вид социальной тотальности в целях преодоления функциональной дифференциации общества на политические, экономические и культурные сферы.

Без разработанных социально-философских оснований многие концепции современного общества могут постепенно трансформироваться в социальные движения, пытающиеся оправдать свое существование в лучшем случае с помощью общественного здравого смысла. Учитывая многообразие источников по данной теме, достаточно сложно интегрировать их в одной единственной теории общества, но все еще возможно подвергнуть их критическому анализу в рамках современной социальной теории *sui generis*.

Библиографические ссылки

1. Delanty G, editor. *Handbook of contemporary European social theory*. London: Routledge; 2006. 419 p.
2. Winch P. *The idea of a social science and its relation to philosophy*. London: Routledge; 2008. 136 p.
3. Harrington A, editor. *Modern social theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 378 p.
4. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2017. 415 с.
5. Delanty G. *Social science*. Maidenhead: Open University Press; 2005. 197 p.
6. Delanty G. The foundations of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 19–37.
7. Дьюи Дж. *Общество и его проблемы*. Москва: Идея-Пресс; 2002. 160 с.
8. Parsons T. *The structure of social action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: McGraw Hill; 1937. 840 p.
9. Joas H. *Social theory: twenty introductory lectures*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 618 p.

10. Turner S. The future of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 551–566.
11. Beck U, Willms J. *Conversations with Ulrich Beck*. Cambridge: Polity Press; 2004. 240 p.
12. Offe Cl. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe. *Social Research*. 2004;3(71):501–528.
13. Turner BS. Introduction: A new agenda for social theory? In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 1–16.
14. Alexander JC. *Twenty lectures: sociological theory since World War II*. New York: Columbia University Press; 1987.
15. Baert P, Turner BS, editors. *Pragmatism and European social theory*. Oxford: Bardwell Press; 2007. 187 p.
16. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
17. Reckwitz A. *Kreativität und Soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Transcript; 2016. 314 S.
18. Dubuisson-Quellier S, Plessz M. Annexe 1: La théorie des pratiques, une recherche bibliographique. *Sociologie*. 2013;4(4) [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <http://sociologie.revues.org/2039>.
19. Ritzer G. Cutting-edge developments in contemporary theory. In: Ritzer G, editor. *Sociological Theory*. New York: McGraw-Hill; 2010. p. 645–664.
20. Schatzki TR. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 260 p.
21. Knorr-Cetina K, Schatzki T, Von Savigny E, editors. *The practice turn in contemporary theory*. London: Routledge; 2001. 252 p.
22. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002;5(2):243–263.
23. Warde A. Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005;5(2):131–153.
24. Boltanski L, Chiapello E. *The new spirit of capitalism*. London: VERSO; 2007. 601 p.
25. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
26. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
27. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 424 p.
28. Bernstein RJ. *Praxis and action: contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1971. 368 p.
29. Alexander JC. *Action and its environments: toward a new synthesis*. New York: Columbia University Press; 1988. 342 p.
30. Putnam H. *Pragmatism: an open question*. Oxford: Blackwell; 1995. 120 p.
31. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
32. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung*. Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
33. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
34. Reckwitz A. Creativity hysteria [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.goethe.de/en/kul/ges/20368887.html>.
35. Joas H. *Die Kreativität des Handelns*. Berlin: Suhrkamp; 1996. 415 S.
36. Мацевич-Духан ИЯ. Теория креативного общества в формате политической манифестации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:6–19.

References

1. Delanty G, editor. *Handbook of contemporary European social theory*. London: Routledge; 2006. 419 p.
2. Winch P. *The idea of a social science and its relation to philosophy*. London: Routledge; 2008. 136 p.
3. Harrington A, editor. *Modern social theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 378 p.
4. Arendt H. *Vita Activa, ili O deyatelnosti zhizni* [Vita Activa]. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 415 p. Russian.
5. Delanty G. *Social science*. Maidenhead: Open University Press; 2005. 197 p.
6. Delanty G. The foundations of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 19–37.
7. Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The Public and Its Problems]. Moscow: Idea-Press; 2002. 160 p. Russian.
8. Parsons T. *The structure of social action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers*. New York: McGraw Hill; 1937. 840 p.
9. Joas H. *Social theory: twenty introductory lectures*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 618 p.
10. Turner S. The future of social theory. In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 551–566.
11. Beck U, Willms J. *Conversations with Ulrich Beck*. Cambridge: Polity Press; 2004. 240 p.
12. Offe Cl. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe. *Social Research*. 2004;3(71):501–528.
13. Turner BS. Introduction: A new agenda for social theory? In: Turner BS, editor. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Malden: Blackwell Publishing Ltd; 2009. p. 1–16.
14. Alexander JC. *Twenty lectures: sociological theory since World War II*. New York: Columbia University Press; 1987.
15. Baert P, Turner BS, editors. *Pragmatism and European social theory*. Oxford: Bardwell Press; 2007. 187 p.
16. Joas H. *Pragmatism and social theory*. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
17. Reckwitz A. *Kreativität und Soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Transcript; 2016. 314 S.
18. Dubuisson-Quellier S, Plessz M. Annexe 1: La théorie des pratiques, une recherche bibliographique. *Sociologie*. 2013;4(4) [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <http://sociologie.revues.org/2039>.
19. Ritzer G. Cutting-edge developments in contemporary theory. In: Ritzer G, editor. *Sociological Theory*. New York: McGraw-Hill; 2010. p. 645–664.

20. Schatzki TR. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 260 p.
21. Knorr-Cetina K, Schatzki T, Von Savigny E, editors. *The practice turn in contemporary theory*. London: Routledge; 2001. 252 p.
22. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002;5(2):243–263.
23. Warde A. Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005;5(2):131–153.
24. Boltanski L, Chiapello E. *The new spirit of capitalism*. London: VERSO; 2007. 601 p.
25. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
26. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
27. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton: Princeton University Press; 1979. 424 p.
28. Bernstein RJ. *Praxis and action: contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1971. 368 p.
29. Alexander JC. *Action and its environments: toward a new synthesis*. New York: Columbia University Press; 1988. 342 p.
30. Putnam H. *Pragmatism: an open question*. Oxford: Blackwell; 1995. 120 p.
31. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
32. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung*. Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
33. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
34. Reckwitz A. Creativity hysteria [Internet; cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.goethe.de/en/kul/ges/20368887.html>.
35. Joas H. *Die Kreativität des Handelns*. Berlin: Suhrkamp; 1996. 415 S.
36. Matsevich-Dukhan IJa. A theory of creative society in the format of political manifestation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:6–19. Russian.

Статья поступила в редакцию 02.05.2019.
Received by editorial board 02.05.2019.

УДК [001.2+001.895]:005.7

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОНАУКА: МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОТЛИЧИЯ

П. А. ВИТЯЗЬ¹⁾, В. К. ЩЕРБИН²⁾

¹⁾НАН Беларуси, пр. Независимости, 66, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается механизм функционирования современной технонауки, который сложился в процессе взаимодействия в ее рамках таких разных научных дисциплин, как информационные и коммуникационные технологии, нанотехнологии, искусственный интеллект, биотехнологии, социальные технологии и др. Анализируются основные организационные отличия современной технонауки от традиционной дисциплинарной науки. Обосновывается вывод о том, что современная технонаука является новым этапом развития мировой науки.

Ключевые слова: технонаука; информационные и коммуникационные технологии; нанотехнологии; искусственный интеллект; биотехнологии; социальные технологии.

Образец цитирования:

Витязь ПА, Щербин ВК. Современная технонаука: механизм функционирования и организационные отличия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:66–78.

For citation:

Vityaz PA, Shcherbin VK. Modern technoscience: mechanism of operation and organizational differences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:66–78. Russian.

Авторы:

Петр Александрович Витязь – академик НАН Беларуси, доктор технических наук; руководитель аппарата НАН Беларуси.

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Authors:

Petr A. Vityaz, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of technological sciences; head of staff of National Academy of Sciences of Belarus.

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

MODERN TECHNOSCIENCE: MECHANISM OF OPERATION AND ORGANIZATIONAL DIFFERENCES

P. A. VITYAZ^a, V. K. SHCHERBIN^b

^aNational Academy of Sciences of Belarus, 66 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220072, Belarus

^bCenter for Systems Analysis and Strategic Research, the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: V. K. Shcherbin (slavalex@mail.ru)

The mechanism of contemporary technoscience operation that was being shaped in the course of interaction across such diverse academic disciplines within its framework as information and communication technologies, nanotechnology, artificial intelligence, biotechnology, social technologies, etc. is considered. The core organizational differences of modern technoscience versus traditional discipline-based science are analyzed. It justifies the conclusion that contemporary technoscience is a new developmental stage of global science.

Keywords: technoscience; information and communication technologies; nanotechnology; artificial intelligence; biotechnology; social technology.

В своих более ранних работах нам уже доводилось поэтапно описывать те формы сотрудничества ученых, при помощи которых мировая наука в процессе своего развития решала все более сложные задачи. В частности, в докладе на XXVIII Киевском международном симпозиуме по науковедению и истории науки, посвященном развитию академической формы организации исследований в мировой науке, нами выделялись следующие организационные формы академической науки: 1) ученые общества; 2) поддерживаемые государством национальные научные центры; 3) «большая наука», выросшая в процессе реализации атомного и космического проектов; 4) международные объединения академий наук [1].

Дальнейшее усложнение решаемых мировой наукой задач привело к созданию еще одной формы организации сотрудничества ученых – технонауки, появление которой является результатом конвергенции целого ряда новейших научных направлений в процессе решения существующих технических и социальных проблем: «Центр внимания современных исследований сместился с рассмотрения техники самой по себе на процесс ее взаимодействия с обществом. Именно под знаком этого тренда в начале двадцать первого столетия появилась новая стадия развития науки, получившая название технонауки. **Технонаука** – это не техническая наука, а новая форма организации науки, интегрирующая в себе многие аспекты как естествознания и техники, так и гуманитарного познания» [2, с. 9].

Специалисты в области философии техники «древнейшим видом деятельности человека» [3, с. 5] считают технику, поскольку именно создание человеком первых орудий и инструментов наделило его в конечном итоге не только мышлением, но и главным отличием от всех других мыслящих животных – «совершенно уникальной способностью на базе своего мышления формиро-

вать идеи, замыслы и воплощать их в предметы» [3, с. 9–10], т. е. в технические орудия и инструменты. Более того, из книги историка Юваля Ноя Харари, профессора Иерусалимского университета, можно узнать о том, что «первые свидетельства использования орудий появляются 2,5 миллиона лет назад. Именно производство и применение орудий считаются определяющим признаком, по которому археологи опознают древних людей» [4, с. 16]. Но, как справедливо пишет далее Ю. Н. Харари, «от инструментов было бы мало проку, если бы люди не научились сотрудничеству. Откуда у нас взялись межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, если 30 тысяч лет назад имелись только палки с кремниевыми наконечниками? Чисто биологическая способность изготавливать инструменты за прошедшие тысячелетия ничуть не изменилась – Альберт Эйнштейн вряд ли превзошел бы по этой части древнего охотника-собирателя. Зато поразительно возросла способность взаимодействовать с незнакомыми людьми. Мастер-одиночка мог произвести кремниевый наконечник копья за несколько минут, если пользовался помощью и советами двух-трех товарищей. Для изготовления ядерной боеголовки требуется сотрудничество миллионов людей во всем мире, начиная с тех, кто добывает из земных недр уран, и заканчивая физиками-теоретиками, которые своими длинными формулами описывают процессы, происходящие внутри атома» [4, с. 49–50]. В частности, именно реализация советского атомного проекта и аналогичного американского проекта «Манхэттен», в выполнении которых принимали участие сотни тысяч или даже (если верить Ю. Н. Харари) миллионы ученых, инженеров и производственников из указанных стран, способствовала появлению третьей формы академической организации исследований – «большой науки».

Можно отметить и тот факт, что становление технонауки как новейшей формы организации

мировой науки тоже проходило с участием отечественных ученых. Впервые нанотехнологическая проблематика, составляющая ядро современной технауки, обсуждалась на заседании совета Международной ассоциации академий наук (МАН) в Киеве в октябре 2007 г. после выступления на нем вице-президента Российской академии наук члена-корреспондента РАН Михаила Ковальчука с докладом на тему «Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики. Новые возможности СНГ в XXI веке».

В частности, М. В. Ковальчук особо подчеркнул следующие особенности нанотехнологий и связанной с ними научной политики: «Нанотехнологии – это не отдельные технологии или новые технологические направления, а модернизация всех существующих технологий на принципиально новом атомарном уровне. Нанотехнологии – это единый материальный надотраслевой фундамент развития всех без исключения отраслей новой наукоемкой экономики постиндустриального общества. <...> С одной стороны, нанотехнологии – это новая технологическая культура, основанная на конструировании макроматериалов путем направленного манипулирования атомами и молекулами. <...> Вторая особенность нанотехнологической революции связана с социальной направленностью нанопроекта – в этом существенное отличие от атомного или космического проектов, которые были изначально ориентированы на военно-стратегические цели. Нанопроект по своей сути социален, поскольку создаваемые материалы с новыми свойствами будут востребованы в медицине, строительстве, легкой промышленности и т. д. <...> Серьезным фактором, препятствующим развитию такого единого подхода, является действующая сегодня система финансирования и организации науки. Она построена по узкоспециальному принципу и затрудняет организацию междисциплинарных исследований. Чтобы перейти к новой экономике, необходимо в корне изменить нынешнюю организацию науки. Причем это касается не только России. За страной, которая поймет это и сможет перестроить систему научных исследований – будущее. <...> Сегодня руководством (Российской академии наук. – П. В., В. Ш.) сделаны серьезные шаги в этом направлении. Во-первых, распоряжением Президиума создана комиссия по нанотехнологиям, которую возглавляет академик Ж. И. Алферов. Ей поручено разработать масштабную программу работы РАН в этом направлении. Во-вторых, решением Общего собрания РАН в структуре Академии создано специальное отделение нанотехнологий и информационных технологий, которое должно быть координационным центром развития исследований и разработок в сфере нанотехнологий внутри Академии наук. <...> В России уже началось формирование ННС (национальной нанотехноло-

гической сети. – П. В., В. Ш.), включающей в себя головные организации по научно-технологическим направлениям и по регионам. Этот тип сотрудничества может быть расширен путем включения в состав организаций-участников ННС крупных исследовательских и образовательных центров государств СНГ. <...> Формирование единого нанотехнологического пространства могло бы стать одним из путей нашего успешного сотрудничества. <...> В формировании единого регионального нанотехнологического рынка стран Содружества есть очень важные положительные моменты. Во-первых, его появление создаст новые рабочие места на этом наукоемком поле, во-вторых, приведет к выпуску новой продукции. Кроме того, формирование единого нанотехнологического пространства стран СНГ может создать один из крупнейших рынков нанопродукции, сравнимый с американским и объединенным европейским. Все это существенно повлияет на качество и уровень жизни наших государств» [5, с. 22–23, 26, 28, 33–34, 39–41, 43, 45].

В своих выступлениях по докладу М. В. Ковальчука участники заседания совета МАН (академики НАН Украины Б. Е. Патон, С. В. Комисаренко, В. В. Гончарук, В. П. Семиноженко, В. М. Локтев, В. Ф. Чехун, академик НАН Беларуси В. А. Орлович, академик НАН Республики Казахстан М. Ж. Журинов, академик НАН Азербайджана М. К. Керимов и др.) поддержали высказанные в докладе нанотехнологические инициативы и выразили готовность к участию в процессе их реализации.

Спустя пять лет, на заседании совета МАН, которое состоялось 7 июня 2012 г. в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» (Москва), обсуждение нанотехнологической (и шире – технаучной) проблематики продолжилось. И вновь начало этому обсуждению положил доклад директора НИЦ «Курчатовский институт» члена-корреспондента РАН М. В. Ковальчука на тему «Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее» [6]. В целях реализации прозвучавших в ходе указанного заседания совета МАН нанотехнологических инициатив в настоящее время на базе НАН Беларуси как головной организации формируется научный совет МАН по нанотехнологиям и наноиндустрии.

Самое интересное, что очень близкие по составу к представленным в докладах М. В. Ковальчука перечни новейших научных направлений, которые взаимодействуют между собой в рамках технауки, приводятся и в публикациях современных зарубежных исследователей: «Термин “технаука” наиболее часто используется для обозначения таких современных дисциплин, как информационные и коммуникационные технологии, нанотехнологии, искусственный интеллект или также биотехнологии» [7, р. 1311]; «Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различ-

ных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций» [8, с. 19–20].

Каким же образом стало возможным объединение в рамках технонауки столь разных научных направлений? Отсутствие в настоящее время ответа на данный вопрос вызывает у мировой научной общности обоснованную тревогу, суть которой очень удачно, на наш взгляд, изложил Ю. Н. Харари: «Существуют специалисты в отдельно взятых сферах – искусственного интеллекта, нанотехнологий, больших данных, генетики, – но нет специалистов во всем. Никто не способен соединить абсолютно все детали этого пазла и увидеть целостную картину. Разные направления науки находятся в столь сложном взаимодействии, что даже самым светлым умам не дано предугадать, как прорывы в сфере искусственного интеллекта могут повлиять на нанотехнологии и наоборот. Никто не может быть в курсе всех последних научных открытий, никто не в состоянии предсказать, какой будет через десять лет глобальная экономика, и ни у кого нет ключа к пониманию того, куда же мы несемся как угорелые. Поскольку никто не разбирается в механизме, никто и не может его остановить» [9, с. 64–65]. Изучению указанного механизма совместного функционирования разных направлений в рамках такой новой формы организации научных исследований, как технонаука, и посвящено наше исследование.

Исходными импульсами к формированию современной технонауки послужили два фактора.

Первый фактор – зарождение в США в 1960–70-х гг. общественного движения «Оценка техники», участники которого объединились вокруг идеи о том, что «оценка существующих и вновь вводимых технических систем и процессов уже не может быть чисто технической, ибо такая оценка была бы недопустимо односторонней. Оценка техники должна иметь системный и социальный характер. Системный – потому, что всесторонность и адекватность анализа могут быть обеспечены лишь при условии, что оценка будет осуществляться в целостном контексте, включающем не только техническую, но и экономическую, социальную, политическую и прочие компоненты со всеми сложными взаимосвязями между ними. Социальный – потому, что в этом контексте определяющую роль играет именно социальная, а не техническая компонента; весь этот контекст должен рассматриваться прежде всего под углом зрения социальных проблем» [10, с. 252]. Пытаясь перехватить инициативу, «в 1969 г. конгресс США принял закон о национальной экологической политике, в соответствии с которым государствен-

ные и частные предприятия были обязаны представлять доклады о характере воздействия вводимых ими технических новшеств на окружающую среду. В 1972 г. было создано Управление по оценке техники при конгрессе США, первым директором которого стал конгрессмен Э. Даддарио, инициатор движения «Оценка техники» в США. Первоначально это движение ориентировалось на выяснение и предотвращение возможных негативных с экологической точки зрения последствий внедрения технических новшеств, однако постепенно круг проблем, рассматриваемых этим органом, расширился, включая не только экологическую, но и социальную, этическую, политическую проблематику» [10, с. 252–253].

По мнению немецкого исследователя Готтхарда Бехманна, данный фактор (социальная оценка техники) получил в настоящее время статус научно-технически-политического консультирования: «С развитием современных технологий возникают новые виды рисков и опасностей, которые ставят перед государством задачи не столько компенсаторные, связанные с устранением уже нанесенного ущерба, сколько *превентивные*. Становится необходимым долгосрочное планирование, которое должно относиться к предвосхищению новых технических возможностей, к расчету и устранению рисков. Чтобы правильно решить эти задачи, государство должно мобилизовать достаточный научно-технический потенциал. Иными словами, возникает тесная связь науки и политики, выражаемой, в частности, в форме *социальной оценки техники* как вида научно-технически-политического консультирования» [11, с. 138].

Второй фактор – развитие в рамках западной философии такого направления, как философия техники: «Рождение философии техники на Западе обычно связывают с появлением книги Иоганна Бекмана «Руководство по технологии, или Познание ремесел, фабрик и мануфактур» (1777). Однако значительно чаще ее отсчет ведется от труда Эрнста Каппа «Основные черты философии техники» (1877), переизданного в ФРГ спустя столетие. Этот факт как раз и знаменует углубление интереса к философским проблемам техники, к осмыслению традиций и восстановлению преемственности идей в этой сфере исследований.

В числе предшественников современного философского анализа техники на Западе можно назвать Э. Каппа, Ф. Дессауэра, М. Хайдеггера и К. Шиллинга. Основная идея первого из названных философов заключается в стремлении понять феномен техники на базе «органопроекции», то есть путем выведения ее из развития самой природы. Техника представляет собой некую искусственную среду, но она идет от природы, а вовсе не является творением иного субстрата. Машина не что иное, как проекция органов человека на природный матери-

ал. В ходе эволюции живой природы, по мнению Каппа, возникает новый феномен, истоки которого в “природной душе”, то есть в целостности живого организма, управляющего материальным телом» [12, с. 6].

Из статьи белорусского философа Марины Можейко можно также узнать, что «современная проблематика философии техники оформляется в начале 1970-х в процессе становления синтетической программы исследования техники как многоаспектного феномена, требующего междисциплинарного подхода, включающего усилия далеко не только методологической, но также цивилизационной, исторической и культурологической парадигм, что предполагает анализ феномена техники в рамках социально-политической, антропологической, нравственно-эстетической и аксиологической исследовательских матриц. <...> Таким образом, синтетическая программа современной философии техники предполагает контекстное исследование своего предмета: формируются такие проблемные поля философии техники, как развитие техники в системе общества, ее функции, роль и статус в истории цивилизации, социокультурные и гуманитарные аспекты развития техники и т. п.» [13, с. 876].

Однако влияния указанных исходных импульсов (факторов) было бы, на наш взгляд, недостаточно для оформления современной технонауки в качестве новой стадии развития науки. Для этого технонаука должна была получить свои организационные особенности. И таковые со временем у нее появились.

Первым организационным отличием технонауки от традиционной дисциплинарной науки стал ее проблемно ориентированный характер. Из истории науки известно, что методологическая и организационная необходимость группировки научных знаний не по наукам и областям профессиональной деятельности, а по проблемам (что значительно ускоряет процесс решения последних) была осознана академиком Владимиром Вернадским еще в начале XX в.: «В наше время рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам» [14, с. 89]. Однако не так просто отказаться от удобств и преимуществ узкой научной специализации, сложившейся в рамках традиционной дисциплинарной науки. Еще и в конце XX в. французский философ и социолог, основатель Центра трансдисциплинарных исследований в Париже, Эдгар Морен вынужден был писать о том, что «наши разьединенные, раздробленные, распределенные по различным

научным областям знания глубоко, даже чудовищно неадекватны и не отвечают требованиям постижения сегодняшних реальностей и проблем, которые становятся все более глобальными, транснациональными, полидисциплинарными, многомерными и планетарными» [15, с. 8].

Более того, на примере экономической науки Э. Морен наглядно показал, к чему приводит слишком большая приверженность ее представителей чрезмерно узким канонам экономической парадигмы: «Так, например, экономика, которая математизирована в наибольшей степени по сравнению со всеми социальными науками, в социальном и гуманитарном отношении оказывается наиболее отсталой наукой, поскольку она абстрагируется от социальных, исторических, политических, психологических, экологических условий, неотделимых от экономической активности. Именно поэтому эксперты все чаще и чаще оказываются неспособными понять причины и следствия финансовых и биржевых потрясений, предвидеть и предсказывать экономические тенденции, даже на достаточно короткий срок. В результате – ошибка в экономической практике становится прямым следствием отсталости экономической науки» [15, с. 12–13].

Даже в наиболее развитых в научном и инновационном отношениях странах Запада монодисциплинарные экономические подходы (неолиберальные, монетарные и др.) к решению глобальных проблем (технологических, социальных, экологических и пр.) привели к кризису инновационного развития экономики, вопиющему социальному неравенству и резкому ухудшению экологической ситуации в мире. В частности, весьма удачно в своей монографии показал это на примере США украинский экономист Борис Малицкий: «...именно чрезмерное увлечение предпринимательскими силами США преимущественно монетарными способами зарабатывания денег, широкомасштабная “соросоизация”, “карнавализация” и военизация американской экономической жизни нивелировали те преимущества, которые дает применение технологических и других социально ориентированных инноваций. Тем самым в США возник своеобразный кризис инновационного развития экономики, обусловленный тем, что неолиберальная система наиболее благоприятна для монетарных способов организации экономической жизни и обеспечения их преимущественного вклада (в значительной мере фиктивного) в экономическое развитие. Поэтому, несмотря на наличие в стране достаточно дееспособного инновационного потенциала, инновационный потенциал оказался в этом деле на второстепенных ролях» [16, с. 35].

О методологическом кризисе в отечественных социально-гуманитарных науках, обусловленном их односторонней ориентацией на экономические и прочие концепции западных идеологов, пишет

и белорусский философ Владимир Берков: «В начале 1990-х гг. происходит резкий поворот в экономической науке. Под предлогом приобщения к мировой экономической мысли она уходит от постановки и обсуждения многих актуальных вопросов общего характера. Парадигмальную окраску приобретают неоклассические и неоинституциональные подходы, несоразмерные, как правило, с нашей действительностью. Научная литература заполняется наспех сколоченными компиляциями концепций западных идеологов. Руководящей нитью научных занятий становится методологический плюрализм, допускающий множественность “правд” с претензией каждой из них на роль абсолютной истины. Создается реальная почва для развития антинауки, лженауки и всего, что с ними связано. Практико-ориентированная направленность преподавания экономической теории сводится к конкретным рецептам, нацеленным прежде всего на сиюминутный и очевидный успех. Явно снижается культура мышления, отчетливо проявляется неспособность молодых специалистов ориентироваться в социально-экономической среде. <...> И тут неизбежно и крайне остро встает кардинальный вопрос о критериях истинности социогуманитарного познания, прежде всего в его первоначально-бытийной форме: существуют ли они, эти критерии?»

Полагаем, что все же существуют. Их непосредственную основу составляют ценности, выражающие интересы всего человечества. Надо иметь в виду исторически преходящий характер этих ценностей. На стадии становления капиталистической общественной формации они концентрировались вокруг лозунга “свободы, равенства и братства”, сегодня сосредоточиваются в глобалистике – совокупности теоретических взглядов и представлений о наиболее важных и острых проблемах существования человечества на нынешней стадии развития (предотвращение мировой ракетно-ядерной войны, устранение угроз, связанных с загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, продовольственными проблемами и т. д.)» [17, с. 89, 91].

Указанным выше критериям истинности научного познания (его направленности на решение глобальных проблем человечества) больше всего соответствуют проблемно ориентированные исследования, которые «выделяются не относительно объекта исследования, а с точки зрения различных классов сложных научно-технических задач (например, системотехника, эргономика, информатика и т. д.), что позволяет по-новому осознать место и роль оценки техники в современном научном ландшафте. Задача такого проблемно ориентированного исследования техники, – как отмечает руководитель Бюро по оценке техники при бундестаге Армин Грунвальд, – формулируется в первую

очередь не с внутринаучной точки зрения, а основывается на социальных ожиданиях, выполняется как определенный социальный заказ, причем неважно, выступает ли он от определенных правительственных структур или просто ориентирован на потребности общества. <...> Понятие “проблема”, или “проблемная область”, включает в себе при этом уже некоторую наперед заданную эвристическую схему, поскольку постановка проблемы предполагается как исходный пункт такого рода исследования» [18, с. 85].

Такие проблемно ориентированные исследования с легкой руки российского философа и науковед Анатолия Ракитова порой называют синтагматической наукой [19]. В отличие от дисциплинарной «нормальной науки», которую описывал Томас Кун и в основе которой лежит понятие парадигмы, позволяющей придавать результатам наблюдений и экспериментам научный статус, в основе синтагматической науки лежит понятие синтагмы. А. И. Ракитов определяет его следующим образом: «Синтагма (от греч. “построенное вместе”) представляет собой систему научных знаний, ориентированных на решение прагматических задач. Синтагматически построенная система знаний должна удовлетворять условиям конструктивности, технологичности, конкурентоспособности и экономической целесообразности. Она должна соответствовать требованиям рынка научных услуг». В полном соответствии с перечисленными выше свойствами такой синтагматической науки «подавляющее большинство современных исследований, синтезирующих отдельные “куски” знаний из совершенно различных монодисциплинарных отраслей, ориентированы на решение прагматических задач. И их главная ценность заключается в получении полезных результатов. Именно за полезность, экономическую и социальную эффективность платят деньги налогоплательщики, бизнес и государство» [19, с. 100].

Проблемным характером синтагматической науки обусловлены сложности с оценкой истинности ее результатов, а также отсутствие у нее устойчивых научных функций: «Синтагматическая система крайне разнородных знаний, продуцирующая, например, создание лекарственного препарата, не может быть оценена в качестве истинной с помощью концепции, принятой в какой-то одной из парадигматических дисциплин, конвертированных в систему синтагматических знаний. <...> При этом следует четко понимать, что синтагматическая система возникает по мере постановки той или иной задачи, не решаемой средствами одной дисциплины, и исчезает или лишается своей актуальности после решения породившей ее задачи. <...> Новое синтагматическое знание может в качестве более или менее значимого компонента использоваться

и при решении других задач. Но какой-либо устойчивой парадигмальной функции оно не выполняет» [19, с. 104–107].

Таким образом, в рамках синтагматической науки (или технонауки) особую актуальность приобретает процесс выявления ключевых междисциплинарных и народно-хозяйственных проблем, в ходе решения которых в дальнейшем и строятся синтагматически ориентированные системы знаний. Вот почему своевременное выявление, описание и использование в рамках технонауки таких ключевых, глобальных проблем должны максимально способствовать становлению полидисциплинарных синтагматических систем знаний, превращению их в реальную производительную силу нашего общества.

К числу таких полидисциплинарных синтагматических систем, в частности, можно отнести «нанотехнологию, которая считается сегодня образцовым примером новой, так называемой технонауки. Действительно, что такое нанотехнология? Уже в самом ее названии заложено противоречие. Это – технология. А где же наука? Но нанотехнология объединяет ведущих ученых самых различных областей от физики и химии до биологии и медицины. Поэтому методы ее исследования и связанное с ними экспериментальное оборудование приходят отовсюду, а объект исследования определен лишь приблизительно как область явлений, расположенных между микромиром и макромиром. Нанотехнология по сути – проблемно, а не предметно ориентированное исследование. Более того, этот объект исследования часто лежит за пределами измерительной способности существующего экспериментального оборудования и о его сущности, как о “вещи в себе”, можно лишь догадываться и строить эфемерные гипотезы. Однако это не препятствует правительству, например Германии, сделать нанотехнологию приоритетным национальным научным направлением» [20, с. 69].

Вторым организационным отличием технонауки стала ее инновационно-технологическая направленность. Иными словами, в последние десятилетия «обнаружилась устойчивая тенденция, свидетельствующая, что у науки появилась функция производства новых технологий. Таким образом, наука, как социальный институт, наряду с функцией генерирования нового знания обрела еще функцию генерирования новых технологий, позволяющих решать новые задачи и производить инновационный продукт» [21, с. 77]. Чем было вызвано это расширение спектра функций современной науки? По мнению российских экономистов Владимира Пименова и Андрея Быстрова, оно обусловлено тем, что «в рамках цифровой экономики мир переходит к иной – техногенной – цивилизации, в развитии которой решающую роль играют

постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, но и технологий социальных коммуникаций и социального управления» [22, с. 26].

Третьим организационным отличием технонауки является ее трансдисциплинарный характер. По справедливому замечанию Г. Бехманна, «наука... берет на себя сегодня то, что делала ранее политика, а современная политика, например в области проблематики климата, вообще не может без науки даже сформулировать свои проблемы. Поэтому научное исследование теперь вынуждено озабочиться нуждами современного общества и тем самым включиться в политическую деятельность в качестве равноправного политического актера.

Таким образом, наука становится сегодня средством и одновременно важным компонентом современной политики, решающим для достижения устойчивого развития общества. Именно в этом смысле говорят о так называемой трансдисциплинарной науке, выходящей не только за рамки отдельных дисциплин, но и дисциплинарной науки вообще в широкую общественную сферу. Наука выступает здесь как обдуманная политика. Кроме того, современная наука должна ориентироваться на будущее, но не в плане построения жестких прогнозов, а в смысле разработки сценариев развития, один из которых может реализоваться, и проведения оценки их возможных последствий. <...> Наука, таким образом, все больше и больше берет на себя то, что раньше делала одна политика – заботу о будущем. С точки зрения концепции устойчивого развития без науки невозможна даже сама постановка политических проблем. Причем наука именно потому становится политически релевантным деятелем в обществе, поскольку она поставляет политике и обществу в целом не только теоретические знания, модели и теории, а сама помогает отыскивать новые политические предметы» [11, с. 140–141].

Четвертым организационным отличием современной технонауки от существовавших ранее форм организации научных исследований становится ее универсализм и подчеркнутая ориентация на решение практических задач, отсутствие в ней границы между фундаментальными и прикладными исследованиями. По мнению российского философа Ильи Касавина, «отнюдь не связь с техникой и артефактами является отличительным атрибутом современной науки: это наблюдается и в предшествующие эпохи. <...> Особенность науки в XX в. выражается в изменении статуса научной лаборатории как своеобразной социальной машины пространства-времени, в которой проектируются и моделируются границы и переходы. Среди них возведение “онтологических мостов” между искусственным и естественным, живым и неживым,

человеческим и природным, прошлым и будущим, близким и далеким. Это и строительство “эпистемологических переprav” между знанием и заблуждением, теорией и фактами, открытием и обоснованием, доказательством и убеждением, явным и скрытым. В лаборатории прокладываются “технические тоннели” между возможным и действительным, доступным и недоступным, объектом и проектом, изобретением и применением, наукой и обществом. <...> В современной лаборатории происходит грандиозный синтез всех знаний, методов, инструментов и способов коммуникации, которые прежде существовали обособленно. Это и в самом деле место, где “воздвигаются новые миры”, в полном согласии с названием известной статьи Бруно Латура. <...> Здесь граница между прикладными и фундаментальными исследованиями становится прозрачной» [23, с. 16–17].

Пятым организационным отличием современной технoнауки является ее проектный характер. Вот как об этом отличии пишет Г. Бехманн: «Важнейшей организационной формой науки, которая пронизывает сегодня все исследовательские области и научные дисциплины, является “проектная” форма. Проектное исследование является включением научной деятельности в заранее определенные временные рамки (проект имеет начало и конец) и делает ее в плане организации зависимой от других общественных сфер. Проекты являются во временном отношении лимитированными, финансово ограниченными, а в конце должны быть произведены вполне определенные результаты, которые могут оказать влияние на приложения. При этом методологический характер науки на социальном уровне преобразуется в некую организационную проблему. Вследствие этого исследование становится эпизодическим и принципиально не завершенным. Его высказывания являются достоверными лишь в плане соответствующего состояния организации данных и развития теории и поэтому находятся всегда под знаком их будущей ревизии» [24, с. 19–20].

В свою очередь, Виталий Горохов уточняет особенности «проектной» формы организации современных научных исследований следующим образом: «...под проектированием понимается не конкретный вид инженерного проектирования, а некоторая проектная функция, обязательно присущая современным научно-техническим дисциплинам наряду с исследовательской, аналитической функцией. Именно в этом смысле исследование и проектирование рассматриваются нами в качестве методологической основы оценки техники. <...> Речь здесь идет, однако, о проектировании (а фактически, в большей степени об организации и реорганизации) “социотехнических систем”, где акценты явно смещаются на исследование и организацию систем человеческой деятельности,

в которых машинные, технические компоненты играют второстепенную роль и на первый план выходит системный менеджмент и проектирование организационных структур» [18, с. 88]. В последнем случае говорят о социотехническом проектировании (СТП), которое, «в отличие от классического, направлено не на формально-логические и технические компоненты, а на реализацию человеческой деятельности в социуме, ее социальные и организационно-институциональные компоненты. В этом смысле техника как результат проектирования является модификацией природных процессов, а социальные “артефакты” выступают модификацией деятельности как социального феномена в форме средств и способов коммуникаций, а также социальных институтов в виде инфраструктур и даже симулякров. <...> По своему назначению СТП относится к постнеклассической науке, поскольку имеет дело с человекоразмерными системами, к разряду которых и относится создание инновационных систем, включая инновационные инфраструктуры» [25, с. 269].

Однако при любом понимании проектного подхода отбор научных проектов, по мнению американского экономиста Роберта Зейлера, «является решающим моментом в процессе планирования и контроля исследовательских работ. Поэтому механизм отбора должен быть хорошо продуман, чтобы исключить возможность ошибок и недоразумений. В ходе отбора могут применяться как качественные оценки, так и количественные методы. <...> Ключевым фактором отбора проектов является вероятность научного успеха... <...> Сроки выполнения работ и их соответствие общему плану исследований компании также являются ключевыми факторами, которые должны быть тщательно рассмотрены до утверждения проекта. Финансовые факторы играют, очевидно, первостепенную роль в процессе отбора проектов. Поскольку успех любого дела обычно измеряется его прибыльностью, эти факторы находятся, как правило, под пристальным наблюдением...» [26, с. 166–167]. Свидетельством того, что, к примеру, в Украине финансовые факторы играют первостепенную роль в отборе научных проектов, является то, что по учебной дисциплине «Проектное финансирование» здесь регулярно издаются и переиздаются фундаментальные учебники [27].

Шестым организационным отличием современной технoнауки порой называют ее максимально широко понимаемую комплексность. Тяготение к ней современной технoнауки «...Е. Н. Князева охарактеризовала как возникновение полей полидисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные влияния, наводятся мосты взаимодействия. Вслед за Э. Мореном она выде-

ляет в истории науки моменты интер- (или меж-) дисциплинарности, полидисциплинарности и трансдисциплинарности, объясняя их через коэволюцию различных сложных структур в мире, т. е. через устойчивое соединение и совместную жизнь структур разного возраста, находящихся на разных уровнях развития и эволюционирующих в разном темпе. Интеграция происходит благодаря установлению общего темпа эволюции во всех объединяемых частях. Речь, таким образом, идет о коэволюционной модели интеграции в сложности. <...> Итогом коэволюционной интеграции становится формирование трансдисциплинарных комплексов знания и совместных проектов исследования. Раньше всего в истории науки такие комплексы сложились в виде так называемых “стыковых” дисциплин на границах фундаментальных естественных наук, например на границах биологии с физикой и химией – биофизики, биохимии, молекулярной биологии. В настоящее время происходит гораздо более трудная для понимания стыковка между тремя основными группами наук – естественными, социальными и гуманитарными. Наконец, процесс интеграции охватывает сферу не только теоретического, но и практического разума, поставив на повестку дня вопрос о взаимодействии между так называемыми двумя культурами, т. е. между наукой, технологией и гуманитарной культурой. Примером подобного взаимодействия могут служить биомедицинские и когнитивные исследования. К исследованиям такого типа все чаще стали применять в качестве характеристики метафору “гибридность”. Она означает слияние разнородных элементов в одно целое, но с сохранением их индивидуальной идентичности» [28, с. 467–468].

Еще более широкое понимание комплексности современного мира, в основе которого лежит договор между наукой и гуманизмом, демонстрирует, используя терминологию китайской философии, Ю. Н. Харари: «Согласно китайской философии, мир поддерживается взаимодействием противоположных, но дополняющих одна другую сил – “инь” и “ян”. Может, в отношении физического мира это и неверно, но в отношении современного мира, созданного договором между наукой и гуманизмом, это так. Любая научная “ян” содержит в себе гуманистическую “инь”, и наоборот. “Ян” дает нам силу, в то время как “инь” снабжает смыслом и этическими суждениями. Современные “ян” и “инь” – это ум и эмоции, лаборатория и музей, производственная линия и супермаркет. Люди часто замечают лишь “ян”, и современный мир кажется им сухим, механическим, рациональным и прагматичным – как лаборатория или завод. Однако современный мир – это еще и экстравагантный супермаркет. Ни одна из прежних культур не придавала такого значения чувствам, желаниям и переживаниям. Гу-

манистический взгляд на мир как на череду переживаний стал основополагающим мифом для бесчисленных современных индустрий – от туризма до искусства. Турфирмы и рестораны продают нам не билеты на самолеты, не номера в гостиницах, не экстравагантные блюда – они продают нам новые переживания» [9, с. 281].

В качестве **седьмого организационного отличия современной технонауки** от прежних форм организации научных исследований можно рассматривать присущий ей конструктивизм. По мнению Владимира Воловика и Петра Щедровицкого, важнейшим механизмом всех промышленных или индустриальных революций «является возникновение и распространение определенного типа мышления – речь идет о “конструктивном мышлении”, основанном на схемах. <...> ...Для создания хорошей крепости архитектор должен понять чуждые архитектуре задачи военного заказчика и должен суметь объяснить чуждые военному особенности архитектурного решения. Именно этот барьер объективной специализации и сложившейся системы разделения труда создает сложность коммуникативной ситуации, а также многочисленные разрывы в процессах производства, накопления, распространения и освоения новых знаний... Конструктивное мышление и его инструменты открывают возможность для ее решения. Впервые появившийся чертеж полагает общий предмет обсуждения и предлагает своего рода риторику нового типа, которая позволяет на схеме имитировать будущее использование сооружения, включение его в ту или иную практику. Идеальное конструктивное представление объекта, который должен быть создан, позволяет также синхронизировать многочисленные и разнообразные работы по его созданию, тем самым экономя время и снижая затраты на строительство» [29, с. 40–41].

Наконец, **восьмой организационной особенностью технонауки** является постоянно углубляющаяся в ее рамках взаимозависимость между современными технологическими и социальными процессами. С одной стороны, представителями технологической науки Клаусом Швабом и Николаем Дэвисом обоснованно декларируется, что «технологии – это гораздо больше, чем просто набор машин, инструментов и систем, связанных с производством и потреблением. Технологии оказывают огромное влияние на формирование социальных точек зрения и наших ценностей. Они требуют нашего внимания именно потому, что с их помощью мы создаем экономику, общество и собственные взгляды на мир. Они формируют наше видение мира, отношение к окружающим и перспективы на будущее» [30, с. 271].

С другой стороны, трудно что-либо возразить социальным философам, когда они пишут о том,

что «ни пар, ни электричество, ни цифровые технологии не ликвидировали ни коррупции, ни экономического и политического неравенства, хотя такие надежды с ними связывались. Этим надеждам суждено было остаться в виде сочинений в жанре технологической утопии – от Анри де Сен-Симона до Олвина Тоффлера. Пожалуй, так же, как и от первых трех промышленных революций, от четвертой вряд ли следует ожидать создания технологий, способных сыграть решающую роль в снятии социальных конфликтов. Социальные процессы не редуцируются к технологическим, хотя взаимное влияние отрицать не приходится» [31, с. 139].

Из указанной антиномии дисциплинарных подходов есть только один выход, о котором академик Леонид Ильичев в 1977 году писал: «Успешное решение кардинальных проблем, стоят ли они перед общественными или естественными науками, во многом зависит от тесного взаимодействия, творческого союза представителей тех и других наук. Тот, кто трудится над исследованием природы, не может не отдавать себе отчет в том, что овладение ее силами зависит не только от непосредственных успехов естествознания, но и от социальной структуры общества, в условиях которого развивается наука. Мера воздействия человека на природу определяется не только степенью развития науки и техники, не только уровнем развития производительных сил, но и характером общественных отношений, степенью овладения закономерностями социальной жизни. Конечно, естествознание увеличивает власть человека над природой. Но само по себе оно еще не обеспечивает своими успехами благосостояния всех людей, хотя, конечно, современные достижения науки и техники при правильном их использовании, т. е. при соответствующей социальной структуре могли бы уже теперь обеспечить довольно высокий материальный и культурный уровень жизни всего населения планеты» [32, с. 57].

Хочется надеяться, что именно в рамках современной технауки тесное взаимодействие представителей естественных, технических и общественных наук будет наконец-то достигнуто. О том, что это возможно, свидетельствует высокий уровень взаимопонимания, существующий сегодня между представителями технологической науки, с одной стороны («Делиться взглядами на то, как технологии влияют на жизни людей и сообществ, важно, потому что технологии – продукт отдельных групп, действующих в своих интересах, и, возможно, не знакомых с мнениями других социальных групп или не осознающих более широкие последствия. Обратная связь очень важна, она дает обществу возможность коллективно определять наиболее желательные способы применения технологий Четвертой промышленной революции и сообщать

бизнесу и регуляторам, какие проблемы вызывают больше всего беспокойства» [30, с. 271]), и представителями общественных наук – с другой стороны («В результате системного взаимодействия и взаимосвязи технологий на основе достижений науки возникает эффект мультипликации. Имеется в виду, что та или другая инновация (в частности, технология), внедренная в определенной части производственной системы, стимулирует нововведения и в других ее частях, вследствие чего экономическая эффективность инновации постоянно нарастает и приумножается. Общий эффект от инновационного насыщения комплексных технологических систем имеет явно выраженный синергетический характер, который значительно превышает просто суммарный эффект инновационного развития отдельных частей системы. Мультипликативный эффект от трансфера технологий является интегральным, поскольку экономический эффект в производстве сопровождается положительными сдвигами в развитии образования и культуры, всей социальной сферы. Именно благодаря наличию таких эффектов в условиях рыночной экономики научно-технический прогресс становится главным фактором, способствующим наиболее рациональному использованию человеческих, материальных и финансовых ресурсов, наиболее эффективному применению экономических, политических и социальных рычагов управления» [33, с. 30–31]).

Проведенный выше анализ механизма функционирования и организационных особенностей современной технауки позволяет нам сделать ряд выводов:

1. Механизм объединения разных направлений в рамках современной технауки является итогом конвергенции ряда новейших форм, принципов и особенностей организации научных исследований. В их числе выделяются: проблемно ориентированный характер технауки, ее инновационно-технологическая направленность, трансдисциплинарность, универсализм и подчеркнутая ориентация на решение практических задач, проектность, комплексность, конструктивизм, взаимозависимость между инженерными и социальными технологиями.

2. Формирование современной технауки стало возможным благодаря объединению в ее составе таких организационно отличающихся разновидностей науки, как проблемно ориентированная, синтагматическая, инновационно-технологическая, трансдисциплинарная, универсальная, практически ориентированная, проектная, комплексная, конструктивная и социально обусловленная наука.

3. Растущая роль технауки в современном мире предполагает проведение дальнейших исследований ее механизма и организационных особенностей.

Библиографические ссылки

1. Витязь ПА, Щербин ВК. Развитие академической формы организации исследований в мировой науке. В: Палтон Б, Малицкий Б, редакторы. *XXVIII Киевский международный симпозиум по науковедению и истории науки «100-летие Национальной академии наук Украины: прошлое и современность» (Добровские чтения); 12–13 марта 2018 г.; Киев, Украина*. Киев: Феникс; 2018. с. 13–25.
2. Лекторский ВА, Пружинин БИ, Алексеева ИЮ, Аршинов ВИ, Горохов ВГ, Дубровский ДИ и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола»). *Вопросы философии*. 2012;12:9–12.
3. Арзаканян ЦГ, Горохов ВГ. Предисловие. В: Игнатовская Н, Леонтьев В, редакторы. *Философия техники в ФРГ*. Москва: Прогресс; 1989. с. 3–23.
4. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Сумм Л, переводчик. Москва: Синдбад; 2018. 512 с.
5. Стенограмма заседания Совета Международной ассоциации академий наук. *Бюллетень Международной ассоциации академий наук*. 2008;46:13–115.
6. Ковальчук МВ. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее. *Бюллетень Международной ассоциации академий наук*. 2013;58:67–95.
7. Gabbay D, Thagard P, Woods J, editors. *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*. Amsterdam: Elsevier, 2009. 1407 p. (Handbook of the Philosophy of Sciences. Volume 9).
8. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Мухамедова А, Ивахненко Л, редакторы. Москва: Эксмо Пресс; 2016. 288 с.
9. Харари ЮН. *Ното Deus. Краткая история будущего*. Андреев А, переводчик. Москва: Синдбад; 2019. 496 с.
10. Порус ВН. «Оценка техники» в интерпретации западных философов и методологов В: Ирибаджаков Н, составитель. *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1987*. Москва: Наука; 1987. с. 249–275.
11. Бехманн Г. *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*. Антоновский АЮ, Горохова ГВ, Ефременко ДВ, Коганчук ВВ, Месяц СВ, переводчики. Москва: Логос; 2010. 248 с.
12. Гуревич ПС. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса (Вступительная статья). В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1986. с. 3–30.
13. Можейко МА. Философия техники. В: Мерцалова АИ, редактор. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 876–879. Совместное издание с «Книжный Дом».
14. Вернадский ВИ. Научная мысль как планетное явление. Размышления натуралиста. Москва: Наука; 1977. 192 с.
15. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века. В: Удумян НК, редактор. *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Москва: Наука; 2004. с. 7–26.
16. Малицкий БА. *Неолиберализм и кризис инновационного развития экономики. Формула кризиса*. Киев: Феникс; 2013. 64 с.
17. Берков ВФ. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:87–94.
18. Горохов ВГ. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика. *Вопросы философии*. 2006;4:80–96.
19. Ракитов АИ. Синтагматическая революция (50 лет спустя). *Вопросы философии*. 2012;7:100–109.
20. Горохов ВГ. Вводная статья. В: Бехманн Г. *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*. Антоновский АЮ, Горохова ГВ, Ефременко ДВ, Коганчук ВВ, Месяц СВ, переводчики. Москва: Логос; 2010. с. 7–72.
21. Келле ВЖ. От производства знаний к производству технологий. В: Удумян НК, редактор. *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Москва: Наука; 2004. с. 66–85.
22. Пименов В, Быстров А. Пути развития промышленной политики России в условиях цифровой трансформации. *Экономист*. 2018;9:25–33.
23. Касавин ИТ. Введение. Истоки и смысл социальной философии науки. В: Касавин ИТ, редактор. *Социальная философия науки. Российская перспектива*. Москва: КНОРУС; 2016. с. 10–26.
24. Бехманн Г. Новые формы производства знаний: проблемно-ориентированные исследования. *Эпистемология и философия науки*. 2007;12(2):18–37.
25. Старжинский ВП, Цепкало ВВ. *На пути к обществу инноваций*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2017. 454 с.
26. Зейлер Р. *Повышение эффективности исследований и разработок*. Марцинкевич ВИ, переводчик. Москва: Прогресс; 1967. 256 с.
27. Майорова ТВ, редактор. *Проектне фінансування*. 2-ге вид. Київ: Київський національний економічний університет ім. В. Гетьмана; 2017. 434 с.
28. Каганова ЗВ. Наука вчера, сегодня, завтра – уроки истории. В: Удумян НК, редактор. *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Москва: Наука; 2004. с. 462–469.
29. Воловик ВВ, Щедровицкий ПП. Конструктивное мышление: неучтенный фактор развития. *Вопросы философии*. 2018;9:39–49.
30. Шваб К, Дэвис Н. *Технологии Четвертой промышленной революции*. Ахметов К, Врублевский А, Карпюк В., Козлов А, переводчики. Москва: Эксмо; 2018. 320 с.
31. Чернозуб СП. Блокчейн и социальные сети нового поколения: утопия, революция, социальный вызов. *Общественные науки и современность*. 2018;1:134–142.
32. Ильичев ЛФ. *Философия и научный прогресс. Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания*. Москва: Наука; 1977. 319 с.
33. Соловьев ВП. *Инновационная деятельность как системный процесс в конкурентной экономике (синергетические эффекты инноваций)*. Киев: Феникс; 2004. 560 с.

References

1. Vityaz PA, Shcherbin VK. [The development of the academic form of organization of researches in the world science]. In: Paton B, Malitskii B, editors. *XXVIII Kievskiy mehzdunarodnyy simpozium po naukovedeniju i istorii nauki «100-letije Nacional'noi akademii nauk Ukrainy: proshloye I sovremennost'»* (Dobrovskiye chteniya); 12–13 marta 2018 g.; Kiev, Ukraina [XXVIII Kiev International Symposium on Science and History of Science «100th anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine: the past and the present» (Dobrovskie readings); 2018 March 12–13; Kiev, Ukraine]. Kiev: Feniks; 2018. p. 13–25. Russian.
2. Lektorskii VA, Pruzhinin BI, Alekseeva IYu, Arshinov VI, Gorokhov VG, Dubrovskii DI, et al. [Convergence of biological, information, nano-and cognitive technologies: the challenge of philosophy (materials of the «round table»)]. *Voprosy filosofii*. 2012;12:9–12. Russian.
3. Arzakanyan TsG, Gorokhov VG. [Preface]. In: Ignatovskaya N, Leont'ev V, editors. *Philosophiya tehniki v FRG* [Philosophy of technology in FRG]. Moscow: Progress; 1989. p. 3–23. Russian.
4. Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A brief history of humankind]. Moscow: Sindbad; 2018. 512 p. Russian.
5. Verbatim report of the meeting of the Council of the International Association of the Academies of Sciences. *Bulletin of the International Association of the Academies of Sciences*. 2008; 45:13–115. Russian.
6. Koval'chuk MV. [Convergence of sciences and technologies – break in the future]. *Bulletin of the International Association of the Academies of Sciences* 2013;58:67–95. Russian.
7. Gabbay D, Thagard P, Woods J, editors. *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*. Amsterdam: Elsevier, 2009. 1407 p. (Handbook of the Philosophy of Sciences. Volume 9).
8. Schwab KM. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo Press; 2016. 288 p.
9. Harari YuN. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A Brief History of Tomorrow]. Andreev A, translator. Moscow: Sindbad; 2019. 496 p. Russian.
10. Porus VN. [The valuation of «Technology assessment» in western philosophy and methodology]. In: Iribadzhakov N, compiler. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik, 1987* [Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook, 1987]. Moscow: Nauka; 1987. p. 249–275. Russian.
11. Behmann G. *Sovremennoye obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: risk society, information society, knowledge society]. Antonovskii AYU, Gorokhova GV, Efremenko DV, Koganchuk VV, Mesyats SV, translators. Moscow: Logos; 2010. 248 p. Russian.
12. Gurevich PS. [Conformities to natural laws and social perspectives of scientific-technological progress (introduction)]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tehnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress; 1986. p. 3–30. Russian.
13. Mozheiko MA. [Philosophy of technology]. In: Mertsalova AI, editor. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; 2001. p. 876–879. Co-published by the «Knizhnyi dom». Russian.
14. Vernadskii VI. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. Razmyshleniya naturalista* [Scientific thought as a planetary phenomenon. Naturalist reflections]. Moscow: Nauka; 1977. 192 p. Russian.
15. Moren E. [The principles of cognition of complicity in the science XXI century]. In: Udyman NK, editor. *Vyzov poznaniyu. Strategii razvitiya nauki v sovremennoy mire* [Challenge to knowledge: strategies for the development of science in the modern world]. Moscow: Nauka; 2004. p. 7–26. Russian.
16. Malitskii BA. *Neoliberalizm i krizis innovatsionnogo razvitiya ekonomiki. Formula krizisa* [Neoliberalism and the crisis of innovative economic development. Formula crisis]. Kiev: Feniks; 2013. 64 p. Russian.
17. Berkov VF. On the ways of overcoming of methodological crisis in the social-humanities sciences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:87–94. Russian.
18. Gorohov VG. [The interdisciplinary researches of the scientific-technological development and the innovation policy]. *Voprosy filosofii*. 2006;4:80–96. Russian.
19. Rakitov AI. [The syntagmatical revolution (50 years later)]. *Voprosy filosofii*. 2012;7:100–109. Russian.
20. Gorohov VG. [Introduction]. In: Behmann G. *Sovremennoye obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: risk society, information society, knowledge society]. Antonovskii AYU, Gorokhova GV, Efremenko DV, Koganchuk VV, Mesyats SV, translators. Moscow: Logos; 2010. p. 7–72. Russian.
21. Kelle VZh. [From the producing of knowledge to producing of technologies]. In: Udyman NK, editor. *Vyzov posnaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennoy mire* [Challenge to knowledge: strategies for the development of science in the modern world]. Moscow: Nauka; 2004. p. 66–85. Russian.
22. Pimenov V, Bystrov A. [The ways of development of industrial policy of Russia in the conditions of digital transformation]. *Ekonomist*. 2018;9:25–33. Russian.
23. Kasavin IT. [Introduction. The Sources and sense of the social philosophy of science]. In: Kasavin IT, editor. *Sotsial'naya filosofiya nauki. Rossiiskaya perspektiva* [Social philosophy of science. Russian perspective]. Moscow: KNORUS; 2016. p. 10–26. Russian.
24. Behmann G. [The new forms of producing of knowledge: the problems-oriented researches]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2007;12(2):18–37. Russian.
25. Starzhinskii VP, Tsepalo VV. *Na puti k obshchestvu innovatsii* [Towards a society of innovation]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 454 p. Russian.
26. Zeyler R. *Povyshenie effektivnosti issledovaniy i razrabotok* [Increase research and development efficiency]. Mart-sinkevich VI, translator. Moscow: Progress; 1967. 256 p. Russian.
27. Maiorova TV, editor. *Proektne finansuvannya* [Financial designing]. 2nd ed. Kiev: Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman; 2017. 434 p. Ukrainian.
28. Kaganova ZV. [The science yesterday, today, tomorrow: the lessons of history]. In: Udyman NK, editor. *Vyzov posnaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennoy mire* [Challenge to knowledge: strategies for the development of science in the modern world]. Moscow: Nauka; 2004. p. 462–469. Russian.

29. Volovik VV, Shchedrovitskij PG. Constructive thinking: the unaccounted factor of development. *Voprosy filosofii*. 2018;9:39–49. Russian.
30. Schwab KM, Devis N. [Shaping. The fourth industrial revolution]. Akhmetov K, Vrublevskii A, Karpyuk V, Kozlov A, translators. Moscow: Eksmo; 2018. 320 p. Russian.
31. Chernozub SP. Blockchain and social networks of new generation: utopia, revolution, social change. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2018;1:134–142. Russian.
32. Il'ichev LF. *Filosofiya i nauchnyi progress: Nekotorye metodologicheskie problemy estestvoznaniya i obshchestvoznaniya* [Philosophy and scientific progress. Some methodological problems of natural science and social science]. Moscow: Nauka; 1977. 319 p. Russian.
33. Solove'v VP. *Innovatsionnaya deyatel'nost' kak sistemnyi protsess v konkurentnoi ekonomike (sinergeticheskie efekty innovatsii)* [Innovation activity as a system process in a competitive economy (synergy effects of innovation)]. Kyiv: Feniks; 2004. 560 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.04.2019.
Received by editorial board 17.04.2019.

УДК 316(438)

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В XXI в.: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ЕЖИ ВЯТР^{1), 2)}

¹⁾Европейская высшая школа права и управления, ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

²⁾Варшавский университет, пр. Краковское предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Представлено мнение автора о крахе либеральной демократии. Утверждается, что отчасти это является результатом утраты веры в стабильность и безопасность рыночной экономики, не без оснований считавшейся экономической основой либеральной демократии, что, в свою очередь, связано с мировым финансовым кризисом 2008 г. На этом фоне набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах. Происходит становление авторитарных режимов нового типа. Нынешняя волна «авторитарного популизма» выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Сущность нового авторитаризма заключается не в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была бы сосредоточена в одном правящем центре. Важной, хотя и не единственной причиной нынешнего кризиса демократии является растущая экономическая поляризация, отсутствие реформы политических институтов. Сделан вывод о том, что стоит подумать о возможности отзыва парламентариев по решению избирателей, если те пренебрегают своими обязанностями. Первоочередной задачей видится создание нового политического лидерства, более сильного и способного открывать новые перспективы. Такие лидеры появляются в условиях, когда политика становится борьбой великих идей.

Ключевые слова: либеральная демократия; рыночная экономика; финансовый кризис 2008 г.; новый авторитаризм; два кризиса либеральной демократии; политическое лидерство.

THE CRISIS OF LIBERAL DEMOCRACY IN THE XXI CENTURY – A COMPARATIVE PERSPECTIVE

JERZY VYATR^{a, b}

^aThe European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

^bUniversity of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article presents the author's opinion about the collapse of liberal democracy. Partly this crisis is the result of the losing of belief – under the influence of the 2008 global financial crisis – that a market economy reasonably considered as the economic basis of liberal democracy is not stable and safe as it was thought to be. Populist movements of a nationalist and even racist character are gaining strength in this context. There is a growing disappointment among citizens, and especially the younger generations, which is appeared, among other, in the lower rates of participation in elections. There is a becoming of the new-type authoritarian regimes. Present wave of «authoritarian populism» expresses disappointments and dark moods of the social classes that have ceased to feel that their socio-economic position and cultural identity remain safe. The essence of the new authoritarianism is not a creation of very centralized management system in which all power would be concentrated in one ruling center. Not the only one, but very important cause of the current crisis of democracy is the

Образец цитирования:

Вятр Ежи. Кризис либеральной демократии в XXI в.: сравнительная перспектива. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:79–84.

For citation:

Vyatr Jerzy. The crisis of liberal democracy in the XXI century – a comparative perspective. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:79–84. Russian.

Автор:

Ежи Вятр – доктор социологии; почетный ректор¹⁾, почетный профессор²⁾.

Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology; honorary rector^a, honorary professor^b.
zhanna0607@mail.ru

growing economic polarization, the lack of reform of political institutions. Consideration should be given to the possibility of recalling parliamentarians, if they neglect their duties, by decision of the voters. The creation of a strong and able to open new perspectives political leadership is seen as a priority. Such leaders appear when politics becomes a struggle of great ideas.

Keywords: liberal democracy; comparative perspective; market economy; 2008 global financial crisis; new authoritarianism; two crises of liberal democracy; political leadership.

В нынешнее столетие мир входил с оптимизмом. «Конец истории», как назвал этот новый исторический период Френсис Фукуяма, должен был стать результатом окончательной победы либеральной демократии над своими врагами. Случаи обострения предсказуемых угроз связывали с вызовами, которые несет демократическому миру «столкновение цивилизаций». Их наиболее радикальным проявлением является возникновение враждебного западной цивилизации радикального исламизма [1]. Мировое господство Соединенных Штатов Америки – единственной в полном смысле этого слова сверхдержавы, оставшейся после окончания холодной войны, – должно было гарантировать сохранение и постепенное расширение зоны свободы в мире.

К концу второго десятилетия XXI в. этот бодрый оптимизм остался в прошлом. Мнение о том, что мы имеем дело с концом либеральной демократии, по крайней мере в ее известной до сих пор форме, не редкость. Обнадеживающий взгляд в будущее был вытеснен верой в то, что лучшие времена позади и следующие поколения будут жить в мире, худшем, чем мир их родителей.

Можно спорить о причинах подобных настроений. Отчасти это является результатом обусловленной мировым финансовым кризисом 2008 г. утраты веры в то, что рыночная экономика, не без оснований считавшаяся экономической основой либеральной демократии, стабильна и безопасна, как о ней (под влиянием неолиберальных экономистов, особенно чикагской школы) было принято думать. В определенной степени это связано с быстро

растущими экономическими диспропорциями, так что даже относительно богатый средний класс чувствует разочарование и скрытую угрозу. В некоторой мере это происходит из-за опасений по поводу крайне нестабильной ситуации в Азии и Африке и ее влияния на перспективы Европы, в том числе из-за картин ее затопления многомиллионной волной беженцев, что становится следствием не только гражданских войн и краха политического строя во многих странах Африки и Ближнего Востока, но и растущего демографического давления и углубления экономической поляризации в современном мире. И отчасти эти процессы связаны с утратой веры в то, что США могут обеспечить миру ответственное и эффективное лидерство, что в сочетании с усилением и ростом значимости недемократических региональных держав, особенно Китая и России, порождает страх новых военных катастроф.

На этом фоне возникают опасные социальные и политические явления. Набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера [2]. Слабнут традиционные политические партии, позициям которых угрожают появляющиеся в разных странах химеры политических движений без четкого идеологического профиля и чаще всего под руководством политических демагогов, неспособных обеспечить этим движениям длительное существование. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах.

Авторитаризм нового типа

Самой серьезной угрозой для либеральной демократии является становление авторитарных режимов нового типа, называемых «неодемократия» [3], «нелиберальная демократия» [4], «делегативная демократия» [5], «электоральная диктатура» [6]. Этот новый авторитаризм в некотором отношении напоминает авторитарные системы, известные из истории прошлого века, а в определенных моментах отличается от них. Авторитаризм, который бурно расцвел в межвоенной Европе, был прежде всего выражением решимости привилегированных классов защищать существующий *status quo*, вызовом для которого стала русская революция, изначально породившая большие надежды на построение другого, более справедливого мира.

Это был в значительной степени консервативный авторитаризм, ориентированный на укрепление существующих социально-экономических отношений. Нынешняя волна «авторитарного популизма» [7] намного больше, чем авторитаризм XX в., особенно европейский, выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Значит, это попытка противопоставить себя последствиям процессов глобализации – не только в экономической сфере, но и в сфере культуры.

Старый и новый авторитаризм отличаются своим отношением к насилию. Традиционный авто-

ритаризм вырос из насильственного переворота и поддерживался благодаря применению массового насилия. Это относится даже к сравнительно мягкой версии авторитаризма, которой был представлен польский режим после переворота в мае 1926 г. Некоторые авторитарные режимы того времени пользовались относительно высокой общественной поддержкой, но не решались проверить степень этой поддержки на свободных, конкурентных выборах. Исключением в этом отношении были парламентские выборы в Польше в 1928 г., проигранные правящим лагерем, что из-за внесенных ранее конституционных изменений не привело к смене правительства. Новый авторитаризм XXI в. сохраняет фасад демократических институтов, в том числе свободные, предполагающие реальное соперничество между правящим лагерем и оппозицией, выборы. Однако он обладает настолько сильной поддержкой, что может побеждать на новых выборах и, таким образом, укреплять свою политическую систему. На самом деле проигрыш на выборах означал бы для современного авторитарного режима катастрофу, поскольку повлек бы за собой не обычную смену правящей команды, а разложение всей политической структуры, построенной в предыдущие годы. Как я утверждал, хотя такая перспектива казалась очень далекой, в 2019 г. Польша имеет шанс реализовать такой сценарий [8].

Сущность нового авторитаризма заключается не в том, чтобы лишить граждан возможности решать, кто должен управлять страной, а в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была

бы сосредоточена в одном правящем центре. Этот центр чаще всего представлен руководством правящей партии или просто лидером и его ближайшим окружением. Централизация власти прежде всего означает:

1) полное подчинение центрального правительства и центральной государственной администрации воле правящего центра, что лишает их самостоятельной политической роли и делает техническим инструментом в руках людей, осуществляющих действительную власть;

2) маргинализацию парламента, в котором политические дебаты ограничены, а влияние оппозиции на законодательный процесс сводится к минимуму;

3) подчинение государственных средств массовой информации правящему политическому центру, ликвидацию их автономии и вытекающее из этого манипулирование СМИ (в то же время это предполагает активные действия для создания условий косвенной зависимости для негосударственных СМИ или для их маргинализации);

4) полную зависимость прокуратуры и всевозможные ограничения независимости судов от политического фактора;

5) широкое распространение политических критериев для кандидатов на замещение высших и средних должностей в государственной администрации, включая вооруженные силы и органы внутренних дел.

Чем полнее удастся достичь этих целей, тем более единой оказывается авторитарная система и тем глубже становится кризис либеральной демократии.

Два кризиса либеральной демократии

Современная волна нового авторитаризма показывает, что либеральная демократия вступила во второй крупный кризис. Стоит напомнить характер и последствия первого кризиса демократии – того, с которым Европа сталкивалась в межвоенный период.

Сто лет назад, сразу после окончания Первой мировой войны, могло показаться, что демократия стоит на пороге великого, необратимого триумфа. Поражение в войне досталось четырем супердержавам, две из которых (Россия и Турция) были абсолютистскими государствами, а две (Германия и Австро-Венгрия) находились под управлением сильной королевской власти с ограниченной, но не фиктивной ролью парламента. Среди побежденных не было ни одного демократического государства. Победу одержала коалиция демократических государств, ядром которой были Франция, Великобритания и США. В новых государствах, образованных в результате распада многонациональных

Российской и Австро-Венгерской империй, были созданы демократические правительства, обычно принимавшие конституционную модель Третьей французской республики. Попытки перенести коммунистическую революцию в Европу (особенно в Германии, Финляндии и Венгрии) потерпели крах. В Германии на смену авторитарной империи пришла демократическая республика. В течение очень короткого периода казалось, что началось длительное главенство либеральной демократии в Европе. В то время контраст между демократически управляемой Европой (в большинстве стран) и Латинской Америкой, где преобладали военные диктатуры или другие формы олигархического правления, был разительным.

Кризис европейской демократии проявился через несколько лет после войны. Главным образом он коснулся стран, в которых либеральная демократия имела короткую историю, в том числе государств, которые возникли в результате войны.

Ирландия после обретения независимости в 1921 г. (стала британским доминионом) пережила двухлетнюю гражданскую войну (1922–1923), а в последующие годы – авторитарное правление националистической партии Фианна Файл (Солдаты судьбы) во главе с премьер-министром Имоном де Валера, продолжавшееся вплоть до 1948 г. В Венгрии подавление недолгой коммунистической революции (1918–1919) привело к установлению диктаторского правления адмирала Миклоша Хорти, продолжавшегося до 1944 г.

Межвоенные годы были периодом быстрого сокращения зоны либеральной демократии в Европе. Этапами первого кризиса европейской демократии являлись следующие события:

- 1922 г. – «Поход на Рим» и установление власти фашистской партии в Италии;
- 1923 г. – свержение правительства А. Стамбулийского и установление авторитарной диктатуры в Болгарии;
- 1926 г. – военные перевороты в Польше, Португалии и Литве, установление авторитарных правительств в этих странах;
- 1927 г. – гражданский переворот в Эстонии;
- 1929 г. – военный (но поддержанный королем Александром Карагеоргиевичем) переворот в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, принятие нового названия государства (Югославия) и создание централизованной авторитарной системы;
- 1933 г. – приход НСДАП к власти в Германии и установление тоталитарной диктатуры;
- 1934 г. – установление в Австрии диктатуры Э. Дольфуса (австрофашизм);
- 1934 г. – авторитарный переворот в Латвии;
- 1936 г. – установление (при поддержке короля Георга II) военной диктатуры в Греции;
- 1936–1939 гг. – гражданская война в Испании, закончившаяся установлением военно-партийной диктатуры;
- 1938 г. – установление диктаторской власти короля Карла II в Румынии.

В конце межвоенного периода либеральная демократия существовала только в 12 европейских странах (Бельгия, Чехословакия, Дания, Финляндия, Франция, Нидерланды, Ирландия, Люксембург, Норвегия, Швейцария, Швеция и Великобритания), а также в США и в британских доминионах (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Казалось, что мир движется к господству тоталитарных или авторитарных режимов. Таким был климат эпохи. Убеждение в том, что либеральная демократия приходит в упадок, являлось всеобщим.

Вторая мировая война радикально изменила это положение. Поражение Германии, Италии, Японии и их союзников привело к разделению мира на два соперничающих блока, построенных вокруг сверхдержав-победителей – США и СССР. Страны

Центральной и Восточной Европы оказались под советским господством, что привело к созданию там коммунистических правительств. В Западной Европе демократические системы функционировали хорошо, за исключением единственного случая антидемократического переворота в Греции (1967) и установления там военной диктатуры в течение 1967–1974 гг. В 1974 г. рухнула португальская диктатура, а в 1975 г. начался процесс демократизации в Испании. К концу 1980-х гг. либеральная демократия восторжествовала в большинстве европейских стран, в Северной и Южной Америке, в некоторых частях Азии (в частности, в Индии, Японии, Израиле) и в некоторых африканских государствах. Судьбы демократии, согласно всеобщему мнению, зависели от результатов мирового соперничества между двумя блоками государств – демократических и коммунистических. Конфликт, который длился более 40 лет, вошел в историю под названием «холодная война» и метко был назван «борьбой за душу человечества» [9]. Последнее десятилетие XX в. принесло бескровную победу демократии в Европе и разложение систем, основанных на диктаторской власти коммунистических партий. В 1980-х гг. произошла демократизация практически всех латиноамериканских стран. Казалось, триумфу либеральной демократии уже ничто не сможет помешать.

Четверть века спустя это не кажется таким очевидным. Симптомы нового кризиса либеральной демократии множатся, а значит, утверждение Мартина Круля о том, что «это и есть конец мира либеральной демократии, имевшей в последние 70 лет феноменальные достижения на Западе, а в последние 30 лет – у нас» [10], перестало быть исключением. Я считаю это мнение преувеличенным, но не лишенным оснований. Второй кризис либеральной демократии остается фактом, но это не означает, что он должен привести к ее низложению на десятилетия.

Второй кризис либеральной демократии отличается от первого по трем позициям.

Во-первых, он выражается не в захвате власти антидемократическими силами, а в мирной, с использованием демократических механизмов, перестройке политической системы в авторитарном направлении.

Во-вторых, он охватывает те государства, в которых либеральная демократия установилась относительно недавно (в основном после окончания холодной войны), тогда как государства с более длительной историей демократического правления для него недостижимы. Последние сталкиваются с проблемой популистских и националистических движений, таких как «Национальный фронт» во Франции или движение «Альтернатива для Германии» в ФРГ, но ничто не указывает на способ-

ность этих сил прийти к власти. Даже там, где авторитарные политики занимают государственные посты (как, например, Дональд Трамп в США), демократическая система достаточно сильна, чтобы предотвратить установление авторитарного правления.

В-третьих, в Европе существует сообщество демократических государств – Европейский союз, способный в значительной степени сдерживать попытки установления авторитаризма в государствах-членах и отвращать от его установления те страны, которые претендуют на вступление в ЕС. Влияние этого объединения не всегда эффективно, о чем свидетельствует пример авторитарного венгерского режима, тем не менее оно приносит свои плоды, о чем свидетельствует сдерживающая роль ЕС в процессе разрушения правового государства в Польше после 2015 г.

Нынешний кризис либеральной демократии более всего затронул те государства, в которых демократические изменения появились только в конце холодной войны или после ее окончания. Надежды на создание системы либеральной демократии в России и в большинстве стран бывшего СССР не оправдались, а сложившаяся в России вместо нее система президентской «суверенной демократии» для многих стран, возникших в результате распада СССР, является привлекательным решением, альтернативным либеральной демократии.

Среди посткоммунистических стран, которые были приняты в начале этого столетия в ЕС, дальше всего в направлении установления и укрепления авторитарной системы зашли Венгрия и, хотя не настолько последовательно, Польша. Национализм и новый авторитаризм проступают в действиях влиятельных групп и политиков в Чехии, Болгарии, Румынии и Словакии, а также в стремящихся вступить в ЕС Албании, Косово и Сербии. Эта проблема, однако, не ограничивается бывшими коммунистическими государствами. Разочарование в своих правительствах во многих демократических странах приводит к формированию относительно сильных популистских движений, чаще всего правого и националистического толка [2; 3]. Избрание Дональда Трампа президентом США, а также возвращение к власти политиков из прежних военных диктатур в Чили и Бразилии указывают на то, что проблема не ограничивается Европой и носит глобальный характер.

Эти процессы заставляют нас со всей серьезностью относиться к нынешнему кризису либеральной демократии, что, однако, не равносильно принятию тезиса о конце демократии. Я разделяю мнение Адама Пржеворского, который, говоря о кризисах современной демократии, не заявляет о ее упадке, но констатирует необходимость глубоких реформ [11].

Упомянутые реформы не могут ограничиваться только политической сферой. Важной, хотя и не единственной причиной нынешнего кризиса демократии является растущая экономическая поляризация, приводящая к относительному (а иногда и абсолютному) обеднению среднего класса, традиционно считающегося главным оплотом либеральной демократии. Демографическое давление, экономическое неравенство и локальные вооруженные конфликты вызывают волну беженцев, напирающих на богатые страны «глобального Севера», и это используется националистами для разжигания расистской истерии и нападков на либеральные правительства за то, что они не хотят или не могут противостоять волне беженцев. Эти проблемы не могут быть решены или, по крайней мере, смягчены без самых серьезных совместных усилий демократических государств. Международная солидарность и дальновидная политика системных реформ становятся условием *sine que non* выживания демократического строя.

Рука об руку с ними должны идти реформы политических институтов. Представительные институты власти, не без причин обвиняемые в том, что они слишком часто становятся ширмой для решений, принимаемых узкими кругами партийных лидеров, требуют переосмысления. Возможно, стоит подумать об отказе от свободного мандата в пользу возможности отзыва парламентариев по решению избирателей, если те пренебрегают своими обязанностями. Усиление роли референдума, которое отстаивают некоторые популистские группировки, не является средством устранения недостатков представительной демократии и может привести к катастрофическим последствиям (как это показал британский референдум по делу Брексита в 2016 г.), однако умело сочетаемое с функционированием представительных институтов, может улучшить законодательный процесс и повысить доверие граждан к последним.

Делом крайне сложным и в то же время основным для решения нынешних проблем является создание нового политического лидерства, более сильного и способного открывать новые перспективы. В последние десятилетия качество этого лидерства явно ухудшалось. Сегодня европейской демократии нужны великие лидеры масштаба Черчилля и де Голля, Аденауэра и Брандта. Польской политике необходимы лидеры, подобные тем, кто заложил основы возрожденной демократической республики. Такие лидеры появляются в условиях остродраматических вызовов, когда политика становится борьбой великих идей, а не заурядной возней вокруг групповых интересов и отдельных карьер. Возможно, великие проблемы нынешнего столетия родят новых лидеров именно такого масштаба.

References

1. Huntington SP. *Trzecia fala demokratyzacji*. Warszawa: PWN; 1996. 328 p.
2. Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich; 2019. 184 p.
3. Beyme K von. *From Post-Democracy to Neo-Democracy*. Cham: Springer International Publishing AG; 2018. 130 p.
4. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W. W. Norton; 2007. 301 p.
5. O'Donnell GA. *Delegative Democracy? East-West System Transformation*. Chicago: Chicago University Press; 1991.
6. Turan I. The Rise of Populist Electoral Authoritarianism in Turkey: a Case of Culturally Rooted Recidivism. *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2(7):83–102.
7. Pierzchalski F. *Autorytarny popuлизм w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja*. Pierzchalski F, Rydliński B, redaktory. Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA; 2017. 217 p.
8. Wiatr JJ. New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective. *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2(07):123–136. DOI: 10.26343/0585556x20707.
9. Leffler M. *For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York: Hill and Wang; 2008. 608 p.
10. Król M. Obyśmy znów nie byli głupi. *Polityka*. 2019 Styczeń 2–8.
11. Przeworski A. *Crises of Democracy*. New York: Cambridge University Press; 2019. 254 p.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2019.
Received by editorial board 29.03.2019.

Перевод с польского языка Т. И. Врублевской-Токер¹.

¹Татьяна Ивановна Врублевская-Токер – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета.

Tatyana I. Vrublevskaya-Toker, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: tokerti@bsu.by

АКАДЕМИЧЕСКИЙ НЕОМАРКСИЗМ: НАУЧНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ ПАРАДИГМАЛЬНАЯ УТОПИЯ?

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Доказывается, что современное восприятие неомарксизма не учитывает наличия двух противоборствующих неомарксистских направлений: идеологизированного гуманистического и «сциентистского» академического. Сама история неомарксизма показывает, что его методология может быть другой, отличной от традиционного ее восприятия как идеологически ангажированного подхода. На основе исторического подхода и контент-анализа марксистского и неомарксистского текстового массива установлено, что идеологизация гуманистического неомарксизма, несмотря на оппозицию партийному марксизму, на популярность среди определенных социальных слоев (новых левых) и общественно-политическую активность его теоретиков, была определена гносеологической причиной – изначальной предвзятостью к познаваемой реальности. В такой ситуации метод гуманистического неомарксизма представлял собой проекцию капиталистического порядка на идеал неотчужденного общества, что предполагало исследование капитализма не как явления, которое объективно существует, а как явления, которое не должно существовать. Это привело гуманистический неомарксизм к утопизму. Выявлено, что для академического неомарксизма в большей степени характерна изначальная для всего неомарксизма идеологическая нейтральность. Академический неомарксизм задает отличные от гуманистического неомарксизма параметры исследования: антинормативизм (из неомарксистского исследования исчезает целеполагание на изменение мира), позитивизм (неомарксизм стремится к научной объективности), антипсихологизм (цель неомарксистского познания – выявить закономерности общественно-экономического порядка, а не найти новые движущие силы истории (агентов революции)). Практическая значимость полученных результатов в том, что выявленный академический неомарксизм есть опыт и стратегия для современных научно ориентированных неомарксистских исследований.

Ключевые слова: направления неомарксизма; академический неомарксизм; гуманистический неомарксизм; партийный марксизм; новые левые; идеологизация неомарксизма; позитивизм в неомарксизме.

ACADEMIC NEO-MARXISM: SCIENTIFIC AUTHENTICITY OR PARADIGMATIC UTOPIA?

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

It is proved that modern perception of neo-Marxism does not take into account presence of two opposing neo-Marxism tendencies: ideological humanistic and «scientistic» academic ones. The history of neo-Marxism itself shows that neo-Marxism methodology may differ: differ from its traditional perception as a biased ideological approach. It has been established on the basis of historical approach and content-analysis of Marxism and neo-Marxism text material that the ideologization of humanistic neo-Marxism, despite of opposition to party Marxism, despite of popularity among certain social strata (the New Left) and social and political activities of its theorists, was determined by a gnoseological reason – the

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Академический неомарксизм: научная аутентичность или парадигмальная утопия? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:85–92.

For citation:

Mikhailouski VS. Academic neo-Marxism: scientific authenticity or paradigmatic utopia? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:85–92. Russian.

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadim S. Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law.
vadim2010minsk@mail.ru

initial bias towards cognizable reality. In such a situation, the method of humanistic neo-Marxism was a projection of the capitalist order on the ideal of non-alienated society, which suggested the research of capitalism not as a phenomenon that objectively exists, but as a phenomenon that should not exist. This led humanistic neo-Marxism to utopianism. Academic neo-Marxism accordance to primordial ideological neutrality of the whole neo-Marxism as well as academic neo-Marxism research parameters, which differ from humanistic neo-Marxism ones, were revealed. The author mentions anti-normativism, positivism and anti-psychologism among academic neo-Marxism research features. Anti-normativism means that a neo-Marxism feature has the sense that the goal-setting to change the world disappears from neo-Marxist research. Positivism is a neo-Marxism feature which has the sense that neo-Marxism strives for scientific objectivity. Anti-psychologism means that the goal of neo-Marxism cognition is to identify patterns of the social-economic order, and not to find new driving forces of history (agents of the revolution). Results received by the author have practical significance since revealed academic neo-Marxism is an experience and strategy for current neo-Marxism studies oriented on science.

Keywords: directions of neo-Marxism; academic neo-Marxism; humanistic neo-Marxism; party Marxism; the New Left; ideologization of neo-Marxism; positivism in neo-Marxism.

Введение

Творческое наследие К. Маркса настолько многообразно, что уже более чем полтора столетия оказывает влияние на развитие общества и процесс познания социальности. Марксистский дискурс постоянно расширяется и включает в себя новых адептов. Так, в начале XX в. марксизм повлиял не только на рабочее движение и реальную политику коммунистов и социалистов, но и на различные направления академических исследований. Это воздействие оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как метод познания социальности. Началась профессионализация марксизма и его академическая институционализация. Уже в конце 1920-х гг. марксистский дискурс окончательно закрепился в исследовательских институтах и на университетских кафедрах. Российский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [1, с. 65].

Генезис академического марксизма связан с теоретической реакцией венгерского философа Д. Лукача и немецкого философа К. Корша на партийную вульгаризацию, догматизацию марксизма и идеологию ревизионизма. Такой подход в развитии классического марксизма получил название «неомарксизм»¹. Определение неомарксизма как академического (придерживающегося установленных традиций в науке), деидеологизированного (не связанного с влиянием идеологических факторов) и дедогматизированного (не связанного с догмами) направления является идеальным типом, позволяющим выявить суть неомарксистского дискурса и его место в истории мировой интеллектуальной мысли. Однако стремление интеллектуалов развивать марксистский подход в социальном познании привело к многообразию течений в нео-

марксизме, их конфликтности, тематической мозаичности, а также к различной доле следования академическим основам неомарксизма. Не стоит также отрицать научную составляющую и в партийной ветви развития марксизма. И речь здесь идет не только о творчестве видных представителей рабочего движения (В. И. Ленин, Р. Люксембург и др.), но и о хрестоматийных неомарксистских теоретиках (А. Грамши, К. Кастириадис, С. Маркос, Г. Маркузе, А. Негри и др.). Интеллектуальное творчество этих авторов характеризуется тесной связью с активной политической деятельностью. Более того, их неомарксистские изыскания целенаправленно выходили на политическую практику и идеологию. Все это свидетельствует о более противоречивой природе неомарксизма, его истории и теоретико-методологических основаниях. Особенности неклассического марксизма (марксизм после Маркса) лучше отражает следующая более детальная градация: партийный идеологизированный марксизм – партийный научный марксизм – гуманистический идеологизированный неомарксизм – академический (сциентистский) неомарксизм.

Таким образом, объект исследования – направления в неомарксизме, цель – выявить особенности и эвристическую значимость академического неомарксизма как методологического подхода для современных неомарксистских исследований. Отдельным направлениям сциентистского неомарксизма посвящено множество исследований философского и исторического характера (Д. Е. Добринская, М. Лебовиц, М. В. Сахарова, Г. А. Хакимов, Ф. Таррит, Н. В. Шихардин и др.). Однако отсутствуют работы, полностью посвященные вопросу аутентичности неомарксистских исследований вне идеологической ангажированности и догматизма.

¹Подробнее о становлении неомарксизма см.: Михайловский В. С. Неомарксизм: генезис и подходы к определению // Политологический неомарксизм: история, методология, теория. Минск, 2017. С. 17–36.

Результаты и их обсуждение

Генезис неомарксизма был вызван реакцией европейских интеллектуалов на недолжное, по их мнению, развитие марксизма в партийных структурах рабочего движения. Однако парадокс этой ситуации в том, что, отрицая догматизм и идеологию партийного марксизма, кабинетные неомарксисты 1920–60-х гг. сами неминуемо включались в сложные взаимодействия с партийными функционерами и структурами и вторгались в сферу идеологической и политической борьбы. Неомарксистские идеи сексуальной революции (фрейдомарксизм австрийского психолога В. Райха (Рейха)), культурного отчуждения и культурной революции (Франкфуртская школа философии) оставили заметный след в реальном политическом процессе: под этими лозунгами проходили выступления новых левых в 1960-х гг. Причины популярности неомарксистского дискурса очевидны: неомарксисты затрагивали значимые стороны общественной жизни, умело сочетали соответствующий эпохе социальный критицизм с радикальными идеями марксистского гуманизма. Это не могло не найти отклика у читающей и бунтующей молодежи. Однако не стоит преуменьшать активность самих неомарксистских теоретиков в политизации их идей. Вспомним хотя бы знаменитую речь теоретика Франкфуртской школы Г. Маркузе «К ситуации новых левых» (1968), которая стала своеобразным манифестом, определяющим главных врагов протестного движения, тактику борьбы, ее причины и цели, или творчество Ж.-П. Сартра (экзистенциальный марксизм) на страницах «*Les Temps Modernes*» («Новые времена»). Французский философ так презентовал журнал: «Говоря кратко, мы хотим способствовать совершению определенных изменений в обществе, которое нас окружает... Таким же образом, наш журнал будет занимать определенную позицию по отношению к каждому грядущему политическому и социальному событию» (цит. по [2]). В. Райх также не отрицал, что воспринимает фрейдизм как революционную идеологию и ищет способы его актуализации как политической практики. Именно поэтому он обратился к наиболее политизированной теории начала XX в. – марксизму [3, с. 206].

Несмотря на политическую ангажированность, марксистские интеллектуальные инновации фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов соответствовали теоретико-методологической направленности неомарксизма, определенной Д. Лукачем и К. Коршем в 1920-х гг. Неомарксизм начался как развитие идей раннего К. Маркса, где особое внимание отводилось субъективному фактору в истории. Отсюда и углубленное внимание фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов к вопросам психологии, культуры и экзистенции соответственно. Важным этапом в развитии общей неомарк-

систской направленности на познание субъективного фактора была публикация в 1932 г. работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Ознакомление с его ранними работами привело к тому, что К. Маркс начал восприниматься как философ-гуманист, а марксистское учение – как гуманистическая теория. Теоретик Франкфуртской школы Э. Фромм по этому поводу писал, что «цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от узко экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми» [4, с. 377]. Гуманизм раннего К. Маркса стал главным источником неомарксистской концептуализации освобождения человека XX в. от всяких форм отчуждения и эксплуатации, т. е. источником гуманистического неомарксизма.

Гуманистическая ветвь неомарксизма амбивалентна к собственному содержанию. С одной стороны, деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов представляла собой продолжение традиции привнесения в марксистскую онтологию субъективного фактора. В этом случае гуманизм в марксизме должен пониматься как антропоцентризм, а деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов – как развитие марксизма. С другой стороны, гуманизация марксизма была философским укреплением теории надстройки (которую фрейдисты, франкфуртцы и экзистенциалисты понимали как теорию революции), а также эффективным способом политизации фрейдизма, критической теории общества и экзистенциализма в целях превращения этих философий в реальный дискурс реальных сил сопротивления капитализму. В этом случае гуманистический неомарксизм есть утверждение особой ценности человека труда и его свободы, а деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов есть укрепление идеологической составляющей марксизма.

Таким образом, гуманистический неомарксизм находится в рамках академической традиции с определенной долей отступления. Представителям гуманистического неомарксизма удалось сохранить генетическую связь с классическим марксизмом через критику капитализма и поиск путей его преодоления. Их новшества были направлены на развитие марксистской теории революции путем обращения к гуманистическому потенциалу раннего К. Маркса и к теоретико-методологическому потенциалу современных фрейдизма, социального критицизма, экзистенциализма. Однако они не смогли выдержать заявленных первыми неомарксистами рамок академической нейтральности. Дело в том, что конфликт неомарксистских теоретиков с партийными деятелями не означал

оттока марксистской интеллигенции из партийного движения. Связь между теоретиками гуманистического неомарксизма и партийным движением объясняется тем, что коммунистические партии были единственными институтами марксистской мысли на Западе (кроме Института социальных исследований при Франкфуртском университете). Теоретики неомарксизма старались внедрить свои интеллектуальные разработки в коммунистическое движение, чтобы актуализировать марксистский революционный дискурс. Как отмечал американский философ П. Готфрид, это была попытка «укрепить революционный пыл марксизма в условиях, когда его теоретическая база начала слабеть» [5, с. 91]. Однако обнаружилось, что западные коммунистические партии стали все в меньшей степени интересоваться марксистской диалектикой и идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в послевоенный период, когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. В 1960-е гг. коммунистические партии активно включились в западный политический процесс. В результате произошло завершение партийных превращений революционной теории марксизма [6, с. 37–38, 52]. Однако, несмотря на неудачи в партийном направлении, дискурс гуманистического неомарксизма все же оказал существенное влияние на социально-политическую практику: был воспринят новыми левыми и лег в основу их идеологии².

Здесь уместно провести исторические параллели. К. Маркс и Ф. Энгельс также желали выявить научные основания социализма как теории самоосвобождения пролетариата в противовес неэффективным, по их мнению, анархизму и утопическому социализму. Известный факт, что отцы-основатели не считали свое учение идеологией, однако придавали ему революционное политическое значение. В обоих случаях (классический марксизм, гуманистический неомарксизм) «кабинетная» теория оказала влияние на социально-политическую практику: марксистская Октябрьская революция (1917), неомарксистская «студенческая революция» новых левых (1968). Помимо этого, в обоих случаях теория на практике была частично искажена: ленинская уверенность в возможности социалистической революции в относительно отсталой стране в противоположность марксистскому утверждению о первоначальной революции в группе развитых стран; искажение новыми левыми неомарксистского концепта великого отказа, который предполагал революцию сознания масс как путь к ненасильственному изменению обще-

ства, а не насильственную культурную революцию во имя дальнейшего освобождения сознания масс. Марксистская теория революции постепенно редуцировалась до коммунистической идеологии и трансформировалась в советский марксизм и еврокоммунизм. Также теория гуманистического неомарксизма свелась к идеологии культурной революции и стала в итоге одной из идеологием так называемых «зеленых».

С нашей точки зрения, гуманистический неомарксизм в историческом измерении есть марксистский «второй заход на старт». Если придерживаться спирального восприятия исторического движения, то гуманистический неомарксизм повторил судьбу классического марксизма, но в других социально-экономических и политических условиях. Идеологизация гуманистического неомарксизма, несмотря на популярность среди определенных социальных слоев и общественно-политическую активность его теоретиков, была определена и более глубинной гносеологической причиной – изначальной предвзятостью к познаваемой реальности. Эта предвзятость конституирует суть изысканий неомарксистов-гуманистов, задает вектор развития и в определенной степени предопределяет конечный результат исследований, что влияет на методологическую привлекательность неомарксизма в социальном познании. Изначальная идеологическая предвзятость гуманистического неомарксизма может быть проанализирована аналогично бернштейновской критике научности социализма.

Немецкий публицист и политический деятель Э. Бернштейн главным критерием различия науки и ненауки в марксизме определил тенденциозность. Он считал, что социализм как революционная теория и революционное движение не может быть наукой, так как «не может не быть тенденциозен» и «беспристрастен» [7, с. 24]. Пагубная тенденциозность партийного марксизма для социального познания определила возникновение неомарксизма как академической реакции. Особенность познавательных установок неомарксизма заключалась в том, что в них отвергался именно догматизм полученного знания. Смелым тезисом Д. Лукача стало утверждение, что «марксизм – это метод, а не догма». Помимо прочего, это означало, что «марксистом можно остаться даже в том случае, если будет доказана ложность всех утверждений и предсказаний Маркса» (цит. по [8, с. 121]). Вместо марксистского догматизма, который выполнял функцию редуцирования реальности до удобного партийной конъюнктуры уровня, гуманистический неомарксизм конституировал марксистский акаде-

²Подробнее о новых левых см.: *Запесоцкий А. С.* 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 105–112 ; *Лепешко Б. М.* Французская идеология // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 113–121.

мический критицизм как метод диалектического познания реальности. Критическое диалектическое сознание стало гарантом марксистского дискурса революции в условиях адаптации рабочего движения к репрессивной комфортности позднего капитализма. Однако в обоих случаях (партийный догматизм с его редукцией реальности и неомарксистский критицизм с его революционностью) речь идет о функциях идеологии. Здесь мы ссылаемся на исследования немецкого профессора У. Матца, который в результате анализа генезиса политики в современном понимании выявил, что любая идеология есть редукция сложности действительности и любая идеология по сути своей революционна [9].

Как утверждал Э. Бернштейн, «несвобода от тенденциозности почти всегда присутствует в социально-политических теориях и всегда – в социально-политических доктринах». Главную причину тенденциозности социально-политических теорий и доктрин Э. Бернштейн усматривал в моменте целеполагания (диктате определенных целей), который приводит социально-политические теории и доктрины к виду законченных систем [7, с. 26]. Несмотря на изначально заявленное парадигмальное различие, гуманистический и партийный неомарксизм роднит то, что они оба фундированы социально-политической целью. И если в отношении партийного марксизма можно сослаться на партийные программы, то в отношении гуманистического неомарксизма можно привести слова основоположников Франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно: «Мы... замахнулись ни больше ни меньше как на то, чтобы дать ответ на вопрос, почему человечество, вместо того, чтобы прийти к истинно человеческому состоянию, погружается в пучину нового типа варварства» [10, с. 8]. Идеологема истинного человеческого состояния была целевой установкой гуманистического неомарксизма, определившей его тенденциозность. Сама формулировка «истинное человеческое состояние» показывает, что истина (как результат научного познания) уже изначально известна представителям гуманистического неомарксизма – это человек раннего К. Маркса, неотчужденный человек, созидаящий жизнь посредством свободного труда. В такой ситуации метод гуманистического неомарксизма представлял собой проекцию капиталистического порядка на идеал неотчужденного общества, что предполагало исследование капитализма не как объективно существующего явления, а как явления, которое не должно существовать. Это привело гуманистический неомарксизм к утопизму, ибо, как писал немецкий социолог К. Мангейм (Манхейм), «определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в разрушении и трансформации данных условий общества, что они невольно видят только те элементы в ситуации, которые имеют

тенденцию ее отрицать», что в результате «скрывает определенные элементы реальности» [11, с. 53].

Таким образом, все отличительные признаки гуманистического неомарксизма (социальный критицизм, особое внимание к субъективному фактору, отсылка к раннему К. Марксу, развитие марксистской теории надстройки и теории революции) подчинены изначальной предопределенности (тенденциозности, идеологическому целеполаганию) познания. Необходимо решить, предопределено ли место исследователя-неомарксиста в социальных науках и является ли неомарксистский подход в социальном познании неизбежно маргинальным в том понимании, что не выдерживает научной верификации и всегда балансирует на грани идеологической ангажированности?

Возвращаясь к нашему тезису о спиральном развитии марксизма, отметим, что так же, как у идеологизированного партийного марксизма в 1920-е гг. возник оппонент в виде гуманистического неомарксизма, так и у последнего в результате его идеологизации к 1960-м гг. возник свой собственный академический оппонент – сциентистский неомарксизм. Дело в том, что широкое увлечение гуманизацией марксизма разделялось не всеми неомарксистскими теоретиками. Во Франции в начале 1960-х гг. возросла критика гуманистического неомарксизма, что было связано с усилением в социогуманитарных науках позиций структурализма, а также интеллектуальными изысканиями французского философа Л. Альтюссера.

Целевой установкой Л. Альтюссера было «восстановление аутентичного марксизма» [12, с. 147]. Подлинный марксизм для французского философа – это исторический материализм, лишенный, как писал российский исследователь Н. В. Шихардин, «стремления быть привлекательным для кого-либо» [13, с. 5]. Отправной точкой альтюссеровской критики неомарксистов-гуманистов был тезис, что деление творчества К. Маркса на ранний и поздний периоды отражает не многообразие марксизма, а эпистемологический и аксиологический разрыв в марксистской теории. Если для гуманистических неомарксистов идеализм раннего К. Маркса был источником интеллектуальных поисков, то для Л. Альтюссера он служил «основополагающим различием между идеологической “проблематикой”... и научной “проблематикой”» марксизма [14, с. 321, 358]. Для структурного (структуралистского) марксизма ранний марксизм есть продолжение немецкого идеализма (немецкой идеологии), с которым К. Маркс решительно покончил и который не может использоваться ни для внутренней, ни для внешней рецепции в марксизм.

Подход Л. Альтюссера определил академическую ветвь неомарксизма. Академический неомарксизм – это проект антиутопического неомарксизма, лишенного изначального предвзятого

отношения к изучаемой действительности и каких-либо идеологических ожиданий в отношении ее будущего развития. Говоря аллегорически, философ воспринял неомарксистский изначальный посыл о марксизме как научном методе, но добавил, что это метод познания человеком капитализма, а не преодоления человеком капитализма. В то же время Л. Альтюссер не был скептиком в вопросе трансформации капиталистического порядка. Его скептицизм распространялся лишь на роль человека в этой трансформации. Л. Альтюссер придерживался материалистического понимания истории и хотел с помощью структурализма усилить доказательность объективной трансформации капитализма по К. Марксу, которая не зависит и не может быть ускорена гуманистическим просвещением масс и активизацией их воли к культурной революции. Бессубъектные структуры в капиталистическом порядке (в первую очередь способ производства), а не человек при капитализме становятся предметом изысканий в рамках структурного марксизма. Продолжая аллерию, скажем, что Л. Альтюссер приписывал марксистскому исследователю роль просвещенного наблюдателя объективной трансформации капитализма и тем самым – роль хранителя и транслятора марксистского оптимизма. Отличие в том, что для неомарксистов-гуманистов причиной оптимизма была вера во всепоглощающую силу критического сознания человека, а для Л. Альтюссера – законы истории.

Если рассматривать марксистский исторический материализм как результат моды на позитивизм в XIX в., то академический неомарксизм можно определить как продолжение этой традиции классического марксизма. Однако могут ли какие-либо марксистские исследования называться таковыми, если будут детерминированы только одной целью – познанием? С одной стороны, одиннадцатый тезис К. Маркса³ заставляет нас дать отрицательный ответ. С другой стороны, обстоятельный анализ творческого наследия К. Маркса показывает, что эмпирическому историческому и аналитическому экономическому материалу отец-основатель уделял несравнимо больше внимания, чем политическому целеполаганию. Более того, сложна сама природа марксизма как идеологии и футурологии.

Исходные установки К. Маркса и Ф. Энгельса в вопросе строительства коммунизма могут быть сведены к трем положениям. Первое заключается в том, что коммунизм как формация и как движение общественной силы есть естественное порождение капитализма. Исторический материализм защищал коммунистический проект от обвинений в фантазии и утопизме. Крах капитализма доказывался как объективная, экономически выведен-

ная, а следовательно, неизбежная стадия развития общества. Это давало марксистской футурологии научное обоснование по сравнению с предшествующими умозрительными проектами социалистов-утопистов (Т. Мор, Т. Кампанелла). Второе положение заключается в том, что никто из классиков марксизма не указывал конкретной даты наступления коммунизма. Отсюда и третье положение – отсутствие детально разработанной модели коммунистического общества, опять же в отличие от социалистов-утопистов.

О коммунизме К. Маркс писал не как о «состоянии, которое должно быть установлено», а как о «действительном движении, которое уничтожает теперешнее состояние» [15, с. 34]. На этот важный момент в понимании марксизма указывал К. Манхейм, когда в работе «Идеология и утопия» описывал особенности анархистского, либерального, консервативного и коммунистического мышления. Рассуждая о последнем, немецкий философ отмечал присущую коммунистам концентрированность на реальных условиях и имманентной динамике осуществления мечты [11, с. 58–59]. Диалектическая логика марксизма отвергает либеральный концепт будущего как отдаленной точки в линейном представлении времени. Будущее для марксистов – это всегда составная часть настоящего или, говоря языком Г. Гегеля, это момент, сопричастный в настоящем. К. Маркс по этому поводу писал: «Что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать непосредственно, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать» [16, с. 131]. Это не означает, что классический марксизм был лишен идеологического целеполагания, а лишь указывает на то, что идеологическое целеполагание не является сущностной характеристикой классического марксизма. Изъятие из классического марксизма нормативной составляющей не повлияет на его потенциал в изучении функционирования капиталистической формации XIX в. в отличие от теории неомарксистов-гуманистов. В рамках классического марксизма революция есть результат функционирования капитализма, условия и зрелость которой можно выявить посредством научного изыскания закономерностей исторического развития. Для неомарксистов-гуманистов же революция должна произойти по причине обоснованного интеллектуалами гуманистического долга масс даже в том случае, когда массы не признают своего репрессивного положения. Гуманистический неомарксизм, зародившийся как интеллектуальная оппозиция партийному догматизму, в результате превратил марксистский концепт революции в догму. Отсюда и описанное нами выше стремление неомарксистских интеллектуалов всячески укрепить марксист-

³Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.

скую теорию революции – своего рода желание побыстрее совершить анархистский скачок из одного общества в другое и рефлексия по поводу собственной интеллектуальной пользы, исходя лишь из одиннадцатого тезиса К. Маркса. Тот же Ж.-П. Сартр в своем повороте к марксизму исходил из далеко не познавательных причин: «Я начал изменяться под влиянием самой реальности марксизма, ощутимого присутствия на моем горизонте рабочих масс – угрюмого исполинского сословия, которое переживало марксизм, которое воплощало его в жизнь и на расстоянии неодолимо притягивало мелкобуржуазную интеллигенцию» [17, с. 21].

Литературное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса многообразно, как следствие, развитие марксизма непредсказуемо. Партийный марксизм и гуманистический неомарксизм генетически связаны с классическим марксизмом, отражают противоречия как марксистской теории, так и эпохи своего становления. Однако, несмотря на схожесть судеб марксизмов после Маркса, первоначальный (парадигмальный) неомарксистский посыл на академическую антидогматичность и антиидеологизм должен учитываться при планировании современных неомарксистских исследований.

Так, убежденность в позитивистской природе классического марксизма легла в основу формирования аналитического марксизма. В конце 1970-х гг. группой исследователей (С. Боулз, Дж. Коэн, Ф. В. Парийс, А. Пржеворски, Э. О. Райт, Дж. Ремер, Ю. Эльстер) была поставлена задача переосмысления марксистской теории на основе общепринятых научных методов: в первую оче-

редь на современном математическом и экономическом инструментарии (математическое моделирование, теория рационального выбора, теория игр), а также с применением логического и лингвистического анализа. Генезис аналитического марксизма был определен одним из его основателей – Э. О. Райтом – следующим образом: «Это направление выросло из идеи о том, что марксизм остается продуктивной интеллектуальной традицией, в рамках которой можно задавать новые вопросы и формулировать ответы на них; однако традиция эта часто отягощалась бременем методологических и метатеоретических положений, которые существенно уменьшали ее объяснительные возможности» [18, с. 122]. В рамках развития марксизма аналитический марксизм стремился к реализации конкретной гносеологической цели – приобретению марксизмом «статуса подлинной общественной науки» [18, с. 125]. Названная цель была достигнута посредством внедрения в марксистские исследования современного научного методологического аппарата и оформления марксизма в рамках аналитического способа мышления. С точки зрения аналитических марксистов, обогащение марксизма современными методами исследования не сделало его уникальным теоретико-методологическим подходом, а лишь привело в соответствие «научным стандартам» и сделало «более когерентной теоретической структурой» [19, с. 125, 2]. Уникальность же марксизма в социальной науке определяется, по мнению аналитических марксистов, остротой поднимаемых им вопросов [20, с. 176].

Заключение

Потенциал академического неомарксизма в том, что он ориентирует неомарксистские исследования на научную аутентичность. Это придает неомарксистскому методологическому подходу большую эвристичность, а следовательно, актуализирует марксистский дискурс в современных социальных науках. В противоположность излишняя нормативность, социальный критицизм и целеполагание гуманистического неомарксизма сближают его с идеологической ангажированностью и нивелируют его научный потенциал. Здесь речь не идет о «правильных» и «неправильных» неомарксистах. Вклад гуманистического неомарксизма в развитие мировой интеллектуальной мысли велик и общепризнан, однако он не должен выступать единственным критерием идентификации всех неомарксистских исследователей. Более того, мы осознаем, что излишняя сциентистская ориентация сама по себе сродни идеологической ангажированности. Однако именно она изначально послужила причиной генерации неомарксизма и стала его парадигмальным основанием. Неомарксизм может быть другим: от-

личным от своего традиционного восприятия как идеологически ангажированной методологии. Академическая ориентация задает следующие характеристики неомарксистского исследования:

- антинормативизм в том понимании, что из неомарксистского исследования исчезает целеполагание на изменение мира;
- позитивизм, который предполагает, что неомарксизм стремится к научной объективности;
- антипсихологизм (или системно-структурная ориентация), согласно которому цель неомарксистского познания – выявить закономерности общественно-экономического порядка, а не найти новые движущие силы истории (агентов революции). Выделение признаков двух традиций в неомарксизме (гуманистической идеологизированной и академической сциентистской) позволяет упорядочить неомарксистское наследие, дать основания для методологической идентификации исследователей-неомарксистов, а также сделать неомарксистский подход приемлемым для широкого круга исследователей.

Библиографические ссылки

1. Кагарлицкий БЮ. *Марксизм: не рекомендовано для обучения*. Москва: Алгоритм; 2005. 480 с. Совместное издание с «Эксмо».
2. Арагуэс ХМ. Состоявшаяся война: о гуманизме Мерло-Понти [Интернет; процитировано 7 января 2019 г.]. Доступно по: <http://gefter.ru/archive/14388>.
3. Рейх В. Дialeктический материализм и психоанализ. *Под знаменем марксизма*. 1929;7–9:180–206.
4. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса. В: Фромм Э. *Душа человека*. Москва: Республика; 1992. с. 375–414.
5. Готфрид П. *Странная смерть марксизма*. Москва: Мысль; 2009. 249 с. Совместное издание с «ИРИСЭН».
6. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. В: Андерсон П. *Размышления о западном марксизме*. Москва: Интер-Версо; 1991. с. 6–150.
7. Бернштейн Э. *Возможен ли научный социализм?* Одесса: Буревестник; 1906. 64 с.
8. Мюллер Я-В. Межвоенные эксперименты: новые люди, переделка душ. В: Мюллер Я-В. *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2014. с. 84–150.
9. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. *Полис. Политические исследования*. 1992;1:130–142.
10. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика просвещения*. Москва: Медиум; 1997. 310 с. Совместное издание с «Ювента».
11. Манхейм К. *Идеология и утопия*. Москва: ИНИОН; 1992. 155 с.
12. Гобозов ИА. Л. Альтюссер – выдающийся французский философ-марксист XX века. *Философия и общество*. 2014;1:146–163.
13. Шихардин НВ. *Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма*. Курган: Издательство Курганского университета; 2009. 132 с.
14. Альтюссер Л. *За Маркса*. Москва: Праксис; 2006. 390 с.
15. Маркс К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
16. Маркс К. К. Маркс – Ф. Д. Ньюенгейсу, 22 февраля 1883. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 35*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1964. с. 130–133.
17. Сартр Ж-П. *Проблемы метода*. Москва: Прогресс; 1993. 237 с.
18. Райт ЭО. Что такое аналитический марксизм? *Вопросы экономики*. 2007;7:121–138.
19. Wrigh EO. *Classes*. London: Verso; 1985. 182 p.
20. Roemer JE. *Free to lose: an introduction to Marxist economic philosophy*. Cambridge: Harvard University Press; 1988. 203 p.

References

1. Kagarlitskii BYu. *Marxism: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for learning]. Moscow: Algorithm. 2005. 408 p. Co-published by «Eksmo». Russian.
2. Aragüés JM. Held war: the humanism of Merlot-Ponty [Internet; cited 2019 January 7]. Available from: <http://gefter.ru/archive/14388>. Russian.
3. Reich W. [Dialectical materialism and psychoanalysis]. *Pod znamenem marksizma*. 1929;7–9: 180–206. Russian.
4. Fromm E. [Marx's Concept of Man]. In: Fromm E. *Dusha cheloveka* [Human soul]. Moscow: Respublika; 1992. p. 375–414. Russian.
5. Gottfried P. *Strannaya smert' marksizma* [The strange death of Marxism]. Moscow: Mysl'; 2009. 249 p. Co-published by the «IRISEN». Russian.
6. Anderson P. [Consideration on western Marxism]. In: Anderson P. *Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma* [Consideration on western Marxism. In the tracks of historical materialism]. Moscow: Inter-Verso; 1991. p. 6–150. Russian.
7. Bernstein E. *Vozmozhen li nauchnyi sotsializm?* [Is scientific socialism possible?]. Odessa: Burevestnik; 1906. 64 p. Russian.
8. Müller J-W. [Inter-war experiments: new people, soul alteration]. In: Müller J-W. *Mezhvoennye eksperimenty: novye lyudi, peredelka dush* [Contesting democracy: Political ideas in twenty-century Europe]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute; 2014. p. 84–150. Russian.
9. Matz U. [Ideologies as determinant of modern politics]. *Polis. Political studies*. 1992;1:130–142. Russian.
10. Horkheimer M, Adorno TV. *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow: Medium; 1997. 310 p. Co-published by the «Yuventa». Russian.
11. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Moscow: INION; 1992. 155 p. Russian.
12. Gobozov IA. [L. Althusser is an outstanding French Marxist philosopher of the XX century]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2014;1:146–163. Russian.
13. Shikhardin NV. *Frantsuzskii neomarksizm: protivostoyanie gumanizma i stsientizma* [French neo-Marxism: the confrontation of humanism and scientism]. Kurgan: Izdatelstvo Kurganskogo universiteta; 2009. 132 p. Russian.
14. Althusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow: Praksis; 2006. 390 p. Russian.
15. Marx K. [The German Ideology. Criticism of the latest German philosophy in the face of its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner and German Socialism in the face of its various prophets]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
16. Marx K. [K. Marx to F. D. Nieuwenhuis on 22 February 1883]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 35* [Collected works. Volume 35]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1964. p. 130–133. Russian.
17. Sartre J-P. *Problemy metoda* [Search for a method]. Moscow: Progress; 1993. 237 p. Russian.
18. Wrigh EO. What is analytical Marxism? *Voprosy ekonomiki*. 2007;7:121–138. Russian.
19. Wrigh EO. *Classes*. London: Verso; 1985. 182 p.
20. Roemer JE. *Free to lose: an introduction to Marxist economic philosophy*. Cambridge: Harvard University Press; 1988. 203 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2019.
Received by editorial board 02.03.2019.

УДК 323.1

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются идейные предпосылки и историческая обусловленность национальной политики большевиков. Соотносятся национализм и коммунизм как два типа освободительных движений начала XX в. Делается вывод о внутренней противоречивости советской национальной политики, обусловленной как особенностями мировоззрения большевиков, так и текущей политической конъюнктурой. Полученные сведения могут быть использованы в рамках исследований процессов национального строительства на постсоветском пространстве, а также в преподавании дисциплин социогуманитарного блока (политология, история белорусской государственности).

Ключевые слова: национализм; коммунизм; большевизм; интернационализм.

WORLD OUTLOOK ORIGINS OF THE NATIONAL POLICY OF BOLSHEVIKS

V. V. SHIMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ideological and historical background of the bolsheviks national policy is considered. It turns out that nationalism and communism correlate as two types of liberation movements at the beginning of the 21st century. The conclusion is made about the internal inconsistency of the Soviet national policy, due to both the contradictions of the worldview of the bolsheviks and the current political situation. The findings can be used in the study of the processes of national construction in the post-Soviet space, as well as in teaching the disciplines of the socio-humanitarian block (political science, history of the Belarusian statehood).

Keywords: nationalism; communism; bolshevism; internationalism.

Одним из главных и долгосрочных последствий победы Октябрьской революции была национальная политика советского государства, определяющая современную геополитическую конфигурацию постсоветского пространства, а также связанные с ней проблемы и противоречия. Национально-административное деление СССР сформировало территориальную матрицу его распада. В настоящее время попытки тех или иных форм реинтеграции постсоветских государств неизменно наталкива-

ются на противодействие элит, ревниво охраняющих свой сравнительно недавно обретенный суверенитет.

Попытки объединения постсоветского пространства, будь то Евразийский союз или Союзное государство России и Беларуси, по сути, воспроизводят ту же систему, на которой строилось политическое объединение республик в рамках СССР, – интернационализм. Интернационализм – доктрина, предполагающая социально-экономи-

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Мировоззренческие истоки национальной политики большевиков. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:93–97.

For citation:

Shimov VV. World outlook origins of the national policy of bolsheviks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:93–97. Russian.

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
shimoff@rambler.ru

ческое объединение национальных государств и дружбу народов при сохранении их национально-культурной обособленности. Интернационализм пытается примирить две противоположные тенденции: тенденцию к глобализации, которая обуславливает потребность в политическом и экономическом объединении, несмотря на национально-культурные ограничения, и национальный патриотизм, который сопротивляется унифицирующему воздействию глобализации. Именно в этом и видят мудрость интернационализма его сторонники, полагая, что он способен эффективно решить задачу совмещения глобализации с национально-культурной неоднородностью человечества.

Исторический опыт, однако, показал крайнюю неустойчивость интернациональных образований. К концу XX в. рухнули все государства, основанные на его принципах: СССР, Югославия, Чехословакия. Сторонники интернационализма склонны видеть иные, неидеологические, причины данной ситуации. Действительно, сложно не согласиться с тем, что сам по себе интернационализм не являлся первопричиной гибели упомянутых государств. Но все же он внес немалую лепту в печальный финал их существования. Ведь территориальный распад многонациональных объединений проходил по национально-административным границам, сформированным предшествующей политикой интернационализма. Таким образом, интернационализм формировал матрицу распада созданных им государств. Интернациональная политика сохранения и поддержания национальных границ в рамках больших политических проектов так и не смогла преодолеть противоречия между нуждами глобализации и национальным эгоизмом, который неизменно «взрывал» интернациональное государство в кризисный момент.

Была ли советская национальная политика неизбежностью? На этот вопрос сегодня, как правило, дают два взаимоисключающих ответа. Первый сводится к тому, что подъем национальных движений на территории Российской империи не оставил большевикам иного выбора, кроме как объявить право наций на самоопределение и «пересобрать» государство в качестве федерации национальных республик. Второй вариант ответа утверждает, что реальный подъем национализма в России не был столь значителен, а большевики занимались искусственным конструированием наций, руководствуясь сугубо доктринерскими рассуждениями о национальном вопросе.

Чтобы установить истину, будет нелишним вспомнить, что представлял собой большевизм как идеология. Он стал продуктом своей эпохи, выросшим из объективных противоречий мировой ка-

питалистической системы того времени. Это была идеология радикального отрицания капитализма, ориентированная на глобальное переустройство общества на принципиально новых началах. Будучи идеологией социального протеста, большевизм вместе с тем был основан на чувстве глубокого исторического оптимизма, характерного для быстро развивавшейся индустриальной цивилизации начала XX в. Вера в прогрессивное развитие человечества была сильной стороной радикальных социалистических движений, обеспечившей им немалую популярность на Западе и ставшей важной предпосылкой прихода к власти большевиков после Октябрьской революции в России.

Следует подчеркнуть, что коммунизм виделся как глобальная перспектива для всего человечества, которое в будущем должно преобразиться в единый мир «без России, без Латвии»¹. Этот глобалистский аспект коммунизма всегда предполагался как стратегическая цель, хотя и остался наименее разработанным, поскольку, вдохновленный идеями Маркса и его последователей, коммунизм концентрировался в первую очередь на классовой борьбе.

Большевизм – космополитическая идеология, в силу чего национальный вопрос всегда был периферийным в сознании его представителей. Однако именно эта периферийность в конечном счете обусловила противоречивость советской национальной политики.

Феномен наций и национализма – продукт развития капиталистической системы. Первоначально национальные государства оформлялись как конкурирующие центры накопления капитала в Западной Европе. Одновременно все они были метрополиями обширных колониальных империй, обеспечивавших формирование крупных и относительно самодостаточных рынков, необходимых для циркуляции и накопления капитала.

Впоследствии национализм начинает активно развиваться в имперских колониях, причем происходит это не столько в результате колониального угнетения, сколько в результате развития и модернизации колоний в рамках империй. Как следствие, в колониях формируются собственные элиты, которые начинают тяготиться своим положением в имперской иерархии, считая его стесненным и унижительным. Так возникает освободительный колониальный национализм (национально-освободительные движения), противостоящий гнету имперских метрополий и направленный на преобразование колоний в национальные государства, копирующие многие социально-политические институты метрополий. Трансформация колоний в национальные государства, независимые от им-

¹Маяковский В. Товарищу Нетте пароходу и человеку // Полн. собр. соч. М., 1957.

перских метрополий, но имитирующие их устройство, мыслилась как формула, которая позволит угнетенным народам повторить успех их угнетателей. Первым и наиболее успешным примером такого рода движений стала борьба за независимость североамериканских колоний Британской империи в конце XVIII в. Исторический успех США стал ориентиром для колониальных национализмов по всему миру.

Таким образом, к началу XX в. мир оказался охвачен двумя типами освободительных движений: коммунистическим и националистическим. Между ними существовало одно принципиальное отличие. Коммунизм был идеологией глобальной, ориентированной на все человечество. Формат национального государства воспринимался коммунистами со скепсисом как один из институтов буржуазного общества, которому в будущем суждено раствориться в планетарном коммунистическом социуме. Национализм, напротив, был идеологией, основанной на примате сугубо местных (национальных) интересов, и равнодушной, а то и враждебной к глобальной повестке. Вместе с тем жесткой грани между коммунизмом и национализмом тоже не было, и практически все националистические течения обзаводились «левой», социалистической фракцией, апеллировавшей к авторитету К. Маркса и проблемам социальной справедливости.

Эта двойственность во многом определила характер национальной политики большевиков. Будучи носителями космополитической, глобалистской идеологии, большевики вместе с тем не могли игнорировать и рост национально-освободительных движений. Очевидно, как компромисс с националистическими течениями, призванный привлечь их на сторону большевиков, и возникает принцип ленинского интернационализма, который, с одной стороны, признает право наций на самоопределение, а с другой – ориентирует освобожденные нации на объединение в рамках социалистической федерации. Моделью такой мировой социалистической федерации и должен был стать СССР.

Насколько сильны были националистические тенденции на территории Российской империи во время революции и гражданской войны? Российская империя в начале XX в. представляла собой быстро развивавшуюся капиталистическую державу, являвшуюся сухопутной империей. Появление антагонизма между имперской метрополией и окраинами вполне укладывалось в логику капиталистического развития, поэтому сам по себе всплеск национализма угнетенных окраин в результате революции был вполне закономерен. Но нельзя забывать, что российский капитализм был во многом запаздывавшим и периферийным, поэтому сильные национальные элиты на имперских окраинах еще не успели развиваться и в лучшем слу-

чае находились в стадии становления. Единственным исключением оказались наиболее развитые «колонии»: Польша, Финляндия, а также Прибалтика (в период 1921–1940 гг.), которые в результате революции смогли добиться независимости и создать национальные государства. Кроме того, поскольку Россия была сухопутной империей и четкие границы между метрополией и окраинами отсутствовали, нередко возникал вопрос, что считать метрополией, а что – окраиной. Особенно это касалось территорий с восточнославянским населением, где имперский общерусский патриотизм сталкивался с местническими, областническими тенденциями, нередко перераставшими в антиимперский национализм, как это произошло на Украине, в Беларуси и частично на Дону и Кубани.

Следует признать, что на фоне грандиозной революционной катастрофы, пережитой Россией, всплеск национализма оказался весьма слабым. В результате к исходу гражданской войны примерно 80 % территории бывшей Российской империи были объединены большевиками в рамках РСФСР, которая в таком виде и выступила одним из соучредителей СССР.

Последующее образование новых республик происходило уже в рамках стабилизированной советской государственности в условиях становления жесткой однопартийной диктатуры, т. е. оно никак не могло быть уступкой большевиков национальным движениям. По сути, это был исключительно идеологический проект: советская власть демонстрировала миру, как освобожденные народы повышают свой статус в рамках социалистической федерации.

При этом нельзя забывать, что интернационализм никогда не рассматривался большевиками как самоцель, а воспринимался скорее как переходная стадия к глобальному коммунистическому обществу, где отомрут культурные и языковые различия и исчезнут все формы государственности, включая национальные республики. В статье Я. В. Лоя «Общий язык», опубликованной в 1934 г., т. е. в разгар сталинской коренизации, обсуждается перспектива перехода на единый мировой язык и отмирание национальных языков при социализме. В частности, автор пишет: «Что касается исчезновения национальных языков, то необходимо твердо подчеркнуть, что раздробленность человечества на нации ослабляет его силы. Упростить языковое общение человечества – значит поднять его на высоту мощи и силы. Необходимым следствием социалистического строя будет рост международных сношений. Уничтожение всяких помех этому – и прежде всего, как самой важной, различий языков – является с точки зрения развития, прогресса, делом, заслуживающим величайшей похвалы» [1].

Показательны в этом плане образы коммунистического будущего в советской фантастике. В коммунистической утопии И. Ефремова «Туманность Андромеды» показано человечество, лишенное национально-культурных различий и говорящее на едином языке. Аналогичный образ можно увидеть в повести Г. Мартынова «Гость из бездны» [2], где коммунистическое человечество разговаривает на мировом языке, являющемся потомком русского. В этом можно усмотреть своеобразный патриотизм автора, однако, думается, дело не только в нем. Во вселенной Г. Мартынова, где коммунизм начал распространяться из СССР, вполне логично, что мировой язык возник на основе «языка Ленина».

В 1968 г. уже на заре брежневской эпохи, свет увидела книга Э. П. Сवादост «Как возникнет всеобщий язык?» [3], в которой также обсуждается перспектива будущего единого языка безнационального коммунистического человечества.

Таким образом, национальное самоопределение использовалось советской властью скорее в политехнологических целях и было в большей степени ориентировано на привлечение на сторону СССР национально-освободительных движений по всему миру. Разграничение национальных образований, а также определение их статуса в административной иерархии (союзная республика – автономная ССР – автономная область – автономный округ) осуществлялось достаточно произвольно. Иногда те или иные национальные республики и вовсе создавались для решения краткосрочных политических задач, как это было в случае с Карело-Финской ССР, созданной, по сути, в качестве базы для коммунистического движения Финляндии и впоследствии упраздненной за ненадобностью.

При этом стратегической целью большевиков всегда были социальная интеграция человечества и нивелировка национальных отличий, а национальное строительство у освобожденных народов должно было стать переходной стадией к этой фазе. Известно, что на заре советской власти шла активная разработка литературных языков народов СССР на базе латинского алфавита, существовали планы по переводу на латиницу русского языка. Делалось это для социокультурного сближения братских народов, при этом латинский алфавит, на котором основана письменность передовых стран Запада, рассматривался как наиболее перспективный для коммунистического человечества. В тот же период весьма распространенным среди советских и зарубежных коммунистов было увлечение искусственным языком эсперанто, который рассматривался как вероятный претендент на роль общечеловеческого мирового языка. Со временем, когда стало понятно, что мировая революция откладывается на неопределенное время, эксперименты с латиницей и эсперанто были отложены, а русский язык стал основным средством коммуникации

в СССР, хотя отголоски увлечения эсперанто среди советских языковедов сохранялись еще долго. Подтверждение этому – упомянутая выше книга Э. П. Сवादост.

Таким образом, национальное разграничение в рамках СССР сложно считать уступкой большевиков объективным национальным требованиям, поскольку на момент революции большинство национальных движений на территории Российской империи находились на ранней стадии формирования. Национальное разграничение территории РСФСР, которая первоначально включала до 80 % владений бывшей Российской империи, производилось уже после окончательной победы большевиков сверху, в рамках стабилизированной однопартийной диктатуры. Советская национальная политика была в значительной степени ориентирована на национальные движения за пределами СССР, в которых большевики видели важных союзников в деле мировой революции. При этом интернациональная стадия рассматривалась как временный, переходный этап на пути к полностью безнациональному коммунистическому человечеству.

СССР так и не удалось преодолеть противоречие между глобальными устремлениями советского проекта и узконациональными интересами союзных республик и элит. В конце 1930-х гг. это противоречие обернулось массовыми репрессиями в отношении национал-коммунистов (парадоксально, но именно в этот период число национальных образований внутри СССР резко возросло). Поддержка национальных языков и культур входила в противоречие с все более широким распространением русского языка в советских республиках с появлением общего хозяйственного комплекса, урбанизацией, индустриализацией, активной миграцией населения.

По мере разрушения коммунистической идеологии и разложения советского строя элиты союзных республик закономерно воспользовались созданной в рамках СССР национально-политической инфраструктурой для повышения своего статуса. Это стало одной из важнейших предпосылок распада СССР.

Вместе с тем советскую национальную политику нельзя рассматривать исключительно как продукт большевистского волюнтаризма. Логика развития Российской империи как капиталистического государства формировала противоречие интересов между метрополией и перифериями, как это было и в других колониальных империях. А значит, подъем национализма был неизбежен независимо от того, пришли бы к власти большевики или нет. Другой вопрос, что контуры национального разграничения в этой гипотетической России без большевиков могли существенно отличаться в силу отсутствия четких границ между метрополией и окраинами.

Библиографические ссылки

1. Лоя ЯВ. Общий язык [Интернет; процитировано 24 октября 2018 г.]. Доступно по: <http://crecleco.serioc.ch/textes/Loja34.html#1>.
2. Мартынов Г. *Гость из бездны*. Ленинград: Лениздат; 1966. 420 с.
3. Сवादост Э. *Как возникнет всеобщий язык?* Москва: Наука; 1968. 287 с.

References

1. Loya YaV. Common language [Internet; cited 2018 October 24]. Available from: <http://crecleco.serioc.ch/textes/Loja34.html#1>. Russian.
2. Martynov G. *Gost' iz bezdny* [Guest from the abyss]. Leningrad: Lenizdat; 1966. 420 p. Russian.
3. Svadost E. *Kak vozniknet vseobshchii yazyk?* [How will universal language arise?]. Moscow: Nauka; 1968. 287 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2019.
Received by editorial board 29.03.2019.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 316.64

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ «ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА»

М. В. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь

Исследуется образ будущего, созданный советскими фантастами Аркадием и Борисом Стругацкими в повести «Хищные вещи века» (1964). Под образом будущего понимается сотворенный писателем, художником или кинематографистом целостный, правдоподобный и эстетически безупречный художественный мир, события в котором происходят спустя некоторый промежуток времени после создания произведения. Действие повести «Хищные вещи века» разворачивается в 2019 г., что дает возможность проанализировать различные тенденции развития техники и технологий, науки и социальной сферы с середины XX в. до наших дней, отметить значимые события и изобретения, которые обусловили становление современного нам общества, обнаружить, какие особенности тех или иных явлений обеспечили их существование в сегодняшней реальности, в то время как другие тенденции оказались тупиковыми. Исследование данного произведения значимо потому, что человечество описывается на переходном этапе к миру утопического будущего, где будет решено большинство острых экономических и социальных противоречий, характерных как для общества 1960-х гг., так и для современного социума. Аркадий и Борис Стругацкие сосредоточили особое внимание на описании личностных и социальных проблем, возникших в развитом обществе потребления, на субкультурах, пришедших на смену единой государственной идеологии. Анализируются примеры технологического, социального и культурного предвидения: широкое использование вторичных ресурсов, синтетическая еда, внедрение беспилотного транспорта, разнообразные явления в сфере культуры и индустрии развлечений. Отмечаются несбывшиеся прогнозы Стругацких (рост общего благосостояния, исчезновение имущественного расслоения, возникновение новой педагогики).

Ключевые слова: братья Стругацкие; научная фантастика; предвидение; коммунизм; прогноз; футурология; потребление; субкультуры.

Образец цитирования:

Шамякина МВ. Опыт изучения социальных процессов на материале повести братьев Стругацких «Хищные вещи века». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:98–110.

For citation:

Shamyakina MV. A case study of social processes in a novel «Predatory things of the century» by the Strugatsky brothers. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:98–110. Russian.

Автор:

Мария Вячеславовна Шамякина – кандидат филологических наук; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Author:

Mariya V. Shamiakina, PhD (filology); associate professor at the department of social studies and humanities. shamyakina@tut.by

A CASE STUDY OF SOCIAL PROCESSES IN A NOVEL «PREDATORY THINGS OF THE CENTURY» BY THE STRUGATSKY BROTHERS

M. V. SHAMIAKINA^a

^a*Institute of Border Service of the Republic of Belarus, 4 Slavinskaya Street, Minsk 220103, Belarus*

The paper investigates the image of the future created by Soviet science fiction writers Arkady and Boris Strugatsky in the novel «Predatory things of the century», published in 1964. Under the image of the future, the author of the work understands the whole, believable and aesthetically perfect artistic world created by the writer, artist or filmmaker, the events in which occur after a certain period of time after the creation of the work. The action of the story «Predatory things of the century» takes place in 2019, which makes it possible to analyze various trends in the development of technology, science and social sphere from the mid-twentieth century to the present day, to note significant events and inventions that led to the formation of our modern society. And also to identify what features of certain phenomena have ensured their existence in the reality of today, while other trends have been deadlocked. The special significance of the study of this work is attached to the fact that it describes humanity in the transition to the world of the utopian future, where most of the acute economic and social contradictions characteristic of both the society of the 1960s of the twentieth century and today will be solved. At the same time, Arkady and Boris Strugatsky focused special attention on the description of personal and social problems that have arisen in the developed consumer society, as well as on the place in the society of the future subcultures, obviously replaced the unified state ideology. The paper analyzes the examples of technological, social and cultural foresight. Such phenomena as the widespread use of secondary resources, synthetic food, the introduction of unmanned vehicles, a variety of phenomena in the field of culture and entertainment industry are confirmed in our day. The forecasts of Strugatsky regarding the evolution of society did not come true: the growth of general welfare, the disappearance of the property stratification, the emergence of new pedagogy.

Keywords: Strugatsky brothers; science fiction; foresight; communism; forecast; futurology; consumption; subcultures.

Введение

Писатели всегда описывали состояние социума на том или ином историческом этапе, давали оценку различным общественным процессам и их влиянию на жизнь конкретного человека. А писатели-фантасты, кроме того, неоднократно предугадывали не только научно-технические достижения, но и смену экономических, ценностных, культурных парадигм развития общества. Ведь фантастика демонстрирует как свершившийся факт те тенденции, которые имеют значительный потенциал будущего развития.

Л. Г. Титаренко в работе «Будущее общества сквозь призму взглядов зарубежных социологов», ссылаясь на работы Х. Йоса, пишет, что сегодня наиболее продуктивно исходить из признания того, что «в мире не действуют жесткие законы детерминации, а, напротив, огромную роль играет случайность. Отсюда следует, что нельзя точно определить будущее мира. Можно лишь проанализировать вероятностные сценарии его развития и выяснить

условия их реализации» [1, с. 25]. Одним из инструментов, обеспечивающих подобный подход, может стать именно исследование произведений научной фантастики, так как в них демонстрируется образ возможного будущего, анализируются проблемы и перспективы общества, избравшего тот или иной путь развития. Поэтому исследование произведений жанра научной фантастики является актуальным и востребованным не только для филологов, но и для социологов, политологов, экономистов.

Объект данного исследования – повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Хищные вещи века». И выбор этот неслучаен. Дело в том, что действие повести «Хищные вещи века» происходит с 16 по 18 апреля 2019 г. [2, с. 5], т. е. это произведение описывает реальность нашего *сегодняшнего дня* такой, какой представляли ее братья Стругацкие в 1963–1964 гг. (повесть опубликована в 1964 г.).

Предмет исследования – социокультурные процессы, описанные в повести.

Сюжет повести «Хищные вещи века»

На первый взгляд повесть имеет детективный сюжет. Ее главный герой Иван Жилин, сотрудник секретного отдела Совета Безопасности, прибывает в курортный город, название которого не упоминается, как, впрочем, и страна, в которой он находится. Задача Жилина – обнаружить источник распространения нового наркотика, известного как «слег» и приведшего к смерти минимум восьми

человек. В начале действия повести известно лишь то, что наркотик, вероятно, происходит именно из этого города, поскольку все погибшие побывали там накануне своей смерти. Обстоятельства их гибели загадочны. Все жертвы наркотика скончались в ванне с водой, в которую были добавлены таблетки репеллента «Девон». И во всех случаях в ванной комнате работал радиоприемник.

Такова детективная завязка произведения. Развязка, однако, нехарактерна для классического детектива. Злодея в этой истории просто не окажется, как не будет и тайной преступной организации или какой-либо группы злоумышленников. Зло, вопреки классическим традициям детектив-

ного жанра, не будет наказано, справедливость не восторжествует. Более того, главный герой и его руководители так и не придумают, как вообще можно разрешить сложившуюся ситуацию. Да и разыскиваемый наркотик окажется не совсем наркотиком.

В шаге от утопии

Действие повести происходит в том же мире, что и в знаменитой утопии Стругацких «Полдень, XXII век», только приблизительно на сто лет раньше. Здесь мы видим очередной этап *перехода* человечества к счастливому обществу будущего, причем многие черты грядущего общества уже угадываются. Имеет смысл рассмотреть их подробно.

В первую очередь обращают на себя внимание два аспекта. Первый – возможность прокормить растущее население Земли и в целом обеспечить всем людям необходимый минимум материальных благ. Подчеркнем, это именно возможность, поскольку в мире «Хищных вещей» пока есть и бедность, и голод, но они обусловлены не объективным дефицитом, а действиями властей отдельных государств. Второй аспект – это зачатки той системы воспитания и образования, которая скоро приведет человечество к утопическому Полудню.

Не раз писатели-фантасты и литературные критики, а также читатели отмечали, что очень многие предвидения Аркадия и Бориса Стругацких, высказанные именно в «Хищных вещах века», сбылись. В действительности их даже больше, чем кажется на первый взгляд.

Социальные прогнозы Стругацких кажутся удивительными, если учесть, в какое время писалась повесть. Например, читатели понимают, что на Земле по-прежнему существует капитализм. Социализм, правда, уже перерос в коммунизм. Это случилось еще в конце XX в., во время действия повести «Страна багровых туч», где фигурирует государство ССКР – не что иное, как Союз Советских Коммунистических Республик.

Так, по мнению Стругацких, к 2020-м гг. общество изобилия будет построено и в коммунистическом мире, и в капиталистическом. Современного читателя этот факт даже несколько смущает: как можно было *советским* писателям в середине 1960-х гг. описать благополучный, процветающий Запад, где единственная проблема – скука, охватившая некоторых граждан? Впрочем, второе издание повести вышло только в 1980 г. и, возможно, вследствие именно таких идеологически сомнительных предвидений.

Авторская вселенная «Хищных вещей века» – это мир материального изобилия. При этом в описанном Стругацкими 2019 г. нет ни глобализма, ни империализма. В стране, описанной в повести, мы не наблюдаем никакого существенного имуще-

ственного расслоения или социальных конфликтов. Также не существует и транснациональных корпораций, во всяком случае, они нигде не упоминаются. Практически все население Европы, США и бывшего СССР живет в покое и достатке.

При этом в других регионах мира по-прежнему есть горячие точки. Называются даже конкретные государства, где обстановка далеко не благополучна. Например, главный герой повести Иван Жилин узнает из утренней газеты, что «в Боливии правительственные войска после упорных боев овладели городом Рейес, мятежники оттеснены за реку Бени» [2, с. 120]. Или еще серьезнее: «Генеральный секретарь ООН направил генералиссимусу Орельяносу официальное послание, в котором предупредил, что в случае повторного применения экстремистами атомных гранат в Эльдorado будут введены полицейские силы ООН» [2, с. 120]. Итак, по представлениям Стругацких, в 2019 г. в ходе локальных вооруженных конфликтов будет применяться атомное оружие, причем эта новость фигурирует среди прочих и, похоже, не является вопиющей.

Герой повести встречает жителя одного из таких неблагополучных государств. Согласия они не достигают, поскольку их мировоззрения в корне различаются. Жилин искренне сочувствует тяжелому положению простых жителей далекой страны, но власть имущих, как и тех, кто стремится прийти им на смену, он не понимает: «Они были самыми яростными патриотами, горячо и пространно говорили о любви к народу, но всякую помощь извне решительно отвергали, потому что не любили ничего, кроме власти, и никого, кроме себя, и готовы были во славу народа и торжества высоких принципов уморить свой народ – если понадобится, до последнего человека – голодом и пулеметами» [2, с. 186].

Таким образом, где-то в мире «Хищных вещей века» продолжается ожесточенная борьба за политическую власть, но жители цивилизованных стран воспринимают такое положение как анахронизм. Все люди будущего, описанного Стругацкими, достаточно образованны и рассудительны, потому просто не нуждаются в стороннем надзоре и диктате. Тем более в то же самое время власть как в Европе, так и в ССКР практически незаметна (похоже, в стране создано либеральное государство-минимум). И это снова изумляет нашего современника. В мире Полудня и государство (явно в формате «минимум»), и общество весьма либеральны, и переход

к такому укладу от социализма 1960-х гг. выглядит довольно естественным.

Действие повести «Хищные вещи века» происходит в некой южной европейской стране у моря. Многие читатели полагают, что имеются в виду территории Италии, Испании, Франции или Португалии. Но с тем же успехом это может быть и Словения, Босния, Черногория или Македония. Имена местных жителей вовсе не итальянские или французские. Мэра города зовут Флим Гао, хозяйку пансиона – Вайна Туур, а ее дочь – Вузи, местную приятельницу Римайера – Илина, парикмахера – мастер Гаозэй. Из этого городка родом и бывший коллега главного героя Пек Зенай.

В недавнем прошлом и здесь, в этой европейской стране, был вооруженный конфликт. Иван вспоминает свой первый визит в этот город в те смутные времена: «Нас высаживали ночью, лил дождь, семь тысяч измученных курортников стояли на пирсах, глядя на догорающий лайнер. Города мы не видели, вместо города была черная мокрая пустота, мигающая красными вспышками» [2, с. 27].

Экономика изобилия

Сейчас нас интересует вопрос: как же было достигнуто то изобилие, которое стало главной отличительной чертой художественного мира «Хищных вещей века»? А достигнуто оно было именно так, как пытаемся его достичь и мы, жители реального 2019 г., – путем создания новых продуктов питания, товаров и услуг.

Один из персонажей повести, доктор философии Опир, говорит главному герою: «Были, конечно, Маркс и Фрейд. Маркс, например, первым понял, что все дело в экономике. Он понял, что вырвать экономику из рук жадных дураков и фетишистов, сделать ее государственной, безгранично развить ее – это и означает заложить фундамент Золотого Века. А Фрейд показал, для чего, собственно, нам нужен этот Золотой Век» [2, с. 73].

Трудно сказать, что именно подразумевает Опир под «безграничным развитием экономики». В произведении мы не встречаем никаких признаков кризиса перепроизводства. Скорее, можем заподозрить грамотное планирование объемов выпуска продукции и продуманную систему их распределения.

В произведении неоднократно подчеркивается, что продуктов питания человечество производит более чем достаточно. Но как? А вот как: «...обязательно посетите наши синтезаторы “Рог Амальтеи АК”. <...> Об этом надо писать, это величайшее таинство сегодняшнего дня, бифштексы из воздуха, спаржа из глины, трюфели из опилок... Как жаль, что Мальтус умер! Над ним хохотал бы сейчас весь мир!» [2, с. 73] Этот монолог также принадлежит певцу прогресса – философу Опир.

Любопытно, что военные действия совершались здесь, судя по всему, не более десяти лет назад, но ничто о прошлом уже не напоминает. Изменения в укладе жизни, ценностях и интересах граждан произошли необыкновенно быстро. К добру ли эти изменения – другой вопрос.

Вообще для Стругацких одной из важных творческих задач был показ *трансформации общества*, а не просто описание утопии как данности. Если проанализировать все произведения, действие которых происходит в литературной вселенной Полудня, то мы увидим, что писателей интересовали не только позитивные перемены, но и тупики развития, непродуктивные идеи, охватившие сознание масс. Именно такое общество, отчасти процветающее, а по отдельным параметрам явно зашедшее в тупик, и представляют фантасты в «Хищных вещах века». Причем тупик в произведении не один и определенные негативные процессы поражают не только мир условного «капитализма». Но об этом будет подробно сказано ниже.

Далее он развивает свою мысль, и мы видим, что успехи в изготовлении искусственной еды действительно впечатляют: «На последнем Брюссельском конкурсе коньяков произошел грандиознейший скандал, который удалось замять с огромным трудом. Гран-при получает девиз “Белый Кентавр”. Жюри в восторге. Это нечто небывалое. Это некая феноменальная феерия ощущений! Вскрывают заявочный пакет и – о ужас! – это синтетик! Великий Дегустатор побелел как бумага, его стошнило! Мне, между прочим, довелось попробовать этот коньяк, он действительно превосходен, но его гонят из мазутов, и у него даже нет собственного названия. Эй экс восемнадцать дробь нафтан, и он дешевле гидролизного спирта...» [2, с. 74].

Выходит, люди середины 1960-х гг. опасались, что искусственная еда будет хуже натуральной именно по своим вкусовым качествам. Реальность внесла свои коррективы. Современная еда, одобренная усилителями вкуса и разного рода добавками, наоборот, нередко привлекательнее и вкуснее натуральных продуктов. А вот о вреде такой пищи для здоровья фантасты не задумывались. Поэтому упоминаемые в книге пищевые продукты вообще в лучшем случае полуфабрикаты, изготовленные на уже упомянутых синтез-комбинатах. А Римайер, один из второстепенных персонажей, кроме того, подозревает, что «все здесь дрянью пропитывают» [2, с. 19]. Позднее окажется, что человек, разочаровавшийся в окружающем мире со всем его прогрессом и процветанием, увлекся местным супернаркотиком, гарантирующим уход от реальности. Но большинство граждан, похоже,

искренне наслаждаются дарами прогресса. Например, в доме тетушки Вайны, квартирной хозяйки Жилина, стоит кулинарный автомат, который готовит еду из синтетических ингредиентов. Однако не только еду, но и самые разные предметы синтезируют из вторсырья. Возможно, тут Стругацкие предвидели что-то вроде 3D-принтеров? На эту тему в мире «Хищных вещей» даже шутят: «Слава богу, “Сикстинских мадонн” пока еще не научились синтезировать из опилок» [2, с. 143].

Интересным представляется и то, что в наше время сам процесс химического синтеза еды от нас скрыт, а в мире повести он выставлен напоказ. Там *гордятся* искусственной едой, а у нас *обманывают* потребителя и выдают ее за настоящую. Вообще сегодня искусственная еда не считается великим достижением прогресса, хотя на самом деле это так.

Оптимизм по поводу возможности создавать еду нетрадиционными способами был обычным явлением для 1960–70-х гг. Например, в одном из рассказов В. Шукшина герой мечтает о еде в таблетках, на которую не надо тратить времени и сил. Однако Стругацкие оказались более правы, чем Шукшин, а заодно и многие другие фантасты: в действительности мало желающих отказаться от наслаждения вкусом пищи. Более того, еда все чаще становится объектом зависимости. А ведь именно сегодня существуют разного рода препараты, способные удовлетворить потребности человека в основных питательных веществах.

Однако братья Стругацкие сумели уловить *основную тенденцию*: в обиход наших современников вошла еда, требующая минимальных усилий по приготовлению, достаточно разнообразная и вкусная благодаря искусственным компонентам.

В середине 1970-х гг. даже ученые слабо представляли себе, насколько широко будут применяться достижения химии в пищевой промышленности в начале XXI в. Например, орбитальные станции, предназначенные для проживания большого числа космических поселенцев, должны были оснащаться не только гидропонными огородами, но и фермами. На рисунках Стенфордского тора можно видеть загоны для коров! А ведь это проект, предложенный в 1975 г., через 11 лет после выхода повести «Хищные вещи века».

Кстати, по представлениям Стругацких, в 2019 г. космические поселения должны были уже активно функционировать. Более того, из утренней газеты Иван Жилин узнает: «Космический отдел ЮНЕСКО сообщает, что относительный прирост населения внеземных баз и плацдармов приближается к приросту населения на Земле» [2, с. 120].

Но при этом ни писатели-фантасты, ни художники-фантасты в своем большинстве не могли и вообразить современных открытий в области производства продуктов питания.

Однако искусственная еда как в мире «Хищных вещей», так и сегодня помогает решать проблему обеспечения продовольствием растущего населения Земли. А Стругацкие по поводу прироста населения оптимистичны. Во всяком случае, таков философ Опир, уверенный, что над Мальтусом «хотел бы сейчас весь мир» [2, с. 73].

Собственно, если учесть активное заселение людьми космического пространства и решенную проблему голода, у Опира есть поводы для оптимизма. Знаменитый доклад Римского клуба «Пределы роста» будет опубликован только в 1972 г., через восемь лет после выхода повести, а советскому читателю он станет известен несколько позднее. Сегодня же рассуждения Опира кажутся нам совершенной утопией. Он описывает картину, где нет ни голода, ни проблем с энергоресурсами и экологией, а при этом население Земли бурно растет: «Я оглядываюсь назад и с горечью вижу, как слепы они были – потрясатели душ и властители умов недалекого прошлого. Сознание их было омрачено беспрерывным ужасом. Социальные дарвинисты! Они не верили в возможность существования, видели только сплошную борьбу за существование: толпы остервенелых от голода людей, рвущих друг друга в клочки из-за места под солнцем, как будто оно только одно, это место, как будто солнца не хватит для всех!» [2, с. 28].

Сегодня исследователи, которые не согласны с доводами, изложенными в докладах Римского клуба, также говорят о необходимости заселять космическое пространство в качестве альтернативы ограничению рождаемости. Так, президент Русского космического общества, советник Российской академии естественных наук Алексей Гапонов, опираясь на идеи К. Э. Циолковского, предлагает: «Нужно смотреть в будущее, в космос. Правильно осмысливать свое место и роль в нем. Верно применять законы развития жизни как космопланетарного явления. Осваивать космическое пространство. На текущем этапе, прежде всего – ближний космос» [3, с. 40].

Однако противоречие с реальностью в данном случае еще глубже. Из текстов Стругацких, описывающих будущий мир Полудня, известно, как была решена проблема обеспечения энергетических потребностей растущего человечества. В первом из произведений цикла, описывающего мир Полудня, – повести «Страна багровых туч» (1952) – герои отправляются покорять Венеру, чтобы привозить оттуда на Землю обогащенный уран и трансураниевые элементы. В начале XXI в. на Земле и вне ее термоядерная энергия используется повсеместно. А из приведенной цитаты понятно, что к описанному в «Хищных вещах века» 2019 г. «мирный атом» не просто получил широкое распространение – теперь ядерное оружие используют и разного рода экстремисты.

Думается, если бы эти прогнозы Стругацких сбылись, человечество к настоящему времени уже бы вымерло или активно вымирало. В том же докладе «Пределы роста» доказывается, что невозможно одновременно сохранять высокий уровень потребления и прежнюю рождаемость и при этом избежать экологической катастрофы, особенно если активно использовать атомную энергетику. Этот тезис лишний раз подтверждает авария в марте 2011 г. на атомной станции Фукусима. Это случилось в одной из самых технологически развитых стран мира, однако последствия катастрофы не ликвидированы до сих пор.

Тем не менее в художественном мире братьев Стругацких неиссякаемые источники дешевой энергии, благодаря в том числе и месторождениям на Венере, позволили землянам построить высоко-развитое технологическое общество уже к 2019 г. В капиталистической стране, где происходит действие «Хищных вещей века», многие товары можно

получить бесплатно, их развозят по городу на специальных грузовиках: «Да это все без денег. Личный фонд. В обеспечение личных потребностей» [2, с. 33]. Среди этих бесплатных товаров – продукты питания, одежда, книги, причем разнообразие последних восхищает Ивана Жилина.

Здесь есть банковская система, похожая на современную, и, судя по всему, вполне доступные кредиты. Однако «ничего не бери в кредит – хлопот не оберешься» [2, с. 35], – такую предостерегающую запись на диктофоне оставил предыдущий жилец тех апартаментов, где сейчас живет Жилин.

Есть ли в этом мире безработица? Этого мы не знаем. Но вот что говорит хозяйка пансиона, в котором остановился Жилин, о работе своей дочери: «Она работает в Салоне Хорошего Настроения, в отделе для престарелых женщин. И вы знаете, ее там ценят. Но в прошлом году она однажды опоздала, и теперь ей приходится быть очень осторожной» [2, с. 38].

Технологии и инновации литературно-фантастического 2019 г.

Совершенно очевидно, что удовлетворение основных материальных потребностей человека стало результатом не только обилия энергии, но и усовершенствования технологий. Об удивительном технологическом предвидении Стругацких написано немало, хотя если внимательно разобраться, то многие заявленные, но пока не внедренные в широкий обиход изобретения в мире «Хищных вещей века» уже стали обыденностью: 3D-принтеры, на которых «к счастью, нельзя изготовить Сикстинскую Мадонну», широкое использование вторичных ресурсов. Мы идем к этому, но до уровня, которого ожидали Стругацкие, нам пока далеко.

Иные пророчества писателей вообще не сбылись. Например, материальный достаток наших современников в целом не дотягивает до ожиданий Стругацких. Между прочим, в повести упоминается четырехчасовой рабочий день, что в 2019 г. – норма для развитой страны. Такой режим помогает бороться с безработицей и дает людям время пользоваться разнообразными услугами, что оживляет экономику. Однако и уменьшение продолжительности рабочего дня, и сокращение безработицы, и переход к экономике услуг для нас по-прежнему утопия. Может, именно потому, что эти три параметра – большое разнообразие предложений, свободное время и уверенность в завтрашнем дне – действительно связаны, как думали Стругацкие? И без этих условий не очень получается строить экономику услуг (как до этого не получилось построить экономику знаний и инновационную экономику, а теперь – цифровую экономику).

А еще у нас нет высокоэффективной системы работы с молодежью, упомянутой в «Хищных вещах века» не раз. Например, Иван Жилин, глядя

на празднующихся подростков, думает: «Ведь я сам простаивал когда-то вечера с компанией приятелей, пока не нашлись умелые люди, которые увели нас с улицы, и потом много-много раз видел такие же компании во всех городах земного шара, где умелых людей не хватало» [2, с. 93]. Значит, герой – продукт системы воспитания, которая в художественном мире Стругацких скоро приведет к возникновению утопии. Для них, как и для еще одного корифея советской фантастики – Ивана Ефремова, построение общества, благополучного в материальном и духовном планах, прямо связано с образованием и воспитанием человека.

Некоторые общие установки и приемы педагогики у Стругацких описаны не в «Хищных вещах века», а в книге «Полдень, XXII век». Отметим, что разница между людьми, прошедшими через прогрессивную педагогику Полудня, и теми, кто с ней не соприкоснулся, весьма велика. Например, Жилин слышит разговор посетителей кафе, местных жителей. Один из них жалуется другому: «Представьте себе, в нашем городе второй год сидит профессор Рубинштейн. Социальный психолог, мировое имя. Он изучает нас, как животных... “Инстинктивная социология разлагающихся экономических формаций” – так называется его работа. Его интересует человек как носитель первобытных инстинктов, и он мне жаловался, как трудно ему было набирать материал в странах, где инстинктивная деятельность искажена и подавлена системой педагогики. А у нас он блаженствует! По его словам, у нас вообще нет никакой деятельности, кроме инстинктивной» [2, с. 144].

Отчасти, впрочем, авторы не ошиблись: наши современники тоже вынуждены жить в основном

инстинктивной деятельностью, однако не вследствие подверженности примитивным внутренним импульсам, а ради элементарного выживания.

Зато мы близки к исполнению и вполне позитивного пророчества Стругацких – повсеместному распространению беспилотного транспорта. Жилин читает в путеводителе: «В городе было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов, тысяча такси (с шоферами и без)...» [2, с. 33]. Или в другом отрывке главный герой смотрит на то, «как он подошел к своему длинному автомобилю, рухнул на сиденье, поковырялся в пульте автоводителя, откинулся на спинку и, кажется, сейчас же задремал» [2, с. 77].

В реальности нашего 2019 г. действительно идут дискуссии о замене водителей автопилотами, причем именно в машинах такси. Однако сами беспилотные такси функционируют в повести совершенно не так, как представляется нам сегодня. В частности, голосового интерфейса у них нет. Чтобы добраться до нужного адреса, необходимо отыскать

индекс улицы и набрать его на пульте: «Я схватил такси без шофера, нашел индекс Солнечной улицы и набрал его на пульте управления. Машина пошла кружить по городу. В кабине воняло кислятиной, под ногами катались бутылки» [2, с. 170–171]. Из этой цитаты мы видим, что в беспилотном такси можно безнаказанно мусорить – ведь и видеорегистраторов фантасты тоже не предвидели.

Естественно, беспилотные аппараты покоряют космическое пространство. Правда, с переменным успехом: «С базы “Старый Восток” (Плутон) в зону абсолютно свободного полета запущена очередная серия беспилотных устройств, с двумя устройствами из четырех связь временно потеряна» [2, с. 120].

Кроме того, Стругацкие, похоже, предвидели и нечто типа пейнтбола: «Это было что-то вроде игрушечного автомата – с удобной рифленой рукояткой и с плоским прямоугольным баллончиком, который вставлялся снизу, как магазин» [2, с. 43]. Между тем официально этот вид спорта возникнет в США только в 1981 г.

Преимущества реального 2019 г.

А вот цифровых технологий в мире «Хищных вещей века» нет. Потому-то, используя беспилотное такси, приходится искать индекс нужной улицы и набирать его на пульте вручную. И непонятно, почему нельзя набрать просто название улицы – непременно нужен индекс.

Никто не мог предвидеть, что в конце XX – начале XXI в. на первый план выйдут технологии информатизации и связи, а компьютеры станут общедоступными и найдут применение практически во всех сферах жизни общества. Именно в этом заключается *решающее отличие* нашей реальности от произведений подавляющего большинства писателей-фантастов.

Изучая фантастику 1950–70-х гг., можно заметить, что технологии тех лет воспринимаются авторами как *достаточные*, не нуждающиеся в улучшении. В этом есть своя логика. Действительно, человек получил возможность говорить с удаленным адресатом с помощью телефона, транслировать изображение и звук посредством телевидения и радио, даже сохранять сообщения на магнитофонных и диктофонных записях. И ЭВМ уже имелись – для сложных расчетов, востребованных в некоторых специализированных сферах. Чего же еще желать?

Вот и герой повести использует кассетный диктофон (если не бобинный!): «Я повесил трубку и осмотрел диктофон. Пленка была наполовину использована, и, перемотав ее, я включил прослушивание» [2, с. 35].

Естественно, Стругацкие предвидели определенный прогресс в развитии электроники и систем связи. Например, в сфере развлечений используется «электронная рулетка» (сокращенно – эрула)

[2, с. 50], но нигде подробно не описано, что именно она собой представляет. Вокруг Земли вращается ретрансляционный спутник: «Несколько минут я почему-то следил за звездой поярче, медленно двигавшейся по небу, пока не сообразил, что это ретрансляционный спутник “Европа”...» [2, с. 102]. Сама идея создания системы спутников связи на геостационарных орбитах возникла у английского писателя-фантаста Артура Кларка. Он опубликовал свои соображения в 1945 г., а в 1964 г., когда вышла повесть Стругацких, уже возникает авторитетная международная организация спутниковой связи.

Телевидение будущего Стругацкие также представляли себе иначе, чем оно оказалось в действительности, хотя им удалось предугадать появление телевизора с пультом управления: «На ночном столике стоял очень изящный фонор и маленький переносной пульт управления телевизором» [2, с. 35]. Такие пульты появятся только в начале 1970-х гг. Однако кроме телевизора в приведенной цитате упоминается «фонор». А что же это такое? О его назначении мы узнаем из следующего абзаца: «Телевизор заорал. Из экрана выскочил нетрезвый мужчина, проломил какие-то перила и упал с высоты в огромный дымящийся чан. Раздался шумный всплеск, из фонора запахло. Мужчина скрылся в бурлящей жидкости, а затем вынырнул, держа в зубах что-то вроде разваренного ботинка. Невидимая аудитория разразилась ржанием...» [2, с. 35–36]. О том, что Стругацкие «изобрели ситкомы», писали уже не раз. Приведенная цитата лишней раз доказывает, что они и правда упоминают нечто весьма похожее – некое развлекательное телевизионное шоу с закадровым смехом. Но следует

отметить, что на самом деле ситкомы появились до написания повести, и в середине 1960-х гг. этот жанр был не просто известен, а достаточно популярен, правда, в США.

А упомянутый фонор (прибор, как мы понимаем, вымышленный) стал источником аппаратного наркотика – слега. Именно деталь из фонора вставляется в приемник, чтобы заставить прибор создавать волны нужного диапазона: «Я сходил в спальню и принес оттуда фонор. Мне даже не понадобилась отвертка. Я снял с фонора футляр, сунул указательный палец под раструб одоратора и, заце-

пив ногтем, извлек вакуумный тубусоид ФХ-92-У, четырехразрядный, статичного поля, емкость два. Продается в магазинах бытовой электроники по пятьдесят центов за штуку. На местном жаргоне – слег» [2, с. 190].

Как отмечалось выше, фонор предназначался для создания эффекта присутствия при просмотре телепередач, т. е. он служил инструментом искажения восприятия. Думается, появление слега в мире «Хищных вещей века» предreshено. Это всего-навсего следующий шаг в развитии той же технологии *подмены реальности иллюзией*.

Поиск новых ценностей

Собственно, глубина рассматриваемого произведения, как и остальных повестей, описывающих художественную реальность мира Полудня, заключается в том, что не технологические, а *социальные перемены* показаны как решающие для улучшения жизни человечества. То исподволь, то открыто Стругацкие подчеркивают, что не сам факт открытия меняет парадигму развития общества, а то, как эта технология используется и какова цель ее внедрения.

Естественно, предвидение Стругацких коснулось не только отдельных изобретений, но и самого технологического уклада. Например, в «Хищных вещах века» показано общество, где основная часть рабочих мест сконцентрирована в непроизводительной сфере. Так, читая путеводитель, главный герой обнаруживает, что «восемьдесят процентов взрослого населения было занято в сфере обслуживания» [2, с. 33].

Многое в мироустройстве вселенной, описанной в повести, напоминает страницы книг социолога-футуролога Э. Тоффлера, а ведь первая из них – «Шок будущего» – была опубликована в 1970 г. Не только доминирование сферы услуг в экономике, но и идея о том, что в будущем постиндустриальном обществе огромную роль будут играть *субкультуры*, находит прямое воплощение в «Хищных

вещах века». Эти субкультуры – меценаты, интели, артики, рыбаки и т. д. – создают неповторимый колорит произведения и являются неотъемлемой частью общества будущего, созданного фантазией Стругацких. Само наличие их подчеркивает, что идет активный процесс *поиска новых ценностей*. Мы помним, что совсем недавно на этой территории происходили военные действия. В произведении упоминается, что какое-то время здесь существовал фашистский режим; именно его свержение сопровождалось вооруженными столкновениями. А фашизм всегда будет ассоциироваться с системой установок, созданной и насаждаемой искусственно вследствие применения административного ресурса. При этом многие директивы противоречат представлениям о гуманности, справедливости и равноправии перед законом.

А значит, в недавнем прошлом жители города столкнулись с серьезными политическими, экономическими, социальными переменами. Естественно, после упразднения подобной системы люди оказались в некоем ценностном и культурном вакууме. Их поиск «новых себя» выглядит странным для Ивана Жилина, прибывшего из иной культурной и эстетической среды. Но для современного читателя артики, рыбаки или меценаты не кажутся чем-то абсурдным и из ряда вон выходящим.

Субкультуры в описаниях Стругацких

Действительно, та или иная субкультура (периферийное явление в нравственной и эстетической жизни общества) или сразу несколько субкультур могут привнести в общую картину мира свои ценности, особенно в условиях, когда прежние установки обесценены или устарели.

Е. Беляева в работе «Нравственность как сложная саморазвивающаяся система» подчеркивает: «Системы нравственности в истории действительно переживают волны расцвета и упадка, но вопрос в том, за счет чего они обновляются, должен быть поставлен более конкретно. Период распада нравственных ценностей, характерных для определенной социальной среды, действительно пред-

стает как моральный хаос, но трудно себе представить, что подобная дестабилизация сама по себе способна породить новые нравственные смыслы. Нравственность не есть результат спонтанной самоорганизации безнравственного, чаще всего она упорядочивается за счет флуктуации периферийных образцов к ценностному ядру системы благодаря установлению новых связей между прежними нормами, изменению смысла ценностей, включенных в новый мировоззренческий контекст» [4, с. 62].

В мире «Хищных вещей века» представители субкультур пока воспринимаются простыми обывателями как явление несколько одиозное, но при

этом рыбаки, например, очень тесно интегрированы в общество и занимают в нем довольно значимое место. Рыбачей из повести Стругацких обычно сравнивают с современными экстремалами. Однако нам думается, что они ближе всего к сегодняшним устроителям развлекательных квестов.

Жилин сталкивается с ними, когда посещает местное заброшенное метро, ставшее площадкой для экстремальных увеселений; туда ходят развлекаться простые горожане. Один из рыбаков объясняет Ивану: «Ведь кто он такой, наш клиент? Способностей особенных у него нет, да они ему и не требуются... Вот раньше, я в книге читал, хоть завидовали друг другу, сосед, мол, как сыр в масле катается, а я на холодильник накопить не могу – разве это можно вытерпеть? Цеплялись, конечно, зубами, за барахло, за деньги, за место выгодное... Жизнь на это клали! У кого кулак крепче или голова хитрее, тот и наверху... А теперь ведь жизнь стала жирная, тихая, всего в достатке. К чему себя применить? Я же не карась, я же человек все-таки, мне же скучно, а придумать сам ничего не умею. Это ведь надо особые способности иметь – придумывать! Это надо же гору книг прочитать, а попробуй-ка их читать, когда тебя от них тошнит...» [2, с. 139].

Любопытно, что рыбаки живут вообще-то в мире, где место подвигу есть, причем не для единиц. Человечество же активно покоряет космос, строятся поселения на Венере и Марсе, работают исследовательские станции на спутниках Юпитера, в том числе на Амальтее, куда летал в свое время и Иван Жилин.

Артики – это явный аналог современных художников-акционистов. Жилин сталкивается с ними дважды. В первый раз это удивительный человек, «с ног до шеи затянутый в какую-то серую чешую, с громоздким кубическим шлемом на голове. Лицо человека закрывала стеклянная пластина с дырочками. Из дырочек в такт дыханию вырывались струйки дыма. Изможденное лицо за стеклянной пластиной было залито потом и часто-часто екало щеками. Сначала я принял его за пришельца, затем подумал, что это курортник, которому прописаны особые процедуры, и только потом догадался, что это артик» [2, с. 50].

А во второй раз Жилину встречается целая процессия: «Они шли рядом по обочине тротуара, чудовищно дикие в веселом мире свежей зелени и ясного неба. Один был выкрашен ярко-красной краской, другой – ярко-синей. Сквозь краску проступал пот. Они дышали с трудом, рты их были разинуты, глаза налиты кровью» [2, с. 125].

Меценаты – явные предтечи героев романа «Старьевщик» Терри Биссона. Роман этот у нас не очень известен, однако он вдохновил режиссера

Курта Уиммера на создание фильма «Эквилибриум» (2003). Но в мире «Эквилибриума» правительство борется с человеческой эмоциональностью как источником всяческого зла, а в «Старьевщике» целенаправленно изымает произведения искусства прежних эпох, чтобы освободить место новой эстетике и новой духовности, более подходящей для деградировавшего человечества.

У Стругацких же меценаты заняты уничтожением произведений искусства по малопонятным мотивам. Возможно, просто в поисках острых ощущений. «Меценаты? – сказал румяный советник приветливо. – Есть, есть такая варварская организация у нас. Очень печально, но есть. <...> По сути дела, это современные вандалы. Мне просто трудно подобрать другое слово. Они скупают на паях ворованные картины, скульптуры, рукописи неопубликованных книг, патенты и уничтожают их. Вы представляете, как это отвратительно? Они находят некое патологическое наслаждение в уничтожении элементов мировой культуры. Собираются большой, хорошо одетой толпой и неторопливо, продуманно, со сладострастием уничтожают...» [2, с. 145].

Интересна группа интелов. В основном это преподаватели и студенты местного университета. Их убеждения нигде подробно не описаны, и ни с одним из них Жилин в повести не встречается. Фактически об интелях Жилин судит по словам окружающих или по опубликованным в газетах материалам.

Основная масса жителей города настроена к интелям враждебно, но Жилин в конце повести говорит о них с симпатией, хотя они постоянно учиняют различные хулиганские выходки, а на 28 апреля 2019 г. планируют крупный теракт. И сам Жилин в какой-то момент становится участником их очередной акции. На следующий день местная газета писала об этом так: «Этой ночью группа злоумышленников на частном самолете вновь совершила налет на площадь Звезды, полную отдыхающих граждан. Хулиганы выпустили несколько пулеметных очередей и сбросили одиннадцать газовых бомб. В результате возникшей паники несколько мужчин и женщин получили тяжкие увечья» [2, с. 121].

Однако Жилин утверждает: «Интели не гангстеры, это отчаявшиеся люди, патриоты... У них одна задача – расшевелить это болото. Любыми средствами. Дать этому городу хоть какую-нибудь цель, заставить его оторваться от корыта... Они жертвуют собой, понимаете? Они вызывают огонь на себя, пытаются возбудить в городе хоть одну общую для всех эмоцию, пусть хотя бы ненависть...» [2, с. 196]. Вот за этот революционный задор и ценит их Жилин, несмотря на то что никаких положительных результатов они пока не достигли.

Новая философия

Наконец, духовную жизнь города, где происходит действие «Хищных вещей века», невозможно представить без уже упомянутого Опира. Он доктор философии, и из его публикаций в местной газете, а также из диалога с ним главного героя мы узнаем о *базовых идеях*, лежащих в основе общества 2019 г. Подчеркивается, что Опир является «лауреатом государственных премий» [2, с. 121], т. е. он один из идеологов нового порядка. А новый порядок – это *настороженное отношение к интеллигенции и всеобщий оптимизм*. Оптимизм, несмотря на терроризм, – ведь рядом с приверженцами философии Опира живут те самые интелли, такие же работники умственного труда, как и он, но других убеждений.

Опир говорит много разного. Среди прочего высказывает и такую мысль, с которой непросто поспорить: «Удовлетворите любовь и голод, и вы увидите счастливого человека. При условии, конечно, что человек наш уверен в завтрашнем дне. Все утопии всех времен базируются на этом простейшем соображении. Освободите человека от забот о хлебе насущном и о завтрашнем дне, и он станет истинно свободен и счастлив» [2, с. 74].

Конечно, названные составляющие не являются залогом счастья, ведь в тонком деле его обретения материальному принадлежит далеко не ведущая роль. Однако любовь и уважение к человеку, стремление дать ему уверенность в завтрашнем дне и обеспечить приемлемый уровень материальных благ – это то, что точно можно дать извне. А вот с удовлетворением духовных, интеллектуальных, эстетических запросов сложнее. Трудно сказать: может государство и общество как-то обеспечить индивида духовностью или это дело сугубо личное?

Возможно, уже упомянутая здесь педагогика будущего способна как-то повлиять на *формирование* нравственных критериев личности, вкуса к искусству, но удовлетворить потребность во всем этом может только сам человек. Ведь в «Хищных вещах века» упоминаются музеи города, которые посещают только туристы (Жилин, кстати, в него не ходил). Да еще по улицам бродят загадочные грустецы, представители еще одной местной субкультуры, с плакатами, призывающими горожан записываться в кружки и любительские хоры, но никто на эти

призывы не откликается, а сами грустецы служат объектом насмешек.

А еще доктор Опир восклицает: «Время пессимистов прошло, как прошло время туберкулезных больных, сексуальных маньяков и военных» [2, с. 74]. Этой фразой он описывает современную ему реальность – 2019 г. Здесь, конечно, предвидение очень сильно подвело Стругацких, причем по всем трем названным пунктам.

Таким образом, в действительности город, описанный в повести, вовсе не лишен «духовного содержания», о котором так печется Жилин. Здесь живут представители разных субкультур и довольно оригинальный философ. Имеются университеты и музеи, а книги можно получить вообще бесплатно. И кто-то, несомненно, всем этим пользуется. И все же Иван дает негативную оценку укладу жизни горожан и их ценностям. Более того, он видит крайне *мрачные перспективы* для данного общества. В конце повести он восклицает: «Неужели нам опять придется вас спасать!», имея в виду, что окружающие его люди обречены.

В этом пессимистическом взгляде на будущее местного социума у Жилина есть три единомышленника, весьма показательных. Первый из них – нервный распространитель бесплатных товаров, сокрушающийся от того, что люди мало интересуются книгами. Второй – бывший друг Жилина, а ныне слеговый наркоман Пек. Третий – маленький Лэн, сын квартирной хозяйки героя. Этот мальчик интересен тем, что начитался трудов некоего доктора Нефа, который «осчастливил человечество “Введением в учение о некротических явлениях”» [2, с. 114], и поэтому регулярно выдает пугающие монологи о том, что «все прокляты».

Современный писатель-фантаст Сергей Лукьяненко написал рассказ «Ласковые мечты полуночи» по мотивам «Хищных вещей века» братьев Стругацких в рамках проекта «Время учеников». В этом рассказе Лэн, подверженный всевозможным суевериям и даже настоящей демомании, что неожиданно для человека будущего, занимает значительное место. Кстати, сам рассказ заканчивается его фразой: «Какая предстоит работа. Какая работа... Только что уж делать, раз мы все прокляты» [5].

Советский человек будущего

Почему же так категоричны Стругацкие? Или это не они категоричны, а Иван Жилин, глазами которого мы видим описанный мир, из уст которого слышим оценки тех или иных событий и явлений?

Для того чтобы глубже понять это произведение, знаковое и для творчества Стругацких, и для времени, когда оно было написано, и для дня сегодняшнего, нам необходимо внимательно приглядеться к образу Ивана Жилина.

Нередко читатели ставят знак равенства между взглядами протагониста литературного текста и убеждениями автора, особенно если герой производит впечатление сильной личности, наделенной привлекательными чертами характера, а его мировоззрение на протяжении действия произведения никак не развенчивается.

Читатель понимает, что И. Тургенев едва ли смотрел на мир так же, как его герой Базаров, при

всем мрачном обаянии последнего. Но Стругацкие, конечно же, должны были вложить в уста симпатичного Ивана Жилина свои житейские взгляды и мировоззренческие установки.

А это не обязательно так!

Например, Жилин как бы намекает, что человек духовен, только пока голоден. Надо держать его голодным, а то вдруг он морально падет. Но кто сказал, что стремление к искусству, размышлениям, философии и религиозности изначально не присуще человеку? И с чего Жилин взял, что все эти склонности исчезнут, если человека накормить, дать ему необходимый минимум материальных благ и уверенность в завтрашнем дне? Ведь история показывает, что именно в таких условиях развиваются науки и искусство. Вспомним хотя бы Флоренцию эпохи Возрождения.

Жилин, который и является для нас гидом по миру «Хищных вещей века», действует и в других произведениях братьев Стругацких (например, «Путь на Амальтею» и «Стажеры»), причем действие в них по времени предшествует «Хищным вещам века». Мы хорошо представляем себе жизненный путь Ивана. Думается, такой выбор главного героя повести неслучаен, в этом тоже содержится определенный посыл авторов. В «Пути на Амальтею» и «Стажерах» Жилин – бортинженер корабля «Тахмасиб». Ему приходится нести огромную ответственность, решать сложнейшие задачи, рисковать жизнью, терять товарищей. А потом он приходит к мысли, что хотел бы посвятить себя еще более важной и сложной миссии, самой значимой для человека, как он считает, – воспитанию подрастающего поколения.

Жилин приезжает в курортный городок, в сердце капиталистического мира, вовсе не просто из мира коммунистического. Нет! Он прибывает из мира ежедневных опасностей, борьбы с обстоятельствами и неумолимыми силами природы, тяжелого созидательного труда и прочих романтических атрибутов жизни покорителей космоса.

И вот этот герой оказывается в ситуации, где совершенно ничего не надо преодолевать, побеждать и предотвращать! Здесь, в этом курортном городке, жизнь просто идет своим чередом, и все.

Его мечта о работе наставником, как видим, не сбывается. Его жизненный опыт и нескгибаемый характер, достойный быть эталонным для советского человека, оказался востребованным совсем в другой сфере...

В город, где разворачивается действие «Хищных вещей века», Иван Жилин прибывает в качестве секретного агента загадочной силовой структуры под названием «Совет Безопасности». Интересно, что в размышлениях Жилина содержатся довольно резкие оценки этого ведомства, например: «Что мне всегда не нравилось в нашем Совете Безопасности, так это множество замшелых традиций, а из

всех традиций больше всего меня бесила идиотская система перекрестной конспирации, из-за которой мы постоянно перехватываем друг у друга агентуру, бьем друг другу физиономии и сплошь и рядом стреляем друг в друга, и довольно метко» [2, с. 192].

А из монолога начальника Жилина по фамилии Мария мы узнаем, что у сотрудников этой силовой структуры, занимающих руководящие должности, моральные установки весьма и весьма гибкие: «Сириус – Харам... Он работал на четыре разведки, он был мерзавец. Он был грязная скотина. Но если он давал информацию, то это была настоящая информация, ясная, точная и своевременная. Помню, я приказал повесить его, не испытывая никакой жалости, но, когда я смотрю на сегодняшних моих сотрудников, я понимаю, какая это была потеря...» [2, с. 198]. При этом тот же Мария говорит о Жилине: «Никак не могу припомнить случая, чтобы Иван был чем-либо доволен» [2, с. 192]. Очевидно, Жилин должен был приветствовать повешение человека?..

Иван дает своим начальникам мягкую, но исключительно меткую оценку: «Они были люди, так сказать, решительного действия, гиганты немедленных решительных мер. Они не давали спуска. Они рубили узлы и срывали дамкловы мечи. Они принимали решения быстро, а приняв, больше уже не сомневались. Они не умели иначе. Это было их мировоззрение... И это только я так считал, что их время прошло...» [2, с. 197].

Ранее мы упоминали, что Стругацкие в своих произведениях указывают на непродуктивные пути развития отдельных общественных институтов. Иван Жилин осознает, что методы работы организаций, подобных Совету Безопасности, давно устарели, что это тупик. Действительно, приемлемое решение по борьбе со слегом так и не было найдено. Но из последующих произведений цикла «Полдень, XXII век» мы узнаем, что секретные силовые структуры все еще будут существовать на Земле и спустя 100 лет и действие их будет разрушительным и для судеб отдельных людей (например, Льва Абалкина из повести «Жук в муравейнике»), и для общества в целом (запрет на научные исследования, которые представители названных структур считают вредными).

Увы, Жилин сочетает в себе как лучшие, так и худшие черты советского человека. Это суровый, преодолевший многие трудности коммунист, своего рода Павка Корчагин, которому повезло. Поэтому именно его взгляд на будущее общество изобилия для нас особенно ценен. Героям жилинского типа и в голову не приходит, что бездуховность и падение нравов бывают не от сытости. У бедняков во все времена нравы были не лучше, чем у богачей.

Из разговора героя с рыбаками мы узнаем, что родных у Жилина нет [2, с. 133] и что он воспитан в той системе прогрессивной педагогики, которая послужила фундаментом мира Полудня.

Жилин не любит мещан и обывателей, но объективно он к ним часто слишком строг и вообще склонен к поспешным и не всегда оправданным обобщениям. В конце концов, он ведь ищет наркотик, а потому посещает соответствующие места. Возможно, в городе живет немало людей, духовно более богатых, чем его собеседники.

Почему так не милы Жилину обыватели, мы поймем, если обратимся к повести Стругацких «Стажеры» (1961). В этом произведении Иван становится свидетелем жизненной трагедии своего старшего товарища Григория Дауге, пожилого на момент действия геолога, покорителя Венеры. В какой-то момент Дауге встречает свою бывшую жену, бросившую его много лет назад. Несколько фраз из их диалога очень точно характеризуют ценностные ориентиры героев типа Дауге и Жилина в противопоставлении образу жизни мещан: «А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее теперь?» – «Конечно, я», – сказал Дауге. Она откровенно оглядела его и засмеялась. – «Нет, – сказала она. – Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка – так меня, кажется, называет Володя? – или трудолюбивый муравей – конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?»» [6, с. 423–424].

Жилин – человек обаятельный в силу сочетания и твердых убеждений, и человеческой открытости. Он интересная и сложная личность, но во многом именно поэтому его оценка увиденного часто очень противоречива, в том числе и оценка состоя-

ния общества безымянного города, где разворачивается действие.

Как мы определили ранее, сами братья Стругацкие не обязательно разделяют мнение своего героя. Действительно, в своих «Комментариях к пройденному» Б. Н. Стругацкий подчеркнул: «Ведь человек в этом мире – свободен» [7]. И это верно. Еще Джон Локк полагал, что по-настоящему свободным может быть только материально независимый человек. Так вот, похоже, все жители городка материально независимы.

Уже упомянутого Опира Жилин осуждает, а мир Полудня – утопический вариант будущего – не за горами. Так что Опир скорее прав, чем неправ.

Надо признать, что Иван Жилин дает адекватную оценку многим явлениям окружающей действительности, а другие слишком резко и не вполне обоснованно критикует. Так, он вполне осознает, что подходы его руководителей безнадежно устарели. Он еще не вступает с ними в открытую конфронтацию, но уже сильно сомневается в их непогрешимости. При этом он довольно непримирим к безобидным в общем-то мещанам и не может простить им «отсутствия духовного содержания».

Разумеется, Жилин воспринимает систему, в которой жил и воспитывался, как единственно правильную, ему трудно согласиться с какими-либо отклонениями от нее. Известный философ и логик XX в. Карл Поппер писал: «Если начальный пункт всех изменений совершенен и благ, то изменения могут происходить лишь в направлении, уводящем от совершенства и блага и приводящем к несовершенству и злу, то есть к разложению» [8, с. 37].

Заключение

Стругацкие описывают мир будущего в самых разных вариантах, но особое внимание уделяют возникшим или еще только проявляющимся противоречиям *нравственного* характера. Но окончательного ответа, как именно следует справляться с подобными ситуациями, они не дают.

Так, инспектор Глебски из повести «Отель “У погибшего альпиниста”» обречен мучиться сомнениями, правильный ли выбор он сделал, помешав пришельцам благополучно покинуть Землю. Ошибкой оказываются и благородные действия Максима Камерера на планете Саркаш (Обитаемый остров).

В финале повести «Волны гасят ветер» описывается появление люденов – следующей эволюционной ступени развития человека, и здесь опять люди просто оказываются перед фактом: мир изменился, а как в этом новом мире действовать, непонятно. Непросто и определить, какие выгоды они могут извлечь из сложившегося положения, каких опасностей им следует избегать.

Лишь один выбор всегда, в любых условиях является верным для героев Стругацких – оставаться человеком, не идти против совести, не предавать свои идеалы.

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. Будущее общества сквозь призму взглядов зарубежных социологов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2016;3:18–27.
2. Стругацкий А, Стругацкий Б. *Хищные вещи века. Чрезвычайные происшествия. Полдень, XXII век*. Ютанов Н, составитель. Москва: АСТ; 2000. 627 с. Совместное издание с «Terra Fantastica».
3. Гапонов АА. Цель – прорыв в ноосферное будущее. *Наука и религия*. 2019;2:40–44.
4. Беляева ЕВ. Нравственность как сложная саморазвивающаяся система. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:57–64.

5. Лукьяненко СВ. Ласковые мечты полуночи [Интернет; процитировано 25 февраля 2019 г.]. Доступно по: <https://nice-books.ru/books/fantastika-i-fjentezi/nauchnaja-fantastika/59298-sergei-lukyanenko-laskovye-mechty-polunochi.html>.
6. Стругацкий А, Стругацкий Б. *Страна багровых туч. Путь на Амальтею. Стажеры*. Ютанов Н, составитель. Москва: АСТ; 2001. 560 с. Совместное издание с «Terra Fantastica».
7. Стругацкий БН. Комментарии к пройденному [Интернет; процитировано 25 февраля 2019 г.]. Доступно по: <https://biography.wikireading.ru/175623>.
8. Поппер КР. *Открытое общество и его враги. Том 1. Чары Платона*. Москва: Феникс; 1992. 488 с.

References

1. Titarenko LG. Future of society within the framework of western sociologists. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2016;3:18–27. Russian.
2. Strugatsky A, Strugatsky B. *Khishchnye veshchi veka. Chrezvychainye proisshestiya. Polden', XXII vek* [Predatory things of the century. Emergencies. Noon, the 22nd century]. Yutanov N, compiler. Moscow: AST; 2000. 627 p. Co-published by the «Terra Fantastica». Russian.
3. Gaponov AA. [The goal is a breakthrough in the future of the noosphere]. *Nauka i religiya*. 2018;2:40–44. Russian.
4. Belyaeva EV. Morality as a complex self-developing system. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:57–64. Russian.
5. Luk'yanenko SV. Sweet dreams of the midnight [Internet; cited 2019 February 25]. Available from: <https://nice-books.ru/books/fantastika-i-fjentezi/nauchnaja-fantastika/59298-sergei-lukyanenko-laskovye-mechty-polunochi.html>. Russian.
6. Strugatsky A, Strugatsky B. *Strana bagrovyykh tuch. Put' na Amal'teyu. Stazhery* [The country of crimson clouds. The way to Amalthea. Interns]. Yutanov N, compiler. Moscow: AST; 2001. 560 p. Co-published by the «Terra Fantastica». Russian.
7. Strugatsky BN. The comments to the past [Internet; cited 2019 February 25]. Available from: <https://biography.wikireading.ru/175623>. Russian.
8. Popper KR. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 1. Chary Platona* [Open society and its enemies. Volume 1. The spell Plato]. Moscow: Feniks; 1992. 488 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.

КРИМИНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾, С. И. АЛЕШКЕВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь

Вводится новое понятие – «криминальный интеллект». Даются его номинальное и остенсивное определения. Рассматриваются возможности оценки данного понятия с точки зрения психометрии. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного на базе одного из исправительных учреждений, а также анализ и интерпретация полученных результатов. Описано применение методов нейросетевого прогнозирования при изучении криминального интеллекта.

Ключевые слова: интеллект; криминальный интеллект; криминальное поведение; установка; криминальная установка; криминальные наклонности; криминальные качества; криминальные отклонения; личностно-адаптационный потенциал.

CRIMINAL INTELLIGENCE

V. A. POLIKARPOV^a, S. I. ALESHKEVICH^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Border Service of the Republic of Belarus, 4 Slavinskaha Street, Minsk 220103, Belarus

Corresponding author: V. A. Polikarpov (polikarpoff2@yandex.ru)

A new concept of criminal intelligence is introduced. Its nominal and ostensive definitions are given. The possibilities of its evaluation in terms of psychometrics are considered. The results of an empirical study conducted on the basis of one of the correctional institutions, as well as the analysis and interpretation of the results are presented. The use of neural network forecasting methods in the study of criminal intelligence is described.

Keywords: intelligence; criminal intelligence; criminal behavior; installation; criminal installation; criminal tendencies; criminal qualities; criminal deviations; personality-adaptation potential.

В условиях развития современного общества все большее внимание представителей различных областей научного знания привлекают вопросы изучения типов интеллекта. Проведенный анализ опубликованных работ зарубежных и отечественных специалистов позволяет констатировать, что в настоящее время широко исследуются различные типы

интеллекта: общий интеллект (Р. Стернберг, Р. Кеттелл, Г. Гарднер, В. Штерн, Д. Векслер, Дж. Гиффорд, М. А. Холодная), вербальный интеллект, невербальный интеллект (Дж. Равен), эмоциональный интеллект (Х. Гарднер, П. Сэловей, Дж. Мэйер, Д. Гоулмен, Р. Бар-Он, Д. Карузо, К. В. Петридес, Э. Фёрнхем, Н. Холл, Д. В. Люсин), абстрактный интеллект,

Образец цитирования:

Поликарпов ВА, Алешкевич СИ. Криминальный интеллект. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;2:111–115.

For citation:

Polikarpov VA, Aleshkevich SI. Criminal intelligence. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2019;2: 111–115. Russian.

Авторы:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Сергей Иванович Алешкевич – старший преподаватель кафедры идеологической работы.

Authors:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and social sciences.

polikarpoff2@yandex.ru

Sergey I. Aleshkevich, senior lecturer at the department of ideological work.

социальный интеллект (Э. Торндайк, Г. В. Олпорт, Дж. Гиффорд, М. И. Бобнева, А. П. Лобанов, Т. Н. Карпович), биологический интеллект (Г. Ю. Айзенк, Д. О. Хебб, Г. Лефрансуа), практический интеллект (Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд, Р. Стернберг) и т. д. Все эти типы интеллекта обеспечивают наибольшую эффективность деятельности в различных сферах. Однако не проводились исследования, посвященные криминальному интеллекту¹. Выделение нами данного типа в самостоятельный обусловлено появлением возможности психологической диагностики признаков, присущих криминальному интеллекту, прогнозирования и предотвращения последствий, связанных со склонностью личности к признакам криминального интеллекта к девиантному (делинквентному) поведению.

Проведенный анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов свидетельствует о том, что назрела острая необходимость выделить и ввести понятие «криминальный интеллект» как форму социального интеллекта, сформированного под воздействием асоциальных установок и мотиваций, проявляющегося в криминальном поведении личности и ее криминальных качествах.

При анализе генезиса определения понятия «криминальный интеллект» использовался принцип от общего к частному: интеллект → социальный интеллект → криминальный интеллект. Таким образом, последнее определение уточняется исходя из общих теорий, все более конкретизируясь и закрепляясь за определенным видом деятельности.

Сегодня в зависимости от основания для классификации описано около 20 различных видов интеллекта. У каждого человека в той или иной мере присутствуют все названные виды, но задачи, которые ему приходится чаще решать и которые для него имеют наибольшее значение, во-первых, требуют выраженных способностей данного вида интеллекта, во-вторых, развивают определенную сторону мышления.

Как способность замечать и понимать потребности и намерения других людей, предвидеть их поведение в разных ситуациях, а также соответствующим образом планировать и осуществлять свои собственные действия определяет социальный интеллект Х. Гарднер [1, с. 24]. На основе анализа психолого-педагогической литературы можно выделить следующие источники развития социального интеллекта:

1. Жизненный опыт. Ему принадлежит ведущая роль в развитии коммуникативной компетенции. Важен и опыт межличностного общения. Жизненный опыт имеет следующие характерные особенности:

- социален (включает интериоризованные нормы и ценности конкретной общественной среды);
- индивидуален (основывается на индивидуальных особенностях и психологических событиях личной жизни).

2. Искусство – эстетическая деятельность, которая двусторонне обогащает человека и в роли творца, и в роли воспринимающего произведения искусства. Оно способствует развитию коммуникативных умений.

3. Общая эрудиция – запас достоверных и систематизированных гуманитарных знаний, относящихся к истории и культуре человеческого общества, которыми располагает данный индивид.

4. Научные методы предполагают интеграцию всех источников коммуникативной компетенции, открывают возможность описания, концептуализации, объяснения и прогноза межличностного взаимодействия с последующей разработкой практических средств повышения коммуникативной компетенции на уровне индивида, групп и коллективов, а также всего общества.

К механизмам социального интеллекта можно отнести социальную технику общения. Это действенный компонент, который проявляется в способности принять роль другого, владеть ситуацией и направлять взаимодействие в нужном для личности русле, в богатстве техники и средств общения. Высшим критерием проявления социально-интеллектуального потенциала личности является способность воздействовать на психические состояния и проявления других людей, а также оказывать влияние на формирование психических свойств окружающих.

Перейдем к рассмотрению непосредственно криминального интеллекта.

Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение слову «криминальный»: «Уголовный, относящийся к преступлениям. То же, что преступный. Преступный – содержащий преступление, являющийся преступлением. Совершающий преступления. Преступление – общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности»².

Итак, мы видим, что имеется характеристика *криминальный* – содержащий преступные (противоправные) действия.

Целесообразно рассмотреть и другие ключевые понятия, используемые в нашем исследовании.

Согласно А. В. Петровскому, *установка* рассматривается как готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при появлении определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту [2, с. 18]. Следо-

¹Идея выделения криминального интеллекта принадлежит В. А. Поликарпову. Эмпирическое исследование проведено С. И. Алешкевичем.

²Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. М., 1953. С. 269.

вательно, *криминальная установка* индивида есть его реальная или воображаемая (ошибочно приписываемая самому себе) готовность к действиям, не всегда соответствующим нормам общественной морали и законодательству, т. е. готовность к криминальным действиям тоже.

Криминальные наклонности – это влечение, склонность, предрасположенность к правонарушениям (криминальным действиям) [3, с. 16].

Криминальные качества – это сложные социально и биологически обусловленные структурные компоненты личности, вбирающие в себя психические процессы, свойства, образования, устойчивые состояния и предопределяющие устойчивое криминальное поведение личности в социальной и природной среде [4, с. 56].

Криминальные отклонения – это несовпадение, нарушение поведения индивида или группы, которое не соответствует общепринятым нормам, в результате чего эти нормы ими нарушаются [5, с. 19].

Исходя из приведенной информации, можно определенно сказать, что в целом криминальное поведение личности является результатом сложного взаимодействия социальных и биологических факторов, действие которых, в свою очередь, преломляется через систему отношений личности, обладающей признаками криминального интеллекта.

Криминальный интеллект – это вид интеллекта человека, характеризующийся криминальными наклонностями и установками, направленными на достижение благ (материальных, духовных) посредством пренебрежения общепринятыми нормами законодательства и морали.

Криминальный интеллект – это форма социального интеллекта, сформированного под воздействием асоциальных установок и мотиваций, проявляющегося в криминальном поведении личности и его криминальных качествах.

Исследование особенностей криминального интеллекта проводилось в три этапа.

На первом анализировалась отечественная и зарубежная психологическая и юридическая литература с целью изучить сущностные, структурно-содержательные, функциональные характеристики социального интеллекта, операционализировать конструкт «криминальный интеллект», проанализировать специфику формирования компонентов и операциональных характеристик социального и криминального интеллекта. По результатам анализа литературы представлены авторские определения понятия «криминальный интеллект».

На втором этапе было проведено эмпирическое исследование психологических особенностей криминального интеллекта. Оно проводилось на базе ИУ «Исправительная колония № 14» управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области. В исследовании участвовали 560 человек, из них 400 отбывают наказание за преступления, 160 являются военнослужащими, проходящими службу

в органах пограничной службы Республики Беларусь. Возрастной диапазон участников – от 21 до 67 лет.

В исследовании использовался многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (далее – МЛО «Адаптивность»).

Основанием для отбора диагностических методик эксперимента послужила задача комплексного исследования социального интеллекта личности, а результирующие шкалы методики соответствуют критериям, позволяющим диагностировать уровень сформированности криминального интеллекта.

Результаты тестирования по МЛО «Адаптивность» могут быть интерпретированы от простейших суждений («годен – не годен») до подробной личностной характеристики. МЛО «Адаптивность» состоит из 165 вопросов и имеет 4 структурных уровня, что позволяет получить информацию различного объема и характера.

Шкалы первого уровня являются самостоятельными и соответствуют базовым шкалам СМИЛ (ММРП), позволяют получить типологические характеристики личности, определить акцентуации характера.

Шкалы второго уровня соответствуют шкалам опросника ДАН («Деадаптационные нарушения»), предназначенного для выявления деадаптационных нарушений преимущественно астенических и психотических реакций и состояний.

Шкалы третьего уровня позволяют выявить поведенческую регуляцию (ПР), коммуникативный потенциал (КП) и моральную нормативность (МН).

Шкала четвертого уровня определяет личностный адаптационный потенциал (ЛАП).

Теоретической основой теста является представление об адаптации как о постоянном процессе активного приспособления индивида к условиям социальной среды, затрагивающем все уровни функционирования человека. Эффективность адаптации в значительной степени зависит как от генетически обусловленных свойств нервной системы, так и от условий воспитания, усвоенных стереотипов поведения, адекватности самооценки индивида. Искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушению адаптации, что может сопровождаться повышенной конфликтностью, непониманием своей социальной роли, ухудшением состояния здоровья. Случаи глубокого нарушения адаптации могут приводить к развитию болезней, срывам в учебной, профессиональной деятельности, асоциальным поступкам. Процесс адаптации чрезвычайно динамичен. Его успех во многом зависит от целого ряда объективных и субъективных условий, функционального состояния, социального опыта, жизненной установки и др. Как уже говорилось ранее, процесс адаптации напрямую связан с уровнем социального интеллекта. Чем выше социальный интеллект, тем успешнее проходит процесс адаптации индивидуума.

Человек неодинаково относится к одним и тем же событиям, а один и тот же воздействующий стимул у разных людей может вызвать различную ответную реакцию. Можно выделить некоторый интервал ответных реакций индивида, который будет соответствовать представлению о психической норме, а также определить некоторый интервал отношений человека к тому или иному явлению, касающийся прежде всего категорий общечеловеческих ценностей, не выходящий за рамки общепринятых моральных норм. Степень соответствия этому интервалу психической и социально-нравственной нормативности и обеспечивает эффективность процесса социально-психологической адаптации, определяет личностный адаптационный потенциал, являющийся важнейшей интегративной характеристикой психического развития. Характеристики личностного потенциала адаптации можно получить, оценив поведенческую регуляцию, коммуникативные способности и уровень моральной нормативности.

На третьем этапе проводилась обработка эмпирических данных с последующей интерпретацией полученных результатов.

Респонденты экспериментальной выборки были классифицированы по группам в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Из них первая группа – 22 человека (5,5 %) – отбывала наказание за преступления, не представляющие большой общественной опасности (совершенные по неосторожности), вторая группа – 169 человек (42,25 %) – за преступления, относящиеся к менее тяжким, третья группа – 206 человек (51,5 %) – за преступления, относящиеся к тяжким, четвертая группа – 3 человека (0,75 %) – за преступления, относящиеся к особо тяжким. Для повышения репрезентативности выборки данными четвертой группы целесообразно пренебречь.

Респонденты, отнесенные к первой группе, обладают низким (13 человек) и средним (9 человек) уровнем личностно-адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативных способностей, моральной нормативности. Следовательно, они испытывают проблемы в адаптации, определении адекватной статусно-ролевой позиции в группе, установлении социальных контактов.

Респонденты, относящиеся ко второй группе, по уровню личностно-адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативных способностей, моральной нормативности разделились в следующем соотношении:

- низким уровнем обладают 118 человек (69,8 %);
- средним уровнем обладают 49 человек (29 %);
- высоким уровнем обладают 2 человека (1,2 %).

Из приведенной информации можно сделать вывод, что для подавляющего большинства представителей второй группы – 118 человек (69,8 %) –

характерны проблемы при адаптации, нервные срывы в результате повышения психических нагрузок, криминальное поведение.

Респонденты, относящиеся к третьей группе, по уровню личностно-адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативных способностей, моральной нормативности разделились в следующем соотношении:

- низким уровнем обладают 154 человека (74,7 %).
- средним уровнем обладают 48 человек (23,3 %).
- высоким уровнем обладают 4 человека (2 %).

В третьей группе (по сравнению со второй) можно отметить незначительный рост количества участников (74,7 %), для которых характерны проблемы при адаптации, нервные срывы в результате повышения психических нагрузок, криминальное поведение.

Респондентов, относящихся к четвертой группе, для анализа данных исследования целесообразно не принимать во внимание, так как их количество составило три человека, а значит, надежность результатов не обеспечена.

Обобщая данные по показателям личностно-адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативных способностей, моральной нормативности, можно сделать вывод, что для представителей всех трех групп (независимо от степени тяжести преступления) в подавляющем большинстве характерны проблемы при адаптации, нервные срывы в результате повышения психических нагрузок, криминальное поведение. На основании данных целесообразно предположить, что лица, склонные к криминальному поведению, обладают низким интеллектом; некоторые свойства темперамента и черты личности также встречаются у них более часто, чем в общей популяции: например, вспыльчивость, замкнутость или гиперактивность как защитный механизм, агрессивность, склонность к насилию, упрямство.

В то же время выделенные группы имеют смысл рассмотреть с другой точки зрения. Среди респондентов экспериментальной выборки 286 человек (71,5 %) воспитывались в неблагополучной семье и под воздействием неблагоприятных условий, а у 264 человек (66 %) имеются один (два) судимых родителя или родственника, что позволяет определенно сказать, что внутренние биологические процессы играют определенную роль в формировании криминального интеллекта. Они определяют силу и характер реакций личности на любые средовые воздействия. Несмотря на наличие фактов, подтверждающих существование биологических основ криминального поведения как следствия криминального интеллекта, они действуют только в определенном социальном окружении. Более того, социальные условия сами по себе вполне могут вызывать биологические изменения в организме, определяя, например, реактивность нервной системы или гормональный фон.

Принимая во внимание тот факт, что основным показателем уровня социального интеллекта является уровень личностно-адаптационного потенциала, при анализе данных эмпирического исследования можно увидеть также обратную зависимость уровня криминального и социального интеллекта. К группе с низким уровнем личностно-адаптационного потенциала относятся 343 респондента экспериментальной выборки (85,75 %), к группе с высоким уровнем личностно-адаптационного потенциала – 57 респондентов (14,25 %). У респондентов контрольной группы данные распределены следующим образом: к группе с низким уровнем личностно-адаптационного потенциала относятся 35 респондентов (21,875 %), к группе с высоким уровнем личностно-адаптационного потенциала – 125 респондентов (78,125 %). Учитывая данные проведенного анализа, справедливо выделить обратную зависимость криминального интеллекта от социального.

В целом криминальный интеллект личности является результатом сложного взаимодействия социальных и биологических факторов, действие которых, в свою очередь, преломляется через систему отношений личности, обладающей признаками криминального интеллекта. Главным признаком криминального интеллекта является желание индивида решать свои проблемы в ущерб окружающим. Следствием криминального интеллекта является поведение, направленное на поиск возможностей нарушить закон и нравственные принципы в целях получения собственной выгоды. Проще его можно охарактеризовать такой установкой: «Если мне что-то надо, следует найти того, у кого это есть, и отнять любыми доступными средствами».

Нами была предпринята попытка использовать методы нейросетевого прогнозирования при изучении криминального интеллекта.

Моделирование прогноза является чрезвычайно трудной задачей, особенно если учесть, что большинство модельных зависимостей носит нелинейный характер. Поэтому использование аппарата многослойных нейронных сетей с прямыми связями является более приемлемым и подтверждается большим количеством экспериментов, демонстрирующих более высокое качество прогнозов по сравнению со статистическими моделями.

В результате факторного анализа были выделены весомые факторы (количественные показатели шкал). На вход нейросети (входящие нейроны) подавались результаты факторного анализа – количественные показатели шкал МЛО «Адаптивность» (20 нейронов), содержащие непрерывные данные и уровни образования (5 нейронов). На выходе (выходные нейроны) два нейрона со значениями 1 и 0, при этом 1 имеет значение «наличие признаков криминального интеллекта», 0 – «отсутствие признаков криминального интеллекта».

Обучение нейросети проводилось методом обратного распространения ошибки и методом сопряженных градиентов. Обучающая выборка составила 560 человек (наблюдений), контрольная выборка – 100 человек (наблюдений), причем она не участвовала в процессе обучения, а использовалась только для оценки обучения нейросети, качество которого оценивалось по контрольной производительности (использовалась формула расчета производительности по М. Абернети).

Модель считается приемлемой в том случае, если сумма ошибок не превышает 5 % при оценке в контрольной выборке (другие работы с использованием аналогичного метода приводят 23 % как пример ошибки). В результате проведенного моделирования получена модель с контрольной ошибкой 5 %. Данный модуль может быть интегрирован в любую систему социологического или психологического тестирования.

Библиографические ссылки

1. Гарднер Г. *Структура разума. Теория множественного интеллекта*. Москва: Вильямс; 2007. 512 с.
2. Конюхов НИ, составитель. *Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы*. Санкт-Петербург: [б. и.]; 1992. 100 с.
3. Ефремова ТФ. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык; 2000. 815 с.
4. Петровский АВ, Ярошевский МГ, редакторы. *Краткий психологический словарь*. Москва: Политиздат; 1985. 430 с.
5. Кудрявцева ВН. *Социальные отклонения*. Москва: Норма; 1989. 197 с.

References

1. Gardner G. *Struktura razuma. Teoriya mnozhestvennogo intellekta* [The structure of the mind. The theory of multiple intelligence]. Moscow: Williams; 2007. 512 p. Russian.
2. Konyukhov NI, compiler. *Prikladnye aspekty sovremennoi psikhologii: terminy, zakony, kontseptsii, metody* [Applied aspects of modern psychology: terms, laws, concepts, methods]. Saint Petersburg: [publisher unknown]; 1992. 100 p. Russian.
3. Efremova TF. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory word formation]. Moscow: Russian Language; 2000. 815 p. Russian.
4. Petrovskii AV, Yaroshevskii MG, editors. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [A brief psychological dictionary]. Moscow: Politizdat; 1985. 430 p. Russian.
5. Kudryavtseva VN. *Sotsial'nye otkloneniya* [Social deviations]. Moscow: Norma; 1989. 197 p. Russian.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Самой сложной, самой богатой и самой яркой знаковой системой, которая была создана в контексте поисков языка любви в средневековой культуре, стала символическая система куртуазной традиции, представленная в лирической поэзии трубадуров. Однако, прежде чем говорить о ней подробно, следует (чтобы было понятно ее происхождение и содержание) рассмотреть некоторые параллельные линии, разворачивающиеся в контексте культуры Средневековья, и прежде всего Овидианское возрождение и своего рода ренессанс платонизма, ренессанс своеобразный и неосознанный... Но о нем – впереди. Пока же – Овидианское возрождение!

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

«СЛЫШУ ГОЛОС ИЗ ПРЕКРАСНОГО ДАЛЕКА»: ФЕНОМЕН ОВИДИАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматривается феномен Овидианского возрождения в средневековой культуре Западной Европы. Выявляется его место в ряду малых ренессансов Средневековья, оцениваются его значение в контексте трансформаций средневековой картины мира и влияние на трактовку любви в культуре Средних веков.

Ключевые слова: возрождение; малый ренессанс; культурный расцвет; интерес к Античности; интерпретация античного наследия; любовная лирика; овидианский канон; овидианская традиция Средневековья; легитимация любви в средневековой поэзии.

Образец цитирования:

Можейко МА. «Слышу голос из прекрасного далека»: феномен Овидианского возрождения в западноевропейской культуре. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:116–123.

For citation:

Mojeiko MA. «I hear a voice from a beautiful far away»: the phenomenon of Ovidian Renaissance in Western European culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:116–123. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

«I HEAR A VOICE FROM A BEAUTEOUS FAR AWAY»: THE PHENOMENON OF OVIDIAN RENAISSANCE IN WESTERN EUROPEAN CULTURE

М. А. МОЖЕЙКО^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The phenomenon of the Ovidian revival in the medieval culture of Western Europe is examined, its place among the minor renaissances of the Middle Ages is revealed, its significance is assessed in the context of transformations of the medieval picture of the world and its influence on the interpretation of love in the culture of the Middle Ages.

Keywords: revival; small renaissances; cultural flourishing; interest in Antiquity; interpretation of ancient heritage; love lyrics; Ovidian canon; Ovidian tradition in the Middle Ages culture; legitimization of love in medieval poetry.

Давно ушли в прошлое те времена, когда Средневековье называли темным... Более того, в XX в. активно заговорили о таком явлении средневековой культуры, как своего рода средневековые *возрождения* – возрождения локальные, в названиях которых это слово пишется со строчной буквы, дабы не путать их с тем единым и масштабным Возрождением, которое еще впереди. Пока же речь идет о нескольких особых периодах культурной жизни Средневековья, которые отличались не только яркой интенсивностью, но и отчетливым интересом к наследию дохристианской древности [1, с. 91–96]. Ключевым моментом здесь является не только (и даже не столько) интерес к Античности, сколько интенсивность культурной жизни – «резкий культурный подъем» [2, с. 223] – и состояние «относительного культурного благополучия по сравнению с предшествующим (и, как правило, последующим) упадком» [1, с. 91]. Однако в эти периоды «культура обращается в поисках образцов не к непосредственно предшествующей эпохе, а через ее голову к более отдаленным» [2, с. 223], и потому главным признаком культурного процветания выступает, по удачной формулировке М. Л. Андреева, «расширение круга известных и активно используемых античных текстов, а главным итогом – производство собственных текстов, ориентированных на определенную античную модель» [1, с. 91].

Термин *возрождение* применительно к средневековой культуре ввел историк литературы Жан-Жак Ампер (единственный сын того самого физика Андре Мари Ампера, в честь которого названа единица силы тока): он говорил о Каролингском возрождении – подъеме интеллектуальной культуры в эпоху правления королей франков из династии Каролингов (конец VIII – середина IX в.). Действительно, интеллектуалы открыли для себя античное наследие, возник даже особый тип средневекового письма на основе латыни – каролингский минускул (именно им написанные тексты обнаружили гуманисты XIV в., приняв его за классическую римскую латынь, и именно на его основе возникла латынь, используемая сегодня). Латинский язык в империи

Карла Великого стал средством государственного объединения; в школах империи широко изучались древние авторы и классические дисциплины тривиума и квадравиума [3, с. 49].

Образование если и не развивается бурно, то, по крайней мере, становится предметом монаршего интереса и, как сказали бы мы сегодня, предметом государственной политики. Так, Карл Великий издает «Капитуларий о науках» (ок. 787 г.), согласно которому при каждой епископальной кафедре должны быть открыты школы (и, хотя реализовано это не было, в 802 г. издается еще один капитуларий на данную тему, где говорится даже о мирянах: «...чтобы каждый посылал своих детей в школу, которую дети должны прилежно посещать, пока они достойно не обучатся» [2, с. 226]). Карл Великий собирает при своем дворе самых образованных людей Европы и создает – по примеру древних – Академию, во главе которой встает Алкуин из Йорка [4, с. 64]; всплеск активности наблюдается в развитии теологии и права [5; 6]; схоластикой высвечиваются не только богословские, но и философские вопросы [7]; оживляется художественная культура [8]; витает даже идея реставрации Римской империи [9, с. 59].

Член упомянутой Академии Муадвин так говорит о современных ему культурных трендах: «К древним обычаям вновь возвращаются нравы людские: / Снова Рим золотой, обновясь, возродился для мира...» (цит. по [2, с. 230]).

Именно каролингская культура, несмотря на кратковременность своего существования, заложила фундамент дальнейшей эволюции европейского художественного творчества, сделав его достоянием античную традицию [3, с. 50].

Термин *возрождение* в приложении к Средневековью не избежал критики. К примеру, Ле Гофф называет Каролингское возрождение «ренессансом для замкнутой элиты» (крайне малочисленной), который «должен был послужить клерикальной Каролингской монархии небольшим питомником, выращивающим чиновников и политиков» [5, с. 12–13], и даже ставит под сомнение само его

существование [5, с. 9–10]. М. Л. Гаспаров полагает, что это понятие в целом «принадлежит к числу самых спорных в европейской литературе» [2, с. 223].

И все же... Все же, как тонко подметил И. О. Шайтанов, «Античность знали в средние века. Знали настолько разнообразно, чтобы сознательно выбирать любимых авторов и менять пристрастия»¹ [10, с. 171]. По мнению К. Брука, средневековые авторы подчас даже обладали «проницательным взглядом» на то, что дошло до него из прошлого, «особенно из Римского прошлого» [11, с. 119–226].

В силу этого термин *возрождение* в работах историков представлен достаточно широко. С 1920-х гг. активно используется понятие *Оттоновское возрождение*, которым обозначается подъем культурной жизни в Германии в конце X в. при императорах Саксонской династии Оттонов. Встречается также термин *Остготское возрождение*, под которым понимается подъем культуры в Остготской Италии в V–VI вв., города которой (Рим, Равенна, Милан) становятся в раннем Средневековье центрами развития, продолжавшими традиции античной классики [3, с. 49] и даже восстановившими многие сооружения древности (театр Помпея в Риме, акведуки и др.) [12]. Используются также понятия Македонского (IX–X) и Палеологовского возрождений (XIII–XIV вв.) в Византии и др. [1, с. 91].

Устоявшимся, несмотря на критику [13; 14], считается и понятие *возрождения XII в.* (и это – название, а не просто хронологический маркер) – наиболее всеохватное и масштабное возрождение в рамках средневековой культуры.

Вот это последнее и интересует нас больше всего – особый коктейль из рефлексивно осознавшего себя на уровне философствующей схоластики христианства, переосмысленной и по-своему понятой Античности и своеобразного гуманизма, который мы сегодня и не распознали бы в том обличье, в котором он имел место, но ведь имел же! Так, Генрих I, именуемый Боклерк (от фр. *Beauclerc* – высокообразованный, что само по себе примечательно), издает в 1100 г. английскую Хартию вольностей, в которой впервые говорится об обязанностях (*sic!*) короля в отношении дворян (ну, пусть хотя бы в отношении хоть кого-нибудь!).

С середины XII в. возникают университеты, специфика статуса которых заключается в том, что

они «существуют между церковью и городом, часто претендуя на независимость от обоих» [10, с. 160]. Появляются латинские переводы философских текстов (греческих и арабских), а также математических («Начала» Евклида, «Об измерении круга» Архимеда), астрономических («Альмагест» Птолемея, таблицы Аль-Хорезми), медицинских трудов (трактаты Гиппократ и Галена, «Канон врачебной науки» Ибн Сины) и многие другие [15, с. 69–81]. Начинает складываться то, что историки называют сегодня христианско-мусульманским и христианско-иудейским диалогами².

Важные сдвиги происходят в средневековой культуре и в отношении когнитивных установок. Так, познание содержательно ориентируется на предметность (по оценке Ж. Ле Гоффа, университетские профессора были наследниками Иоанна Солсберийского, который говорил: «Логика сама по себе бескровна и бесплотна, она не родит мысли, если не зачнет ее где-то на стороне» [5, с. 83]). За четыре столетия до появления науки в современном ее понимании³ возникает исследовательская интенция построения рациональной онтологии (см. [18]), и, несмотря на то, что эти усилия не только не были поняты, но и воспринимались в Средневековье как «форма ереси» [19, р. 346], тем не менее современные исследователи называют их результаты «концептуальной революцией XII в.» [19, р. 346–362].

Ле Гофф приводит фрагмент письма Даниэля Морлийского к епископу Норвича, в котором он пишет «о своем интеллектуальном развитии»: «Пусть никто не смущается, если, говоря о творении мира, я привожу свидетельства не отцов церкви, но языческих философов, поскольку, хоть они и не причислены к правоверным, иные из их речений должны войти в наше образование, дополняемые верой. <...> По велению Господа и с его помощью нам надлежит отнять у языческих философов их мудрость и красноречие: ограбим неверных так, чтобы обогатить добычей нашу веру» [5, с. 19].

Обогатить христианскую веру ученостью... Тут самое время оговорить один существенный момент: разумеется, интеллектуальная и художественная культуры, хоть и обращались к античному наследию (равно как и к восточной традиции), никак не выходили за рамки христианского канона. Как пишет И. О. Шайтанов, «средневековые горо-

¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических особенностей оригинала. – М. М.

²Ле Гофф описывает впечатления мусульманского путешественника Ибн Джубайра, посетившего Палермо во второй половине XII в.: он «пришел в восхищение от королевского двора, где бок о бок жили нормандцы и сицилийцы, греки и мусульмане. Латинский, греческий и арабский были тремя официальными языками королевской канцелярии. <...> ...Это был центр переводов с греческого и арабского, очаг слияния разных художественных стилей, о чем свидетельствуют великолепные церкви Чефалу, Палермо и Монтереале, в которых христианские романские и готические элементы достигли оригинального синтеза с традиционным византийским и мусульманским стилями» [16, с. 63–64].

³Впрочем, современная философия иногда готова пересмотреть жесткую позицию относительно формирования науки именно в контексте культуры Нового времени: в частности, П. П. Гайденко начинает отсчет развития научного знания с VI в. до н. э., т. е. с момента формирования теоретического мышления как такового (см. [17]).

жане были людьми богобоязненными, думающими о душе, вместе с городом возводящими храмы и если грешившими, то готовыми искупить грех и разделить свое земное благосостояние с церковью, никогда не отказывавшейся причаститься земным благам. Однако самым стилем городской жизни была предопределена сосредоточенность на земном и преходящем, необходимость прислушиваться к бою часов и различать в нем звон денег» [10, с. 157].

Происходящие в культуре XII в. процессы интересом к Античности отнюдь не исчерпываются. Собственно, по оценке медиевистов, «говорить об этой эпохе как о “возрождении” уместно лишь применительно к областям интеллектуальной деятельности», главное же заключается в том, что явление, которое известно под именем *культурного ренессанса XII в.*, «по сути дела, есть первое энергичное самовыражение западной средневековой культуры, уже сформировавшейся и вступившей в пору юношеского расцвета» [20, с. 352].

Как отмечает Э. Панофский применительно к художественной культуре, «когда в период зрелого или позднего Средневековья произведение искусства заимствовало форму у классического образца, эта форма почти всегда наделялась неклассическим, как правило, христианским содержанием» [8, с. 150].

Это характерно для любого *возрождения* в рамках Средневековья. В истории литературы зафиксировано, что и в эпоху Каролингского возрождения поэты возродили жанры эклоги, эпиграфы, панегирика, послания, басни и прочие, активно практиковались античные метры (гекзаметр, эгический дистих, ямбический диметр и т. д.) и строфы (архилохова, сапфическая и др.), широко использовалась языческая образность. Однако в литературной практике при стилизации произведений в античном ключе «содержание их... уже сугубо средневековое: вопросы христианской веры, борьба с арианской ересью, верность христианским правителям, жизнь и подвиги святых и т. д.» [4, с. 65].

Классическими образцами этой традиции являются комментарии к античным текстам, целью которых было отыскать в них аллегорический смысл, позволяющий трактовать их как соответствующие христианскому учению. Наиболее яркими авторами подобных комментариев к «Метаморфозам» Овидия являлись Арнульф Орлеанский и Александр Неккам, в этом же ключе написана и аллегорическая поэма Иоанна де Гарландии Английского «Покров Овидия».

В этом контексте, например, «тема плотской любви, столь характерная для античности, заменяется темой дружбы (например, в послании Алкуина “Альбин Коридону”, послании Валахфрида Страбона “К Лиутгеру-клирику” и др.)» [4 с. 65]. Мы еще

вернемся к этому сюжету, рассмотрев его более пристально и подробно.

Итак, по описанию Алкуина, «не новые ли Афины сотворились во франкской земле, только множества блистательнейшие, ибо они, прославленные учительством господина Христа, превосходят всю премудрость академических упражнений» (цит. по [2, с. 230]).

И, однако, ничто не проходит бесследно: кумулятивный эффект еще никто не отменял, и новые веяния складывались в новые традиции, – от *возрождения к возрождению*, от Каролингского – к Оттоновскому и далее – к *возрождению XII в.* В итоге, по оценке того же Э. Панофского, «одновременное развитие Проторенессанса и протогуманизма привело к существенным изменениям» [8, с. 149].

Собственно, мы уже коснулись этих изменений: все, что говорилось в предыдущих статьях о рыцарской культуре, о северофранцузских авантюрно-любовных романах, о поисках языка любви, – все это укладывается в рамки *возрождения XII в.*

Однако, прежде чем подступить к разговору о наиболее значимой версии интерпретации любви в рыцарской традиции – к куртуазной трактовке любви в поэзии трубадуров, – необходимо рассмотреть такой важный вектор возрождения интереса к Античности, как *возрождение Овидианское*.

Овидианское возрождение – термин достаточно условный (введен в 1911 г. немецким филологом Л. Траубе), так как обнимает весьма большой период развития средневековой латинской литературы от конца XI до начала XIII в. – период, включающий в свое содержание несколько средневековых возрождений, охватывая и Каролингское возрождение, и *возрождение XII в.* И, конечно, главная характеристика *Овидианского возрождения* – «повышенный интерес к творчеству Овидия» [21, с. 53], что укладывается в вектор общего интереса к Античности, однако представляет вполне самостоятельный интерес в рамках нашей темы, а именно проблемы эволюции трактовки любви в европейской культуре.

В этом контексте не следует забывать, что Публий Овидий Назон – не просто лирик, но лирик с ярко выраженным эротическим оттенком, причем его «Наука любви» и «Любовные элегии» воспринимались как неоднозначные уже при его жизни: по одной из версий, он был изгнан из столицы именно из-за дурного влияния его текстов на римские нравы [22, с. 152]. Никто не знает (и теперь уже не узнает), было расхождение между пропагандируемыми им идеалами любви и политикой Августа в отношении семьи и брака истинной причиной или лишь поводом для изгнания. Как известно, Сократа заставили выпить цикуту по тем же обвинениям... Но факт остается фактом: произведения открывали возможность для обвинений такого рода.

Овидианское возрождение может быть рассмотрено как своего рода сквозной вектор, если не красной, то достаточно ощутимой нитью проходящий через все упомянутые *малые ренессансы*. И для разворачивания любовной литературной традиции он выступал не столько даже детерминантой, сколько фоном. Однако фон этот является и мотивирующим данную линию развития лирики (что чрезвычайно важно для средневековой системы ценностей), и легитимирующим само ее существование (что, возможно, еще более важно).

Еще поэты, состоявшие в Академии при дворе Карла Великого, «отказались от своих “варварских” имен и назвались именами великих античных авторов» [4, с. 65]: Алкуин стал Горацием, Ангильберт – Гомером, Муадвин – Назоном (прямо-таки самим Овидием!) и т. д. При этом Муадвин, писавший под псевдонимом Назон, был епископом Отенским [23, с. 430], и Алкуин в своем «Послании к Коридону» имеет в виду именно его, упоминая «второго Назона-пиита» [24, с. 259].

В текстах самого Алкуина встречаются как реальные античные фигуры, так и литературные персонажи античной традиции: от Гомера и Гая Валерия Флакка [25, с. 262] до Венеры, Феба, Вакха [26, с. 263–264] и полисемантического Палемона [26, с. 264]; имена Меналка и Дафниса [27, с. 260], скрывающие учеников Алкуина, почерпнуты из эклога Вергилия и т. п.

Что касается *возрождения XII в.*, то оно тоже включает в себя активизацию интереса к различным античным авторам (Квинт Гораций Флакк, Публий Теренций Афр и др.). Принадлежащая перу монаха Санкт-Галленского монастыря латинская поэма «Вальтарий», относящаяся к одному из значимых произведений немецкого героического эпоса, написана гекзаметром.

При этом авторы данного периода вполне отдают себе отчет в античных истоках своей поэзии. Так, Матвей Вандомский пишет:

Логикой славен Париж, Орлеан – изучением
древних,
А элегийским стихом ныне прославлен Вандом
(цит. по [28, с. 431]).

В нашем контексте важно, что интерес к Овидию был доминирующим как по мощности воздействия, так и по далеким отголоскам в европейской культуре – его значение выходит далеко за рамки средневековой культуры [29; 30], распространяясь практически на все национальные традиции [31] и самых значимых авторов масштаба В. Шекспира [32], М. де Сервантеса [33] и А. С. Пушкина [34], а также на далекие от литературы традиции: от схоластической учености [35] до современной кинематографии [36].

Если же говорить непосредственно о Средневековье, то интерес к Овидию прежде всего проявился среди ученых клириков в монастырях [37], что обусловлено таким очевидным фактором, как знание латыни. Бальдерик Бургейльский, например, клирик Бургейльского монастыря, описывает его как «приют, где цветут Цицероны» [38, с. 235].

Влияние Овидия на средневековую традицию оценивается как очень высокое: Дж. Диммик говорит об Овидии как об авторитете для средневековой поэзии [39, р. 264–287]; Дж. М. Файлер называет средневековую литературу «компанией Овидия» [40], причем Р. Хекстер оценивает его влияние как наиболее значимое именно в контексте развития традиции любовной лирики [41], которая в целом трактуется им как разворачивающаяся под «тенью Овидия» [42].

Надо заметить, что бурный интерес Средневековья к наследию Овидия проявился не только в том, что резко возросло количество рукописей, воспроизводивших его произведения, а его тексты вошли в круг школьного чтения, но и содержательно. Влияние Овидия обнаруживает себя в северофранцузском рыцарском романе, в частности в творчестве Кретьена де Труа (известно, что Кретьен не только читал Овидия, но и переводил его на французский язык, в силу чего среди своих ранних произведений он называет «Искусство любви» и «Наставления Овидия» [43, с. 489–498]). Стилю и тематике Овидия подражали такие поэты, как Марбод Реннский, Хильдеберт Лаварденский, Бальдерик Бургейльский, Серлон Вильтонский, Вальтер Шатильонский, Гильом де Лоррис (один из авторов уже упоминавшегося в предыдущей статье «Романа о Розе»); особенно ярко проявилось это влияние в традиции трубадуров, а также у вагантов.

Вместе с тем в литературе поставлен вопрос об адекватности восприятия Овидия средневековыми клириками: Б. Вейден Бойд называет это даже не столько адаптацией, сколько «изобретением Овидия» [44], а Р. Хекстер даже говорит о «псевдо-Овидиане» Средневековья [41].

Собственно, Кретьен де Труа пишет об этом совершенно открыто:

Воспев Эрека и Эниду,
Ученым людям не в обиду
Овидиев канон улад
Переложив на новый лад... [45, с. 212].

Что ж, это вполне укладывается в уже упоминавшуюся парадигму взаимодействия с античной классикой, характерную для всех *возрождений* Средневековья: взять античную форму, стиль, сюжет и насытить их новым, весьма далеким от античного канона содержанием. Овидий любим, восхваляем, его переводят, ему подражают. Отсылки к Овидию щедро рассыпаются средневековыми

авторами: «Шлю, Назон, я тебе привет мой, слезами омытый...» у Бальдерика Бургейльского [46, с. 237]; «Просит влюбленный любви, как древле Назон у Коринны...» у Матвея Вандомского [47, с. 440]; «Предан Венере Назон, но я еще более предан...» у Серлона Вильтонского [48, с. 447] и т. п. Но како-

ва та трактовка любви, которую вкладывают в свои произведения авторы *Овидианского возрождения*? Насколько совпадает она с трактовкой любви в «*Ars amandi*»? Что нового вносит в средневековые представления в любви?

Продолжение, как вы понимаете, следует...

Библиографические ссылки

1. Андреев МЛ. Возрождения средневековые. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры*. Москва: РОССПЭН; 2003. с. 91–96. (Summ culturologiae).
2. Гаспаров МЛ. Каролингское возрождение. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков*. Москва: Наука; 1970. с. 223–242.
3. Головашин ВА. *Очерк истории мировой культуры*. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета; 2002. 180 с.
4. Луков ВА. *История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней*. Москва: Академия; 2008. 512 с.
5. Ле Гофф Ж. *Интеллектуалы в средние века*. Руткевич АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского университета; 2003. 160 с.
6. Шишков АВ. *Средневековая интеллектуальная культура*. Москва: Издательский дом «Савин С. А.»; 2003. 592 с.
7. Жильсон Э. *Философия в средние века*. Москва: Культурная Революция; 2010. 678 с. Совместное издание с «Республика».
8. Панофский Э. *Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2006. 640 с.
9. Гуревич АЯ, Харитонович ДЭ. *История средних веков*. Москва: Издательство МГУ; 2008. 681 с. Совместно с «Печатные традиции».
10. Шайтанов ИО. Европа в контексте средневековой культуры. В: Кузнецова ТФ, редактор. *Очерки по истории мировой культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1997. с. 141–175.
11. Брук К. Возрождение XII века. В: Лутковский Л, редактор. *Богословие в культуре средневековья*. Панасьев АН, переводчик. Киев: Путь к истине; 1992. с. 119–226.
12. Смирнова ЕД, Сушкевич ЛП, Федосик ВА. *Средневековый мир в терминах, именах, названиях*. Минск: Беларусь; 2001. 383 с.
13. Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ. Время расцвета (XII в.). В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 269–289.
14. Горнунг БВ. Существовал ли «Ренессанс XII века». В: Храпченко МБ, редактор. *Историко-филологические исследования: сборник статей к 75-летию Н. И. Конрада. Том 1*. Москва: Наука; 1967. с. 272–283.
15. Ле Гофф Ж. *Рождение Европы*. Санкт-Петербург: Александрия; 2008. 400 с.
16. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Бессмертный ЮЛ, редактор. Москва: Прогресс; 1992. 376 с. Совместное издание с «Прогресс – Академия».
17. Гайденок ПП. *Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ*. Москва: Наука; 1980. 568 с.
18. Гайденок ВП, Смирнов ГА. *Западноевропейская наука в средние века: общие принципы и учение о движении*. Москва: Наука; 1989. 352 с. (Библиотека всемирной истории естествознания).
19. Stiefel T. The Heresy of Science: a Twelfth-Century Conceptual Revolution. *Isis. A Journal of the History of Science Society*. 1977 September;68(3):346–62. DOI: 10.1086/351812.
20. Столяров АА. Ренессанс XII в. В: Мотрошилова НВ, редактор. *История философии: Запад – Россия – Восток. Книга 1. Философия древности и средневековья*. Москва: Греко-латинский кабинет; 1995. с. 352–356.
21. Журбина АВ. Овидианское возрождение. В: Осипов ЮС, Кравец СЛ, редакторы. *Большая российская энциклопедия. Том 23. (Николай Кузанский – Океан)*. Москва: Большая Российская Энциклопедия; 2013. с. 53–54.
22. Вулих НВ. Овидий и Август. *Вестник древней истории*. 1968;1:151–160.
23. Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* Москва: Наука; 1970. 444 с.
24. Алкуин. Послание к Коридону. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* Москва: Наука; 1970. с. 259.
25. Алкуин. К своей келье. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* Москва: Наука; 1970. с. 261–262.
26. Алкуин. Словопрение весны с зимой. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* Москва: Наука; 1970. с. 262–264.
27. Алкуин. Стих о кукушке. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв.* Москва: Наука; 1970. с. 260–261.
28. Гаспаров МЛ. Светская поэзия XII в. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. Москва: Наука; 1972. с. 430–432.
29. Ичин К. *Поэтика изгнания: Овидий и русская поэзия*. Белград: Издательство Белградского университета; 2007. 104 с.
30. Вулих НВ. *Овидий*. Москва: Молодая гвардия; 1996. 282 с. (Жизнь замечательных людей).
31. Martindale Ch, editor. *Ovid Renewed: Ovidian Influences on Literature and Art from the Middle Ages to the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 298 p.
32. Kellen S. Shakespeare and Ovid. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 232–245.
33. Frederick A. de. *Don Quixote as Ovidian Text Ovid's Exile and Medieval Italian Literature*. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 277–290.

34. Вулих НВ. Образ Овидия в творчестве Пушкина. В: Алексеев МП, редактор. *Временник Пушкинской комиссии 1972 года*. Ленинград: Наука; 1974. с. 66–76.
35. Coulson FT. Ovid's Metamorphoses in the school tradition of France, 1180–1400: texts, manuscript traditions, manuscript settings. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 48–83.
36. Winkler M. Ovid and the Cinema. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 469–483.
37. Clark JG. Ovid in the monasteries: the evidence from late medieval England. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 177–196.
38. Бальдерик Бургейльский. К Эмме, при посылке стихов. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. Москва: Наука; 1972. с. 235–236.
39. Dimmick J. Ovid in the Middle Ages: Authority and Poetry. In: Hardie Ph, editor. *The Cambridge Companion to Ovid*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. p. 264–287.
40. Fyler JM. The Medieval Ovid. In: Knox PE, editor. *A Companion to Ovid*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell; 2009. p. 411–422.
41. Hexter R. Ovid in the Middle Ages: Exile, Mythographer, and Lover. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's Companion to Ovid*. Leiden: Brill; 2002. p. 413–442. (Brill's Companions in Classical Studies).
42. Hexter R. Shades of Ovid: the pseudo-Ovidiana in the Middle Ages. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 284–309.
43. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Стаф ИК, переводчик. Санкт-Петербург: Алетея; 2003. 544 с.
44. Weiden Boyd B. The Amores: The Invention of Ovid. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's Companion to Ovid*. Leiden: Brill; 2002. p. 91–116. (Brill's Companions in Classical Studies).
45. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. В: Кретъен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес*. Москва: Наука; 1980. с. 5–211. (Литературные памятники).
46. Бальдерик Бургейльский. Флор – Овидию. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. Москва: Наука; 1972. с. 237–240.
47. Матвей Вандомский. Клирик – девушке. (Из «Письмовника»). В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. Москва: Наука; 1972. с. 440–443.
48. Серлон Вильтонский. Любовные элегии. В: Грабарь-Пассек ЕМ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков*. Москва: Наука; 1972. с. 446–448.

References

1. Andreev ML. [Medieval Renaissances]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: ROSSPEN; 2003. p. 91–96. (Sumrm culturologiae). Russian.
2. Gasparov ML. [Carolingian Renaissance]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vekov* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 223–242. Russian.
3. Golovashin VA. *Ocherk istorii mirovoi kul'tury* [Essay on the history of world culture]. Tambov: Publishing House of the Tambov State University; 2002. 180 p. Russian.
4. Lukov VA. *Istoriya literatury: zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dnei* [Literature history: foreign literature from the beginnings to the present day]. Moscow: Akademiya; 2008. 512 p. Russian.
5. Le Goff J. *Intellektualy v srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. Rutkevich AM, translator. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 2003. 160 p. Russian.
6. Shishkov AV. *Srednevekovaya intellektual'naya kul'tura* [The Middle Ages intellectual culture]. Moscow: Publishing House «Savin S. A.»; 2003. 592 p. Russian.
7. Gilson E. *Filosofiya v srednie veka* [Philosophy in the Middle Ages]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya; 2010. 678 p. Co-published by the «Respublika». Russian.
8. Panofsky E. *Renessans i «renessansy» v iskusstve Zapada* [Renaissance and «renaissances» in the art of the West]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2006. 640 p. Russian.
9. Gurevich AY, Kharitonovich DE. *Istoriya srednikh vekov* [History of the Middle Ages]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University; 2008. 681 p. Co-published by the «Pechatnye traditsii». Russian.
10. Shaitanov IO. [Europe in the context of medieval culture]. In: Kuznetsova TF, editor. *Ocherki po istorii mirovoi kul'tury* [Essays on the history of world culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 1997. p. 141–175. Russian.
11. Brook K. [Renaissance of the 12th century]. In: Lutkovsky L, editor. *Bogoslovie v kul'ture srednevekov'ya* [Theology in the culture of the Middle Ages]. Panasyev AN, translator. Kiev: Put' k istine; 1992. p. 119–226. Russian.
12. Smirnova ED, Sushkevich LP, Fedosik VA. *Srednevekovyi mir v terminakh, imenakh, nazvaniyakh* [The medieval world in terms, names and titles]. Minsk: Belarus; 2001. 383 p. Russian.
13. Grabar-Passek ME, Gasparov ML. [The time of heyday (12th century)]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 269–289. Russian.
14. Gornung BV. [Did it exist a «Renaissance of the 12th century»?]. In: Khrapchenko MB, editor. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sbornik statei k 75-letiyu N. I. Konrada. Tom 1* [Historical and philological studies: collection of articles on the 75th anniversary of N. I. Conrad. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1967. p. 272–283. Russian.
15. Le Goff J. *Rozhdenie Evropy* [The birth of Europe]. Saint Petersburg: Alexandriya; 2008. 400 p. Russian.
16. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The civilization of the medieval West]. Bezsmertny YuL, editor. Moscow: Progress Publishing Group; 1992. 376 p. Co-published by the «Progress – Akademiya». Russian.
17. Gaidenko PP. *Evolutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm* [Evolution of the concept of science: formation and development of the first scientific programs]. Moscow: Nauka; 1980. 568 p. Russian.

18. Gaidenko VP, Smirnov GA. *Zapadnoevropeiskaya nauka v srednie veka: obshchie printsipy i uchenie o dvizhenii* [Western European science in the Middle Ages: general principles and the theory of motion]. Moscow: Nauka; 1989. 352 p. (Library of the World History of Natural Science). Russian.
19. Stiefel T. The Heresy of Science: a Twelfth-Century Conceptual Revolution. *Isis. A Journal of the History of Science Society*. 1977 September;68(3):346–62. DOI: 10.1086/351812.
20. Stolyarov AA. [The Renaissance of 12th century]. In: Motroshilova NV, editor. *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. Kniga 1. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya* [The history of philosophy: West – Russia – East. Book 1. The philosophy of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Greko-latinskii kabinet; 1995. p. 352–356. Russian.
21. Zhurbina AV. [Ovidian Renaissance]. In: Osipov YuS, Kravets SL, editors. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Tom 23. (Nikolai Kuzanskii – Okean)* [The Great Russian Encyclopedia. Volume 23. (Nikolai Kuzansky – Ocean)]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya; 2013. p. 53–54. Russian.
22. Vulikh NV. [Ovid and Augustus]. *Vestnik drevnei istorii*. 1968;1:151–160. Russian.
23. Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1970. 444 p. Russian.
24. Alcuin. [Message to Corydon]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1970. p. 259. Russian.
25. Alcuin. [To my cell]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1970. p. 261–262. Russian.
26. Alcuin. [Logomachy of spring and winter]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1970. p. 262–264. Russian.
27. Alcuin. [A verse about the cuckoo]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 4th–9th centuries]. Moscow: Nauka; 1970. p. 260–261. Russian.
28. Gasparov ML. [Secular poetry of the 12th century]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 430–432. Russian.
29. Ichin K. *Poetika izgnaniya: Ovidii i russkaya poeziya* [The poetics of expulsion: Ovid and Russian poetry]. Belgrade: Publishing House of the University of Belgrade; 2007. 104 p. Russian.
30. Vulikh NV. *Ovidii* [Ovid]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1996. 282 p. (Life of remarkable people). Russian.
31. Martindale Ch, editor. *Ovid Renewed: Ovidian Influences on Literature and Art from the Middle Ages to the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 298 p.
32. Kellen S. Shakespeare and Ovid. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 232–245.
33. Frederick A. de. *Don Quixote as Ovidian Text* Ovid's Exile and Medieval Italian Literature. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 277–290.
34. Vulikh HV. [The image of Ovid in the works of Pushkin]. In: Alekseev MP, editor. *Vremennik Pushkinskoi komissii 1972 goda* [Vremennik of Pushkin commission in 1972]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 66–76. Russian.
35. Coulson FT. Ovid's Metamorphoses in the school tradition of France, 1180–1400: texts, manuscript traditions, manuscript settings. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 48–83.
36. Winkler M. Ovid and the Cinema. In: Miller JF, Carole E, editors. *A Handbook to the Reception of Ovid*. Newlands: John Wiley & Sons, Inc; 2014. p. 469–483.
37. Clark JG. Ovid in the monasteries: the evidence from late medieval England. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 177–196.
38. Balderick of Burgeilia. [To Emma, when sending poems]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. P. 235–236. Russian.
39. Dimmick J. Ovid in the Middle Ages: Authority and Poetry. In: Hardie Ph, editor. *The Cambridge Companion to Ovid*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. P. 264–287
40. Fyler JM. The Medieval Ovid. In: Knox PE, editor. *A Companion to Ovid*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell; 2009. p. 411–422.
41. Hexter R. Ovid in the Middle Ages: Exile, Mythographer, and Lover. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's Companion to Ovid*. Leiden: Brill; 2002. p. 413–442. (Brill's Companions in Classical Studies).
42. Hexter R. Shades of Ovid: the pseudo-Ovidiana in the Middle Ages. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 284–309.
43. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [The experience of medieval poetics building]. Staf IK, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 544 p. Russian.
44. Weiden Boyd B. The Amores: The Invention of Ovid. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's Companion to Ovid*. Leiden: Brill; 2002. p. 91–116. (Brill's Companions in Classical Studies). Russian.
45. Chrétien de Troyes. [Erec and Enid]. In: Chrétien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. p. 5–211. (Literary Monuments). Russian.
46. Balderick of Burgeilia. [Fom Flor – Ovid]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 237–240. Russian.
47. Matthew of Vendome. [Cleric – to the girl. (From the «letters»)]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 440–443. Russian.
48. Serlon of Wilton. [Love elegies]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin Literature of 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 446–448. Russian.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 303.01

КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. ЛАШУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Цель статьи – изучение основных этапов формирования конструктивистской методологии в социологии. Этот дискурс формировался на основе различий в концептуализации феномена общества и особенностях его познания. Данные представления анализируются в рамках философии, социологии, этнометодологии. Рассмотрены также неомодернизм и постмодернизм как две основные ветви социологических интерпретаций современного общества. Обозначенные теории непосредственно легли в основу социального конструктивизма (П. Бергер и Т. Лукман), в рамках которого был провозглашен основной принцип социологического познания: «Общество существует как в объективной, так и в субъективной реальности». Фокус внимания также сосредоточен на социоанализе П. Бурдьё, который стремился отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности и ввел понятие «агент» в противоположность субъекту и индивиду.

Ключевые слова: конструктивизм; феноменология; этнометодология; социоанализ; культура.

Образец цитирования:

Лашук ИВ. Конструктивистские интерпретации общества в западной социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:124–129.

For citation:

Lashuk IV. Constructivist interpretation of society in western sociology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:124–129. Russian.

Автор:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Iryna V. Lashuk, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology, head of the Center for social and humanitarian studies, Institute of social science and humanities education.
lashuki@tut.by

CONSTRUCTIVIST INTERPRETATION OF SOCIETY IN WESTERN SOCIOLOGY

I. V. LASHUK^a

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The purpose of this article is to study the main stages of the formation of a constructivist methodology in sociology. The indicated discourse consisted of differences in the conceptualization of the phenomenon of «society» and the characteristics of its (society) cognition. The main concepts of constructivist interpretation of the «society» phenomenon are considered. The origins of these ideas were formed in the framework of phenomenological philosophy, sociology, ethnomethodology. These theories laid the foundation for social constructivism in the person of P. Berger and T. Lukman, who proclaimed the basic principle of sociological knowledge: «Society exists in both objective and subjective reality». The focus of attention is further focused on the socio-analysis of P. Bourdieu, who seeks to dissociate himself from the structuralist and phenomenological approaches to the study of social reality and introduces the concept of «agent» as opposed to subject and individual.

Keywords: constructivism; phenomenology; ethnomethodology; socio-analysis; culture.

Конструктивистские идеи оказали серьезное влияние на формирование и развитие современной социологии. Рассмотрим основные эпистемологические конструктивистские концепции общества, разработанные в западном социогуманитарном знании.

Феноменологическая социология берет свое начало в осуществленном Э. Гуссерлем феноменологическом повороте в философии. Повседневный мир человека, по мысли Э. Гуссерля, является интересубъективным миром культуры: человек живет в нем среди других людей, все связано общими делами и работой, понимают других и являются для них объектом понимания. И это мир культуры, поскольку жизненный мир есть для человека универсум обозначений, т. е. смысловая сеть, которую необходимо проинтерпретировать, и мир смысловых взаимосвязей, которые устанавливаются посредством нашего действия в этом жизненном мире. Основная идея философии Э. Гуссерля, которая потом стала центральной во всей феноменологии, – это идея интенциональности сознания. Ее смысл заключается в следующем: *сознание всегда направлено на объект, и вне этой направленности на объект отсутствует информация о сознании какого-то содержания*. Поэтому в значительной степени социальные представления о том, что есть сознание, зависят от анализа тех объектов и предметностей, от которых это сознание зависит [1].

Феноменолог-социолог А. Шюц, считающийся основателем феноменологической социологии, утверждает, что социальная реальность представляет для каждого человека как субъекта социального действия существующий для него и других людей интересубъективный мир, т. е. мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов. Только собственный обобщенный обыденный опыт, приобретенный во взаимодействии с другими, дает возможность приобщиться к интересубъективному миру [2].

Более того, социальный мир не только интересубъективен и предстает как воплощение межсубъектного взаимодействия людей в опыте их повседневной жизни, но и является с самого начала миром значений. Другой человек в этом опыте воспринимается не как организм, а как такой же человек, поэтому люди, как правило, «знают» (т. е. более или менее четко представляют), что делает другой человек, ради чего он это делает, почему он делает именно это в данное время и в данных конкретных обстоятельствах. Значит, восприятие действий другого человека осуществляется с точки зрения его мотивов и целей. И точно так же воспринимаются культурные объекты с точки зрения человеческого действия, результатом которого они являются. В основе межсубъектных взаимодействий лежит понимание как особая форма опыта, в которой обыденное сознание получает знание о социально-культурном мире.

В рамках социологической феноменологии и на ее теоретической основе на рубеже 1960–70-х гг. возникло новое направление в социологии – этнометодология. Автор этой концепции Г. Гарфинкель [3] универсализирует методы этнографии и способы организации повседневной жизни людей в примитивных обществах и культурах, тем самым превращая эти методы в теоретико-методологическое основание социологического анализа всех явлений и процессов социальной действительности.

С точки зрения этнометодологов, социальная реальность не обладает объективными характеристиками, а видоизменяется в зависимости от особенностей, содержания и форм выражения той социальной коммуникации, в процессе которой они реализуются, возникают и развиваются. Более того, социальная реальность конструируется, создается в процессе общественной коммуникации, прежде всего речевой. Научные термины, концепции, теории являются вторичными, производными от повседневного опыта и общения людей, в процессе

развертывания которого и создается сама объективная реальность. Так появляются уже не философские, а социологические, культурологические понятия – «интерсубъективность» (А. Шюц) и «коммуникация», «диалог» (Э. Гуссерль). Логичным представляется переход к трактовке Э. Гофманом понятия игры: чтобы действовать и играть, нужно соблюдать стандарты, которые необходимо предварительно согласовать с другим через интернализованные схемы организации опыта. Итак, к социологическим понятиям добавляются понятия публичности, публичного пространства и ситуации, в которой что-то происходит.

Ю. Хабермас в своих работах анализировал соотношение понятий «жизненный мир» и «ситуация»: жизненный мир можно рассматривать как фон для реализации тех конкретных жизненных ситуаций, в которые попадает человек. Жизненные ситуации могут быть стандартными, проблемными и конфликтными.

Во 2-й половине XX в. начали оформляться по крайней мере две ветви мысли в процессе определения общества (онтологический смысл) и способов познания этого общества (эпистемологический смысл). Первая ветвь представлена группой теоретиков (Ю. Хабермас, Э. Гидденс), полагающих, что в отношении современного общества возможно строить теории при помощи того же способа, который социальные мыслители использовали на протяжении многих лет. Вторая традиция представлена Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром, Ф. Джеймсоном, утверждающими, что общество так резко изменилось, что мы сейчас живем в качественно ином – постмодернистском – обществе. Более того, они доказывают, что об этом новом обществе необходимо думать по-новому. С некоторой натяжкой сторонников первого направления можно назвать неомодернистами, второго – постмодернистами.

Э. Гидденс определяет современное состояние общества как «поздний (высокий, радикализованный) модерн», одной из основных характеристик которого является глобализация социальной жизни. Самой отличительной характеристикой современного типа социальной жизни признается ее динамизм – мир с «отказавшими тормозами». Динамический характер современной жизни Гидденс объясняет тремя взаимосвязанными факторами:

1) разделением времени и пространства; образованием измерения «пустого времени» и «пустого пространства». Эти категории интерпретируются Э. Гидденсом в терминах отделения социальных отношений от локуса (места) благодаря развитию связей с «отсутствующими» (т. е. находящимися вне данного локуса) другими;

2) «откреплением» социальных институтов, означающим отрыв социальных отношений от локальных контекстов и их реструктурирование на

большие отрезки пространства и времени. Существует два основных механизма «открепления»: «символические значки» (деньги) и «экспертные системы», которые заключают в скобки пространство и время посредством специализированного знания, обладающего значимостью независимо от личности пользователя;

3) специфичной рефлексивностью. «Постоянный рефлексивный мониторинг поведения» является интегральным моментом любого человеческого действия. При возникновении модерна рефлексивность приобретает особый характер: рефлексивность современной социальной жизни состоит, с точки зрения Э. Гидденса, в том, что социальные практики постоянно критически оцениваются и трансформируются в свете поступающей информации [4].

У. Бек, сторонник названной нами неомодернистской концепции, утверждает, что если классический этап современности был связан с промышленным обществом, то новая современность может быть охарактеризована как «общество риска». Так как центральная дилемма в классической современности – богатство, бедность и их распределение, то основная проблема современного общества – предотвращение и минимизация риска, а также управление им. В этом контексте становится актуальным новое концептуальное направление – социология знания [5].

Социология знания является наиболее философской социологической дисциплиной. Ее предмет – возникновение и функционирование различных форм мышления и знания, представляющих собой элемент социокультурной реальности, т. е. религиозные и философские учения, научные теории. Термин «социология знания» был введен М. Шелером. Во многом благодаря трудам К. Мангейма это направление впоследствии стало популярным в англоязычной социологии. Сейчас социология знания исследует особенности формирования, трансляции и воспроизводства знания, социальной детерминации типов мышления в различные периоды истории, типологии производителей и потребителей знания, институциональных форм духовного творчества и т. д. Соответственно, это ядро целого ряда других социологических дисциплин: социологии науки, религии, искусства, имеющих, однако, свою специфику.

Феноменологическая социология знания (П. Бергер, Т. Лукман) [6] ориентирована не столько на изучение специализированных форм знания, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», существующего до формирования разного рода теоретических систем. В начале книги «Социальное конструирование реальности» авторы рассматривают множество источников, однако большее внимание уделяется феноменологии

Э. Гуссерля, переработанной А. Шюцем в феноменологическую социологию. Детальная концептуализация основных категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе принадлежит именно П. Бергеру и Т. Лукману. После выхода упомянутой работы это направление получает широкую известность, становится влиятельным в американской и немецкой социологии. Основная идея данной книги заключается в следующем: реальность социально конструируется; социология знания анализирует процессы, при помощи которых происходит социальное конструирование. Ключевые понятия – реальность и знание, термины, которые используются не только в повседневной речи, но и в длительной философской традиции. Реальность определяется как возможность, присущая феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а знание – это уверенность в том, что феномены реальны и обладают специфическими характеристиками.

Авторов интересует прежде всего повседневная реальность в ее осмыслении простыми людьми, вступающими в социальное взаимодействие.

Важные элементы повседневного социального взаимодействия – способы объективации субъективного: язык как знаковая система и знание (или в терминологии авторов – «социальный запас знания»).

Человеческая субъективность объективируется, проявляя себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Такие объективации служат более или менее устойчивыми показателями субъективных процессов, присущих их создателям, и позволяют вывести эти процессы за пределы ситуации *лицом к лицу*, в которых их можно было непосредственно наблюдать.

Реальность повседневной жизни не просто полна объективаций, она и возможна лишь благодаря им. Человек постоянно окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения партнеров, хотя иногда и возникают трудности в понимании того, что определенный объект обозначает, особенно если он был создан людьми, которых субъект не знал достаточно хорошо или вообще не знал в ситуациях непосредственной встречи.

Процесс обозначения (сигнификация), т. е. осознание человеком знаков, – особый и очень важный случай объективации. Знак отличается от других объективаций своей явной интенцией быть показателем субъективных значений. Конечно, все объективации используются как знаки, даже если первоначально они были созданы без такого намерения. Например, оружие могло быть поначалу создано для того, чтобы убивать зверей, но впоследствии (например, в каком-то обряде) оно становится обозначением агрессивности и насилия вообще.

Общество существует как в объективной, так и в субъективной реальности. Оно понимается как непрерывный диалектический процесс, состоящий из экстернализации, объективации и интернализации. Поскольку нас интересует социальный феномен, не следует считать, что эти три этапа происходят во временной последовательности. Скорее, общество и каждая его часть одновременно характеризуются ими, так что любой анализ в терминах лишь одного или двух этих понятий не будет исчерпывающим. То же можно сказать и в отношении отдельного члена общества, который одновременно экстернализирует себя в социальном мире и интернализирует этот мир как объективную реальность. Иначе говоря, быть в обществе – значит участвовать в его динамике [6].

Ключевым элементом субъективной реальности является идентичность – феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества. Под *типами идентичности* понимаются социальные продукты, относительно стабильные элементы объективной реальности (конечно, степень стабильности, в свою очередь, социально детерминирована).

Постмодернисты в качестве объекта своего изучения выделяют постсовременное общество. Это новая историческая эпоха, которая сменила современность. Постмодернисты считают, что прежние методы невозможно применить к постсовременности, в которой мы живем сегодня. С точки зрения Ф. Джеймисона, постсовременность – бездонный, поверхностный мир, мир имитаций; мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях; в нем человек теряет чувство своего места в истории и в нем трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим; вместо бурно развивающихся производственных технологий современности в этом обществе господствуют отупляющие производственные технологии (телевидение, интернет и т. п.) [7].

Особо следует остановиться на социоанализе П. Бурдьё. Этот философ стремился отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. Он ввел понятие «агент» в противоположность субъекту и индивиду: агенты «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [8, с. 19]. Агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики; они подвижны целью, но не направляются сознательно этой целью. В качестве основы для объяснения практики агентов П. Бурдьё предлагает не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», – он описывает саму логику практики через такие феномены, как практическое чувство, габитус, стратегии поведения.

Одним из базовых понятий социологической концепции П. Бурдьё является понятие габитуса, позволяющее философу преодолеть ограниченность и поверхностность структурного подхода и излишний психологизм подхода феноменологического. Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он дает возможность агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и более или менее адекватно реагировать на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию индивида в процессе его социализации, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, часто оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом.

Габитус, по П. Бурдьё, есть в одно и то же время порождающий принцип, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и принцип классификации практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса: способность продуцировать определенный вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов.

Связь, устанавливаемая в реальности между определенным набором экономических и социальных условий (объем и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмысленными как сами практики, так и суждения о них.

По мнению П. Бурдьё, особенность общества заключается в том, что оформляющие его структуры ведут «двойную жизнь». Во-первых, они существуют как «реальность первого порядка», данная через распределение объективированных условий и предпосылок практик, средств производства дефицитных благ и ценностей. Во-вторых, они даны в качестве «реальности второго порядка», или «символической матрицы практик агентов», т. е. как социальные представления, практические схемы. Социологическое исследование общества, положенного как «реальность первого порядка», требует рассмотрения «социальной физики» – структуры объективных социальных отношений (существующих вне сознания и воли агентов и независимых от них), узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». В то же время анализ общества как «реальности второго порядка» предполагает, что предметом со-

циологии выступает не только реальность объективных социальных отношений, но и «...ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве» [9, с. 64].

В теории П. Бурдьё социальное пространство обрывается целым рядом силовых полей (полей отношений или свойств) – политическим, социальным, культурным, символическим и т. д. Поле представляет собой определенный тип игры, в каждом поле существует своя логика или свои правила, а также субполя: например, в поле культуры (в узком смысле) сосуществуют субполя морали, образования, религии и т. д. В каждом поле «играют» свои виды капитала, выступающие в объективном или инкорпорированном (внутреннем) состояниях. В зависимости от обладания этими капиталами группы имеют разную власть над тем или иным полем, причем власть над полем означает власть над продуктом этого поля и над совокупностью средств его производства.

Таким образом, социальная структура в многомерном пространстве полей формируется позициями агентов, в свою очередь определяемыми общим объемом капитала и долей каждого вида капитала. Особое значение для определения позиции агента в социальном пространстве имеет форма распределения видов капитала, которая представляет собой соотношение силы (борьбы) между агентами. Позиции агентов в поле (социальные статусы) определяют шансы на выигрыш (власть или прибыль) в этой игре поля.

На основе гомологии позиций в разных полях между господствующими и подчиненными группами могут устанавливаться союзы с разной степенью устойчивости. П. Бурдьё определяет класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию. В таких условиях агенты подчинены подобным причинно-следственным связям, имеют все шансы для обладания аналогичными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и достижения близких позиций.

В русле глобальной информатизации общества активно развиваются понятия виртуализации, которые позиционируются как ключ к пониманию современности. Приложение Марксовой схемы к современности приводит приверженцев этого направления (А. Бюль, А. Крокер, М. Вэйнштейн) к тезису о переходе к новой фазе капитализма, когда классические структуры индустриального общества устраняются по мере внедрения компьютерных технологий.

В современном социогуманитарном знании популярна концептуализация современного общества как общества потребления. К основным онтологическим характеристикам общества потребления относят:

- производство и потребление симулякров (по Ж. Бодрийяру) гиперреальности, конструируемых в медийном пространстве;

- возникновение нового виртуального интерактивного информационного поля (социальные сети, форумы и пр.);

- изменения в структуре образа жизни людей. С одной стороны, общество потребления предлагает больше возможностей для саморазвития и самосовершенствования, с другой – достижение необходимого уровня потребления предъявляет определенные требования к личности [10, р. 142].

Проблематика потребления первоначально рассматривалась лишь в контексте экономической науки. Однако постепенно данный феномен стал предметом изучения различных социально-гуманитарных дисциплин.

Основные традиции изучения потребления:

- 1) традиция, основанная на классической политэкономии (потребление выступает как форма экономической активности на рынке). Из классического социоструктурного анализа выделились два направления в изучении потребления:

- социология распределения (из классического марксизма), в которой главным объектом выступа-

ют классы, имеющие разные объемы потребительских благ как следствие их разного места в системе общественного разделения труда;

- социология благосостояния (веберовская традиция), описывающая распределения потребительских благ между социальными слоями;

- 2) традиция понимания потребления как феномена символического взаимодействия:

- социокультурный анализ: Т. Веблен (концепция престижного потребления); Г. Зиммель (анализ форм символического взаимодействия); П. Бурдьё (потребление как инструмент воспроизводства культурных границ класса). Логика потребительского поведения индивидов вытекает из их принадлежности к тем или иным социальным группам, диктуется как объемом доступных материальных ресурсов, так и групповыми культурными программами;

- индивидуалистическая традиция (Р. Барт, Ж. Бодрийяр): потребление рассматривается как процесс символической коммуникации и конструирования идентичности.

Итак, в данной статье мы рассмотрели основные зарубежные социогуманитарные концепции общества и их интерпретации с точки зрения социологического конструктивизма.

Библиографические ссылки

1. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии). Молчанова ВИ, переводчик. *Логос*. 1991;1:12–21.
2. Шюц А. *Избранное. Мир, светящийся смыслом* [Интернет]. Москва: РОССПЭН; 2004 [процитировано 2 августа 2018 г.]. Доступно по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/shyuz/index.php.
3. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? Корбут А, переводчик. *Социологическое обозрение*. 2003;3(4):3–25.
4. Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
5. Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну*. Седельник В, Федорова Н, переводчики. Москва: Прогресс – Традиция; 2000. 383 с.
6. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления. Пензин А, переводчик. *Логос*. 2000;4:63–77.
8. Бурдьё П. *Начала*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1994. 288 с.
9. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства. В: Бурдьё П. *Социология социального пространства: поля и практики*. Шматко НА, переводчик. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2007. 288 с. Совместное издание с «Алетейя».
10. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Самарская Е, переводчик. Москва: Культурная революция; 2006. 272 с. Совместное издание с «Республика».

References

1. Gusserl E. [Phenomenology (article in the British Encyclopedia)]. Molchanova VI, translator. *Logos*. 1991;1:12–21. Russian.
2. Shutz A. *Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works. World, luminous sense] [Internet]. Moscow: ROSSPEN; 2004 [cited 2018 August 2]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/shyuz/index.php. Russian.
3. Garfinkel G. [What is ethnomethodology?]. Korbut A, translator. *Sociological review*. 2003;3(4):3–25. Russian.
4. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Creeping world. How globalization is zeshaping our lives]. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p. Russian.
5. Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: towards another modernity]. Sedel'nik V, Fedorova N, translators. Moscow: Progress – Traditsiya; 2000. 383 p. Russian.
6. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
7. Djeymison F. [Postmodernism and the consumer society]. Penzin A, translator. *Logos*. 2000;4:63–77. Russian.
8. Bourdie P. *Nachala* [Beginnings]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1994. 288 p. Russian.
9. Bourdie P. [Physical and social spaces]. In: Bourdie P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociologia socialnogo prostranstva]. Shmatko NA, translator. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 2007. 288 p. Co-published by the «Aleteiya». Russian.
10. Baudrillard G. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. 272 p. Co-published by the «Respublika». Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.04.2019.
Received by editorial board 10.04.2019.

УДК [364.431+314/114](476)

УСТОЙЧИВОСТЬ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

А. А. БЕЛОВ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

На основе компонентного метода делается прогноз по численности и половозрастной структуре населения Республики Беларусь до 2050 г. Рассматриваются два возможных сценария. Исходя из прогнозных данных анализируются ожидаемое увеличение численности и доли лиц в возрасте 60 лет и старше, а также численность лиц пенсионного возраста и уровень пенсионной нагрузки на население трудоспособного возраста. Делается вывод, что повышение пенсионного возраста на три года в 2017–2022 гг. приводит к снижению пенсионной нагрузки. Однако тенденция на старение населения полностью нивелирует эффект от этой реформы уже в 2025 г. Для поддержания пенсионной нагрузки на одном уровне в 2023–2050 гг. потребуются проведение новых реформ. Дается оценка возможного повышения пенсионного возраста к 2050 г.

Ключевые слова: демографический прогноз; пенсионная система; коэффициент пенсионной нагрузки; старение населения; численность населения; ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

STABILITY OF THE PENSION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC TENDENCIES

A. A. BELOV^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Projection of size and sex-age structure of the population of the Republic of Belarus until 2050 is made in the article on the base of component method. Two projection scenarios are considered. Based on the projection data, the expected increase in the number and proportion of persons aged 60 years and over, as well as the number of retirement age persons and the old-age-dependency ratio are analyzed. It is concluded that the three-year increase of retirement age in 2017–2022 leads to a decrease in the pension burden. However, the trend towards aging of the population completely negates the effect of this reform by 2025. New reforms will be needed to save the pension burden at the same level in 2023–2050. The possible increase in the retirement age by 2050 is assessed.

Keywords: demographic projection; pension system; old-age-dependency ratio; population aging; population size; expectation of life at birth.

Образец цитирования:

Белов АА. Устойчивость пенсионной системы Республики Беларусь в контексте демографических тенденций. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:130–138.

For citation:

Belov AA. Stability of the pension system of the Republic of Belarus in the context of demographic tendencies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2: 130–138. Russian.

Автор:

Андрей Александрович Белов – кандидат социологических наук; старший преподаватель кафедры социологии факультета философии и социальных наук¹⁾; заведующий сектором организации и управления научно-инновационной сферы²⁾.

Author:

Andrei A. Belov, PhD (sociology); senior lecturer at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^a; head of the sector of organization and management of science and innovation sphere^b.
belov88@tut.by

Введение

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2016 г. № 137, начиная с 2017 г. предусмотрено поэтапное повышение общеустановленного пенсионного возраста на три года (с 55 до 58 для женщин и с 60 до 63 для мужчин) в течение шести календарных лет (с 2017 по 2022 г.). В преамбуле упомянутого документа отмечено, что его принятие направлено на совершенствование пенсионного обеспечения в изменяющихся социально-демографических условиях. Действительно, многие эксперты в области экономики и демографии сходятся во мнении, что в условиях долгосрочной тенденции старения населения повышение

пенсионного возраста является неизбежной мерой по обеспечению стабильности функционирования пенсионной системы.

В 2022 г. завершится поэтапное увеличение пенсионного возраста, предусмотренное уже принятыми решениями. Однако многолетние демографические тенденции сохранятся и после. В связи с этим актуальными задачами являются прогнозирование численности и возрастной структуры населения Беларуси на среднесрочную перспективу и оценка будущего функционирования пенсионной системы с учетом демографических трендов. Данная статья посвящена исследованию указанного круга вопросов.

Методические комментарии

Современная демографическая наука использует разнообразные подходы к прогнозированию численности и половозрастной структуры населения. Вместе с тем на практике наиболее востребованным остается метод компонент, или метод передвижки возрастов [1, с. 61]. Он предполагает использование данных о численности населения мужского и женского пола, количестве людей того или иного возраста, а также таблиц дожития, при помощи которых можно определить вероятность прожить еще один год для мужчин и женщин каждого конкретного возраста. При наличии таких данных прогнозирование сводится к последовательному перемножению значений численности населения отдельных половозрастных групп на значения вероятности прожить каждый последующий год.

Несмотря на кажущуюся простоту метода передвижки возрастов, его практическая реализация имеет ряд ограничений и допущений. Прежде всего, прогнозируя на сколько-нибудь отдаленную перспективу, необходимо учитывать, что повозрастные коэффициенты смертности не являются константными величинами: они могут значительно измениться в течение 5–10 лет. Например, в Беларуси с 2006 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения уровня смертности и, как следствие, увеличения продолжительности жизни. В результате с 2005 по 2017 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась с 68,8 до 74,4 года [2, с. 117].

Снижение смертности (в совокупности с ростом продолжительности жизни) является одним из фундаментальных факторов старения населения. Этот фактор называют «старением сверху», имея в виду увеличение количества пожилых людей. Однако существует также понятие «старение снизу»: под ним подразумевается сокращение численности детей и молодежи, которое обусловлено уровнем рождаемости ниже порога простого воспроизводства. В Беларуси последним поколением, обеспечившим

полное замещение своей численности за счет рождаемости стали люди 1945 года рождения.

При прогнозировании с использованием метода передвижки возрастов учитывается рождаемость, поскольку для каждого прогнозного года необходимо определить численность новорожденных, т. е. населения в возрасте до 1 года. Вычисление количества рожденных для прогнозных лет основано на повозрастных коэффициентах рождаемости для одногодичных возрастных групп. Это обстоятельство обуславливает необходимость учитывать не только уровень рождаемости, но и изменение возрастной специфики данного процесса. Например, в Беларуси с 1990 по 2016 г. уровень рождаемости среди женщин в возрасте от 15 до 19 лет снизился почти втрое, а в возрасте от 20 до 24 лет – более чем вдвое. В группах более старшего возраста, напротив, наблюдался рост рождаемости [2, с. 275]. Все это отразилось на среднем возрасте женщины на момент рождения ребенка: данный показатель увеличился с 25,1 года (1990) до 28,4 года (2016) [3].

Отметим, что в статье приводятся сведения о среднем возрасте женщины при рождении ребенка в соответствии с международной методологией. Согласно международным подходам этот показатель рассчитывается на основании повозрастных коэффициентов рождаемости. Таким образом обеспечивается стандартизация вклада каждой возрастной группы (как это делается и для других показателей условного поколения). Национальный статистический комитет Республики Беларусь (далее – Белстат) не проводит такой стандартизации. Этим обусловлено расхождение значений возраста женщины при рождении ребенка в Беларуси, которые публикуются Белстатом, и аналогичной информации из международных баз данных.

Еще одним фактором, оказывающим большое влияние на численность и структуру населения, является миграция. Данный процесс плохо поддается текущему статистическому учету. Более объективную картину позволяют получить переписи насе-

ния. Например, после переписи 2009 г. численность населения пришлось скорректировать в меньшую сторону почти на 180 тыс. человек. Подобная ситуация сложилась в результате систематического недоучета случаев эмиграции жителей Беларуси [4, с. 168]. Однако, несмотря на столь важное значение этого демографического процесса, при прогнозировании численности населения методом передвижки возрастов, как правило, делается допущение о нулевой миграции. В первую очередь подобная практика обусловлена стремлением отразить последствия естественного движения населения. Прогноз в таком случае отражает, как будет изменяться численность и структура населения под воздействием рождаемости и смертности.

На основе изложенного можно сделать вывод, что применение метода передвижки возрастов требует определения ряда параметров, характеризующих ожидаемые изменения демографических процессов. Совокупность этих параметров и определяет сценарий прогноза. В рамках данной рабо-

ты будет рассмотрено два сценария: константный и базовый.

Константный сценарий предполагает, что все процессы естественного воспроизводства фиксируются на одном уровне в течение всего прогнозного периода. Это касается таких параметров, как уровень рождаемости, а также повозрастные коэффициенты рождаемости и смертности. При этом в рамках данной работы средний уровень рождаемости принимается за 1,665 ребенка на одну женщину. Такой выбор обусловлен сложившейся динамикой этого показателя в реальных и условных поколениях. В частности, на протяжении жизни 17 реальных поколений женщин, родившихся с 1966 по 1982 г., рождаемость изменялась в интервале от 1,64 до 1,69 ребенка. Для суммарного коэффициента рождаемости (далее – СКР) характерны значительно большие колебания: от 1,541 до 1,733 за последние 5 лет [2, с. 275]. Однако даже в этих условиях среднее значение СКР за 2013–2017 гг. составляет 1,672 ребенка (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня рождаемости в реальных и условных поколениях женщин

Table 1

The dynamics of fertility rate in female birth cohorts in real and hypothetical generations

Реальные поколения		Условные поколения	
Год рождения поколения	Коэффициент итоговой рождаемости	Календарный год	Суммарный коэффициент рождаемости
1966	1,69	2013	1,668
1967	1,67	2014	1,696
1968–1972	1,64	2015	1,724
1973–1977	1,68	2016	1,733
1978–1982	1,67	2017	1,541
В среднем	1,665	В среднем	1,672

Примечание. Итоговый коэффициент рождаемости для когорт 1966–1967 годов рождения рассчитан на основании микроданных переписи населения 2009 г., для когорт 1968–1982 годов рождения – на основании первичных данных социологического исследования, проведенного в 2017 г. по программе «Поколения и гендер».

Таким образом, уровень рождаемости в реальных и условных поколениях в течение последних лет колеблется около одного среднего значения. С учетом данного обстоятельства для целей прогнозирования показатель 1,665 ребенка будет использоваться как среднее значение рождаемости.

Другие параметры константного сценария принимаются на уровне 2017 г. Так, средний возраст матери при рождении ребенка фиксируется на отметке 28,5 года. При этом повозрастные коэффициенты рождаемости равномерно корректируются для обеспечения установленного уровня рождаемости (1,665 ребенка). Средняя ожидаемая продол-

жительность жизни при рождении закрепляется на уровне 69,3 года для мужчин и 79,2 года для женщин. Повозрастные коэффициенты смертности для мужчин и женщин также фиксируются на уровне 2017 г.

Базовый сценарий основан на ряде предположений о наиболее вероятной динамике основных факторов, определяющих численность и структуру населения. В рамках данной работы базовый сценарий (как и константный) предполагает фиксированный уровень рождаемости (1,665 ребенка на одну женщину) на протяжении всего прогнозного периода. Вместе с тем базовый сценарий пред-

полагает увеличение среднего возраста женщины при рождении ребенка до 31,5 года к 2050 г. (т. е. повышение на 2 года по сравнению с уровнем 2019 г.).

Оценка темпов роста среднего возраста женщины при рождении ребенка основана на эмпирических данных о 23 индустриально развитых странах и представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Темпы увеличения среднего возраста женщины
при рождении ребенка в индустриально развитых странах**

Table 2

**The rate of increase of women's mean age
at childbirth in industrialized countries**

Средний возраст женщины при рождении ребенка, полных лет	Количество учтенных стран, где превышен указанный возраст рождения ребенка	Среднее количество календарных лет, в течение которых возраст держался на указанном уровне
28	23	7,5
29	19	8,7
30	6	12,3
31	оценка	не менее 16,0

Примечание. На основе источника [3] учтены следующие страны: Австрия, Венгрия, Германия, Дания, Исландия, Италия, Канада, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония.

Приведенные в табл. 2 данные позволяют предположить, что с учетом указанных темпов изменения среднего возраста женщины при рождении ребенка данный показатель для Беларуси к 2050 г. составит около 31,5 года.

Помимо возрастной специфики рождаемости в рамках базового прогноза предусматривается увеличение продолжительности жизни для жен-

щин с 79,2 года в 2019 г. до 84,3 года к 2050 г. Для мужчин за указанный период прогнозируется увеличение данного показателя с 69,3 до 76,2 года. При определении прогнозной продолжительности жизни для женщин использовались данные о темпах роста продолжительности жизни в 31 стране, где у женщин она достигла 80 лет и более (табл. 3).

Таблица 3

**Темпы увеличения ожидаемой продолжительности
жизни женщин при рождении**

Table 3

The rate of increase of female life expectancy at birth

Продолжительность жизни женщин, полных лет	Среднее количество календарных лет, в течение которых сохранялась указанная продолжительность жизни	Количество учтенных стран, где превышена указанная продолжительность жизни
79	5,00	31
80	5,59	29
81	4,44	25
82	5,64	22
83	4,79	14

Примечание. На основе источника [5] учтены следующие страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чили, Хорватия, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Исландия, Израиль, Италия, Япония, Литва, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, США.

Как видно из табл. 3, рост продолжительности жизни женщин на один год в среднем занимает около 5 календарных лет. Указанная величина была

принята в качестве основания прогнозной оценки данного показателя для белорусских женщин. Вместе с тем в рамках рассматриваемого сценария

делается допущение, что начиная с 81-летнего возраста темпы роста указанного показателя в Беларуси будут несколько замедляться. Так, ожидается, что на прохождение отметки в 80 лет потребуется 5 календарных лет, 81 года – 6 лет, 82 лет – 7, 83 года – 8 лет и, наконец, 84 года – 9 лет. Таким образом, в 2050 г. ожидаемая продолжительность жизни женщины составит 83,4 года.

При оценке ожидаемой продолжительности жизни мужчин учитывался прогноз, содержащийся в Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. (далее – НСУР), согласно которому в будущем продолжится тенденция по сокращению различий

между мужчинами и женщинами. В частности, согласно Концепции НСУР, средняя продолжительность жизни женщин уже к 2035 г. составит 84,5 года, а разница между полами по данному показателю сократится до 8,1 года. Эти значения более оптимистичны по сравнению с базовым сценарием, разрабатываемым в данной работе. Выход на сопоставимое значение продолжительности жизни женщин ожидается нами только к 2050 г. Соответственно, и уменьшение гендерного дисбаланса до 8,1 года целесообразно сместить на 2050 г.

С учетом изложенного можно обобщить основные параметры базового сценария прогноза до 2050 г., которые даны в табл. 4.

Таблица 4

Основные параметры базового сценария прогноза численности и структуры населения до 2050 г.

Table 4

The key parameters of the basic scenario of projection of the size and structure of the population until 2050

Показатель	2017	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
	факт	прогноз						
Суммарный коэффициент рождаемости	1,541	1,665	1,665	1,665	1,665	1,665	1,665	1,665
Возраст женщины при рождении ребенка	28,5	28,8	29,3	29,9	30,3	30,8	31,1	31,5
Ожидаемая продолжительность жизни женщины при рождении, лет	79,2	79,8	80,8	81,6	82,4	83,1	83,7	84,3
Ожидаемая продолжительность жизни мужчины при рождении, лет	69,3	70,1	71,3	72,4	73,5	74,4	75,3	76,2

Следует отметить, что ожидаемая продолжительность жизни является основным ориентиром для оценки повозрастных коэффициентов смертности на протяжении прогнозного периода. Именно эти коэффициенты используются для формирования таблиц дожития, которые применяются при прогнозировании. Продолжительность жизни в данном случае выступает обобщающим показателем. Однако при одной и той же продолжительности жизни могут наблюдаться существенные различия возрастной специфики смертности. В связи с этим целесообразно выбрать некоторую страну (или группу стран) в качестве модели ожидаемой структуры смертности по возрастам. В рамках данной работы в качестве таковых для прогнозирования структуры смертности в Беларуси были приняты Норвегия, Швеция и Финляндия. Выбор

скандинавских стран обусловлен тем, что в настоящее время Беларусь наиболее близка к ним по показателям смертности в младших возрастных группах (прежде всего по показателям младенческой и детской смертности). Таким образом, будущее увеличение продолжительности жизни в Беларуси в наибольшей мере связано со снижением уровня смертности в более старших возрастных группах населения.

Для женщин в качестве модели структуры смертности рассматривались усредненные показатели таблиц дожития в Норвегии за 2014 г. (продолжительность жизни женщин – 84,1 года), в Финляндии за 2015 г. (84,2 года), а также в Швеции за 2017 г. (84,1 года). Для мужчин модельными странами стали Швеция 1995 г. (76,2 года), Норвегия 2001 г. (76,2 года), а также Финляндия 2008 г. (76,3 года).

Результаты

В результате реализации константного сценария прогноза было установлено, что сохранение нынешнего режима воспроизводства, т. е. сложившегося уровня рождаемости и смертности, приведет к значительному сокращению численности населения Беларуси. В подобных условиях уже в 2033 г. в нашей стране будет проживать менее

9 млн человек, а в 2050 г. – менее 8 млн. Базовый сценарий, который прогнозирует существенный рост продолжительности жизни, дает большую величину будущей численности населения. Так, согласно базовому сценарию, численность населения Беларуси станет менее 9 млн человек только в 2039 г., а в 2050 г. составит около 8,6 млн жителей.

Как показано на рис. 1, рост продолжительности жизни, который заложен в базовом сценарии, оказывает положительное влияние на динамику численности населения. Однако необходимо учитывать и иные последствия этой тенденции, в первую очередь ускорение темпов старения населения. Следует отметить, что увеличение доли пожилого населения до 2050 г. произойдет даже при сохранении нынешнего уровня и структуры

смертности. Так, при реализации константного сценария ожидается, что численность пожилых людей увеличится с 2 млн в 2017 г. до 2,4 млн в 2024 г. Затем темпы роста резко сократятся, и в 2050 г. численность пожилого населения составит 2,5 млн человек. Вместе с тем доля пожилых людей (старше 60 лет) будет расти до конца прогнозного периода и увеличится с 21 % в 2017 г. до 30,9 % в 2050 г.

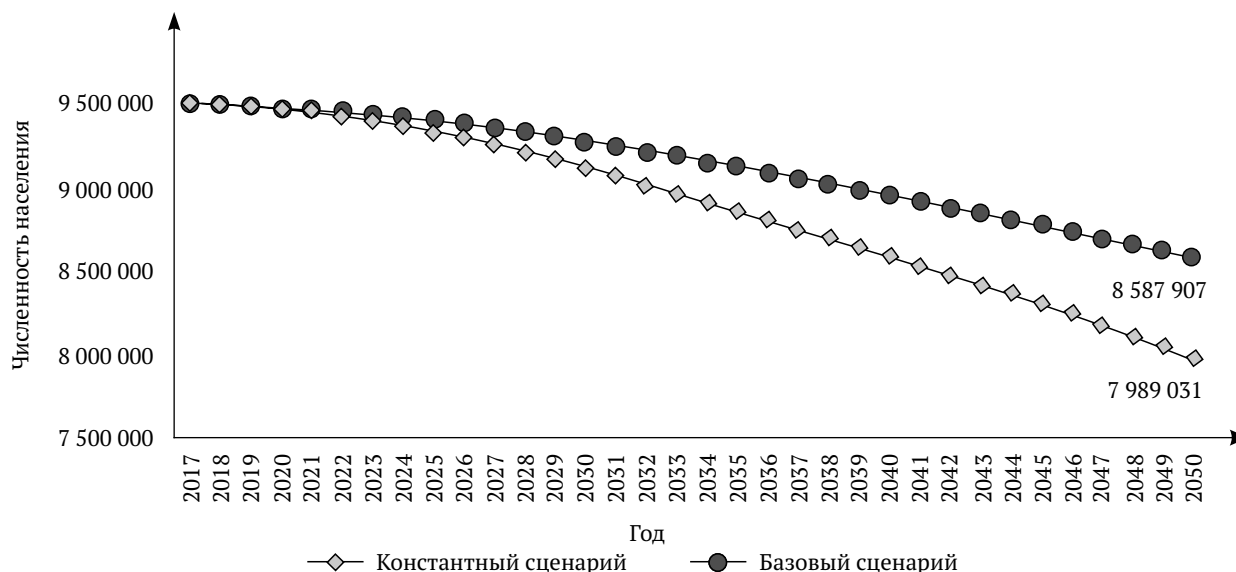

Рис. 1. Прогноз численности населения Беларуси
согласно константному и базовому сценарию развития демографических процессов.
Примечание. Численность населения приводится на начало каждого года

Fig. 1. Projection of the Belarus population size according to the constant and basic scenario of population processes
Note. The population size is given at the beginning of each year

При реализации базового сценария численность пожилого населения будет увеличиваться в течение всего прогнозного периода и в 2050 г. составит около 3 млн человек. При этом доля пожилых людей в 2050 г. достигнет 34,5 % от общей численности населения (рис. 2).

Прогнозируемое увеличение численности и доли пожилого населения будет усиливать пенсионную нагрузку на население трудоспособного возраста. Следует отметить, что в рамках отечественной статистики под населением трудоспособного возраста понимаются жители от 16 лет до наступления пенсионного возраста. В свою очередь, под пенсионной нагрузкой понимается отношение численности лиц пенсионного возраста к населению трудоспособного возраста. Таким образом, при расчете пенсионной нагрузки необходимо учитывать границу пенсионного возраста для каждого прогнозного года. В рамках данной работы соответствующие границы определяются исходя из действующего законодательства. В частности, до 2022 г. пенсионный возраст продлевается на 0,5 года каждый календарный год, а начиная с 2022 г. фиксируется на уровне 58 лет для женщин и 63 лет для мужчин.

Анализ прогнозных данных показывает, что повышение пенсионного возраста в 2017–2022 гг. способствует уменьшению пенсионной нагрузки с 42,9 человека в 2016 г. до 40,4 человека в 2022 г. Однако после 2022 г. тенденция старения населения начинает нивелировать эффект повышения пенсионного возраста. Так, ожидается, что уже в 2025 г. пенсионная нагрузка превысит уровень 2016 г., т. е. уровень, который наблюдался накануне повышения пенсионного возраста. В соответствии с константным сценарием пенсионная нагрузка в 2025 г. составит 43,2 человека, а согласно базовому сценарию – 43,8 человека. В последующие годы прогнозируется ускорение роста данного показателя. В результате в 2050 г. пенсионная нагрузка составит 57,1 человека при реализации константного сценария и 66,4 человека при реализации базового сценария (рис. 3).

Таким образом, для сохранения пенсионной нагрузки хотя бы на одном уровне после 2022 г. потребуются принятие новых решений по ограничению круга лиц, относящихся к пенсионерам. Для оценки масштаба необходимого ограничения рассмотрим базовый сценарий как наиболее вероятный для развития населения. В соответствии с ним,

для того чтобы удержать пенсионную нагрузку на уровне 2022 г. (40,4 человека), уже в 2023 г. возникнет необходимость сократить численность пенсионеров на 48 тыс. человек: ожидаемое количество лиц пенсионного возраста составит 2265,8 тыс. человек, тогда как сохранение нагрузки на уровне предыдущего года обеспечивается при их численности 2217,8 тыс. человек. К концу прогнозного пе-

риода разность между ожидаемой численностью пенсионеров и их нормативным количеством, при котором обеспечивается сохранение уровня пенсионной нагрузки, достигает 802,9 тыс. человек. Таким образом, для обеспечения стабильности пенсионной системы к 2050 г. понадобится уменьшить количество пенсионеров на 27,8 %: с 2886,2 тыс. человек до 2083,3 тыс. человек (рис. 4).

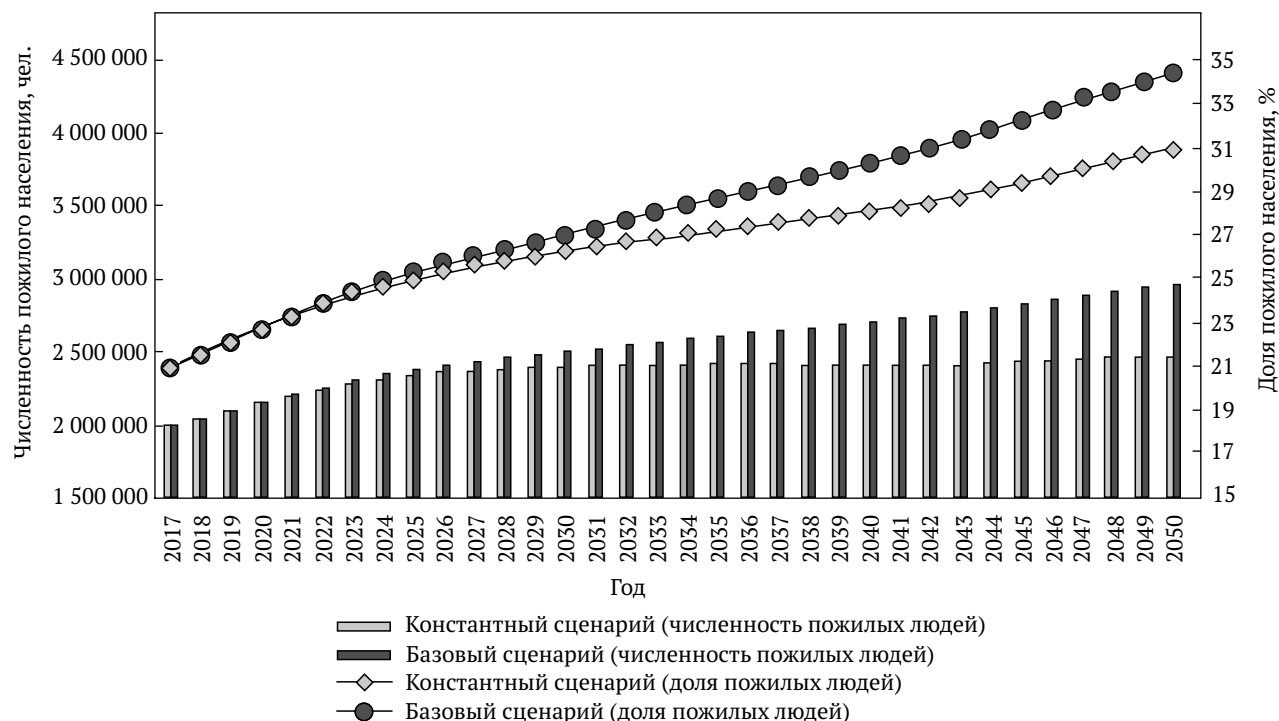

Рис. 2. Прогноз численности населения в возрасте 60 лет и старше и доли данной группы в общей численности населения.

Примечание. Численность населения приводится на начало каждого года.

Fig. 2. Projection of the population aged 60 and over and the percentage of this group in the total population

Note. The population size is given at the beginning of each year

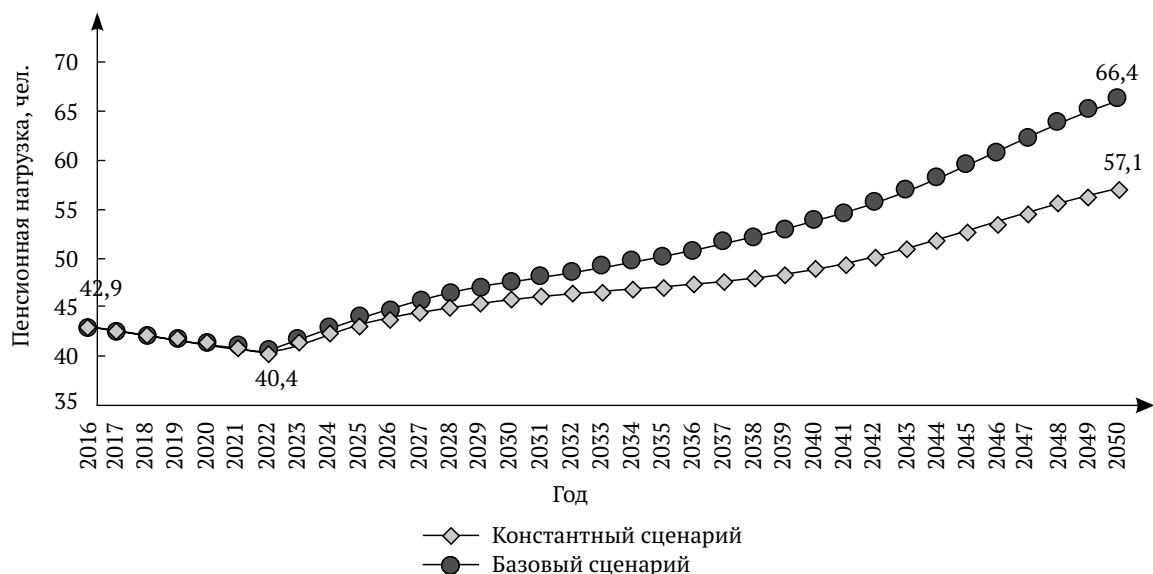

Рис. 3. Прогноз пенсионной нагрузки на трудоспособное население (количество лиц пенсионного возраста на 100 человек трудоспособного возраста)

Fig. 3. Projection of the old-age-dependency ratio (number of retirement age persons per 100 working age persons)

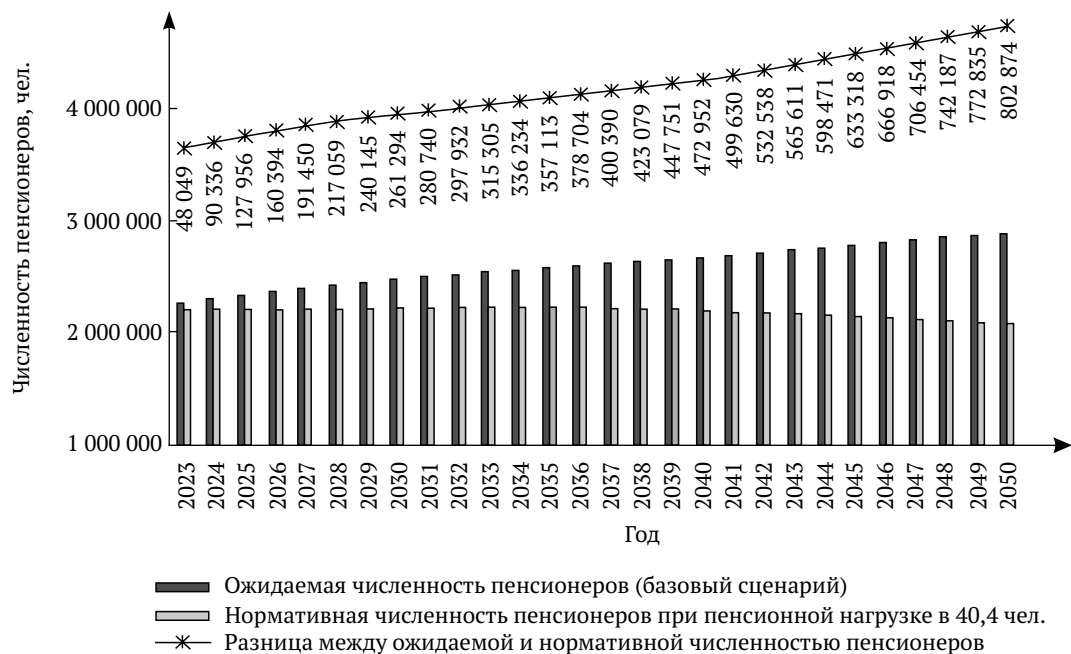

Рис. 4. Ожидаемое и нормативное количество лиц пенсионного возраста

Fig. 4. Expected and normative number of retirement age persons

В Беларуси, как и в большинстве стран мира, ограничение численности пенсионеров достигается путем повышения пенсионного возраста. Как показывают прогнозные данные, в сложившейся демографической ситуации, характеризующейся низкой рождаемостью (на среднем уровне 1,665 ребенка) и ростом продолжительности жизни, в 2023–2050 гг. потребуются дальнейшее повышение пенсионного возраста. При этом целесообразно рассмотреть две стратегии. Во-первых, это пропорциональное увеличение пенсионного возраста для мужчин и женщин с сохранением разницы в 5 лет. Во-вторых, это повышение и уравнивание пенсионного возраста для мужчин и женщин.

В случае реализации первой стратегии, предполагающей сохранение пятилетней разницы,

к 2050 г. предстоит повысить пенсионный возраст на 6 лет по сравнению с уровнем 2022 г.: до 64 лет для женщин и до 69 лет для мужчин. В этом случае численность пенсионеров снизится с 2,89 до 2,10 млн человек, а пенсионная нагрузка – с 66,4 до 41 пенсионера на 100 человек трудоспособного возраста.

В случае реализации второй стратегии, предполагающей уравнивание возрастов, к 2050 г. предстоит повысить пенсионный возраст для мужчин и женщин до 66,5 года: для женщин на 8,5 года, для мужчин – на 3,5 года к уровню 2022 г. В этом случае численность пенсионеров снизится с 2,89 до 2,07 млн человек, а пенсионная нагрузка – с 66,4 до 40 пенсионеров на 100 человек трудоспособного возраста (табл. 5).

Таблица 5

Прогноз пенсионной нагрузки в 2050 г. в зависимости от границ пенсионного возраста

Таблица 5

Projection of the old-age-dependency ratio in 2050, depending on the boundaries of the retirement age

Пенсионный возраст, лет	Прогнозная численность пенсионеров в 2050 г., чел. (в соответствии с базовым сценарием прогноза)			Пенсионная нагрузка, чел.
	Женщины	Мужчины	Всего	
58 для женщин и 63 для мужчин	1 898 522	987 710	2 886 232	66,4
64 для женщин и 69 для мужчин	1 483 506	618 630	2 102 136	41,0
66,5 для мужчин и женщин	1 305 462	760 189	2 065 650	40,0

Заклучение

Как показало проведенное исследование, сложившийся в Беларуси режим воспроизводства населения, характеризующийся низким уровнем рождаемости, приводит к двум негативным последствиям: сокращению численности населения и увеличению доли пожилых людей. Если рождаемость сохранится на среднем уровне (1,665 ребенка), а смертность – на уровне 2017 г., то к 2050 г. численность населения Беларуси станет менее 8 млн человек, а доля пожилых людей повысится до 30,9 % (в 2017 г. – 21 %). Если при сохранении этого же уровня рождаемости продолжится тенденция к увеличению продолжительности жизни, то к 2050 г. численность населения страны составит около 8,6 млн жителей, а доля пожилых людей – 34,5 %.

В условиях существующих демографических тенденций положительный эффект от повышения пенсионного возраста на 3 года до 2022 г. будет нивелирован уже в 2025 г. Уровень пенсионной нагрузки на трудоспособное население вернется к дореформенному значению. При этом в последующие годы пенсионная нагрузка будет стремительно увеличиваться. Для сохранения в 2023–2050 гг. пенсионной нагрузки на одном уровне предстоит снова повысить пенсионный возраст. При сохранении разницы между полами пенсионный возраст к 2050 г. должен составить 64 года для женщин и 69 лет для мужчин; при уравнивании пенсионного возраста для мужчин и женщин – 66,5 года.

Библиографические ссылки

1. Шахот'ко ЛП. *Модель демографического развития Республики Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2009. 439 с.
2. Медведева ИВ, Кангро ИС, Василевская ЖН, Довнар ОА, Кухаревич ЕИ, Лапковская ТВ и др., редакторы. *Демографический ежегодник Республики Беларусь*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2018. 440 с.
3. The Human Fertility Database [Internet; cited 2019 May 15]. Available from: <http://www.humanfertility.org>.
4. Раков АА. *Демографические ритмы и перемены: к познанию белорусского социума*. Минск: Беларуская навука; 2014. 335 с.
- 5 The Human Mortality Database [Internet; cited 2019 May 15]. Available from: <http://www.mortality.org>.

References

1. Shahot'ko LP. *Model' demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus'* [Demographic development model of the Republic of Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2009. 439 p. Russian.
2. Medvedeva IV, Kangro IS, Vasilevskaya ZhN, Dovnar OA, Kukharevich EI, Lapkovskaya TV, et al. editors. *Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Belarus'*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2018. 440 p. Russian.
3. The Human Fertility Database [Internet; cited 2019 May 15]. Available from: <http://www.humanfertility.org>.
4. Rakov AA. *Demograficheskie ritmy i peremeny: k poznaniyu belorusskogo sotsium* [Demographic rhythms and changes: to the knowledge of the Belarusian society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 335 p. Russian.
- 5 The Human Mortality Database [Internet; cited 2019 May 15]. Available from: <http://www.mortality.org>.

Статья поступила в редколлегию 17.05.2019.
Received by editorial board 17.05.2019.

УДК 316.74:2(476)

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Е. В. ШКУРОВА¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлен анализ результатов изучения особенностей религиозности населения Беларуси. Происходящие в белорусском обществе изменения затрагивают и религиозную сферу, что, в свою очередь, требует выработки моделей ее научного изучения. Характеристики религиозного поля находят отражение в феномене религиозности населения. На основе данных социологических исследований разных лет представляется возможным отследить ее динамику на протяжении всего периода развития белорусского общества. Оценка религиозности осуществляется на основе наиболее значимых и сопоставимых показателей: конфессиональной принадлежности и мировоззренческой позиции. Их сравнение демонстрирует количественную устойчивость конфессиональной идентификации населения и изменения религиозности преимущественно в рамках мировоззренческих типов. Результаты различных исследований подтверждают, что эта тенденция сохраняется в белорусском обществе на протяжении практически всего периода его развития. Это позволяет судить о трансформирующемся характере религиозности и переходе в фазу качественных изменений.

Ключевые слова: религиозность; модель религиозности; религия; религиозно-мировоззренческий тип; конфессиональная принадлежность; степени религиозности; трансформация религиозности.

EXPERIENCE IN THE STUDY OF RELIGIOSITY IN THE BELARUSIAN ENVIRONMENT: SOCIOLOGICAL APPROACHES

A. V. SHKUROVA^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article presents the results of studying the peculiarities in the religiosity of the population in Belarus. The changes in the Belarusian society also affect the religious sphere. This requires the development of models for its scientific study. The characteristics of a religious field are reflected in the phenomenon of religiosity. Based on data from sociological studies of different years, it is possible to track its dynamics throughout the entire period of developing the Belarusian society. The assessment of religiosity is carried out on the basis of its most significant and comparable indicators: religious affiliation and ideological position. Their comparison demonstrates the quantitative stability of population confessional identification and changes in religiosity mainly within the framework of ideological types. The results of various studies confirm that this trend has persisted in the Belarusian society throughout almost the entire period of its development. This allows making a conclusion about transforming nature of religiosity and transiting to the phase of qualitative changes.

Keywords: religiosity; model of religiosity; religion; religious and ideological type; religious affiliation; degrees of religiosity; transformation of religiosity.

Образец цитирования:

Шкурóва ЕВ. Опыт исследований религиозности в белорусской среде: социологические подходы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:139–148.

For citation:

Shkurova AV. Experience in the study of religiosity in the Belarusian environment: sociological approaches. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2: 139–148. Russian.

Автор:

Елена Валерьевна Шкурóва – кандидат социологических наук, доцент; заведующий отделом оперативных исследований.

Author:

Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; head of the operational research department.
vogel_82@mail.ru

Произошедшие в конце 1980-х гг. социальные изменения существенно сказались на идейной сфере общества и связаны в том числе с повышением роли религии и ее активным распространением в социальной жизни. Это закономерно привело к формированию исследовательского интереса, а произошедшая трансформация в религиозной среде (которая в научной литературе получила название «религиозное возрождение», или «религиозный бум») поставила вопрос научной интерпретации происходящих в ней изменений.

В исследовательской практике сформировался подход, основанный на понимании религиозности в первую очередь как системы степеней вовлеченности в религию, когда наиболее высокой степени соответствует позиция «верующий». Остальные определяются путем сравнения с заданным нормативом: на противоположном полюсе позиция, связанная с отсутствием веры («неверующий»), промежуточные конструируются либо за счет отсутствия определенности в отношении веры/неверия («колеблющийся»), либо за счет включения в систему представлений не только веры в Бога, но и в другие божественные или сверхъестественные явления («квазиверующий»). Еще один заметный момент в исследованиях религиозности связан с интерпретацией религии (особенно в начале 1990-х гг.) в русле в первую очередь христианства, в более широком понимании – монотеистических авраамических религий.

Закономерно, что от исследовательского интереса не укрылся и факт восстановления других религиозных традиций и формирования новых религиозных движений на постсоветском пространстве. Это привело к распространению механизмов изучения религиозности на основе самоидентификации респондентов с определенными конфессиями, в перечень которых, как правило, включались основные традиционные для данного региона религии: православие, католицизм, иудаизм, ислам,

иногда буддизм и – обобщенно – некоторые новые религиозные образования (как, например, язычество, ориенталистские культы и т. п.). При этом специфика социокультурного контекста, связанного с возрождением религии, привела к распространению сложившейся монотеистической терминологии для изучения мировоззренческих позиций населения в отношении религии.

Таким образом, в связи со спецификой динамики религиозности в 1990–2000-х гг. ее изучение в Беларуси связано преимущественно с двумя показателями: мировоззренческой позицией и конфессиональной принадлежностью. С этих точек зрения социологическое изучение религиозности в Беларуси представлено целым спектром национальных и международных исследовательских проектов.

В период с 1990-х до середины 2000-х гг. был проведен ряд исследований, методологические особенности которых делают полученные в них результаты сопоставимыми. К таким исследованиям относятся «Связь черныбыльского фактора с распространением религиозности»¹ (1994, БГУ) [1], «Конфессиональная принадлежность и ее влияние на ценностные ориентации и социальные установки»² (1998, Центр социологических и политических исследований (ЦСПИ) БГУ) [2], «Основные тенденции, специфика и динамика развития религиозных отношений в Республике Беларусь в современных условиях»³ (1998–1999, ЦСПИ БГУ при поддержке Белорусского фонда фундаментальных исследований Национальной академии наук Беларуси) [3; 4], социально-географическое исследование «Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси (в рамках проекта «Атлас конфессий»)»⁴ (2005–2007, ЦСПИ и географический факультет БГУ) [5–11].

Эти проекты сформировали теоретико-методологический базис изучения религиозности в белорусском обществе. В их теоретической основе лежит

¹Методологически исследование базируется на проведении анкетного опроса, в котором участвовали 1252 респондента в трех населенных пунктах Беларуси: г. Минске (344 человека), г. Несвиже Минской области (453 человека) и г. Калинковичи Гомельской области (455 человек). Контролируемыми признаками в ходе опроса выступали пол и возраст респондента. Стоит подчеркнуть, что авторы исследования указывают на нерепрезентативность выборочной совокупности: исследование ориентировалось только на выявление основных закономерностей изменения сознания и поведенческих установок в рамках указанных групп населения.

²Исследование проведено на республиканской репрезентативной многоступенчатой выборочной совокупности с применением метода анкетного опроса (количество опрошенных – 4983 человека).

³Методологическим базисом исследования стал анкетный опрос, проведенный на основе республиканской выборки (1032 респондента), рассчитанной с учетом конфессиональной принадлежности. Авторы исследования также отмечают, что, поскольку статистически значимыми оказались только часть конфессиональных групп (католики, православные и христиане вообще (преимущественно неопротестанты)) и неконфессиональные респонденты, дополнительно было опрошено 327 респондентов в г. Минске (православные, католики, протестанты).

⁴Изучение динамики религиозности проводилось в рамках двух масштабных проектов: 1) мониторинговый замер широкого круга социальных проблем (включая блок по религии) в 2004 г. под руководством Института социологии Национальной академии наук Беларуси, в результате которого опрошены 1900 респондентов в 70 населенных пунктах республики; 2) «Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси (в рамках проекта «Атлас конфессий»)» в 2005–2007 гг. под руководством ЦСПИ и географического факультета БГУ, в рамках которого опрошено 1900 респондентов в 70 населенных пунктах республики (с применением многоступенчатой стратифицированной выборочной совокупности на основе маршрутного метода отбора). В качестве метода исследования использовалось стандартизированное интервью лицом к лицу с респондентом по месту его жительства (на основе данных о зарегистрированных религиозных организациях).

интерпретация религиозности как меры воздействия религии на сознание и поведение индивидов и групп, которая выявляется на основе самоидентификации респондентов и зачастую интерпретируется в христианско- или монотеистическом ключе. Границы религиозного поля определяются в первую очередь двумя параметрами: мировоззренческим типом и конфессиональной принадлежностью.

Будучи феноменом сознания, религиозность трансформируется под влиянием мировоззрения (наличие или отсутствие веры в Бога), что позволяет выделить ряд ее типов, на основе которых и производится дифференциация респондентов. Терминологически исследовательские стратегии могут отличаться, однако в их основе четыре мировоззренческих типа, характеризующих особенности религиозного сознания на основе самоидентификации [1–4]:

- религиозный характерен для людей, верующих в Бога;
- квазирелигиозный (ищущий) объединяет тех, кто верит в сверхъестественное (мистика, оккультизм и т. п.), находится на пути к вере;
- колеблющийся представляют носители не оформленного, размытого отношения к религиозной вере (отсутствует как вера, так и неверие);
- нерелигиозный, представители которого однозначно идентифицируют себя как неверующие.

Далее позиции приверженцев различных религиозно-мировоззренческих типов соотносятся с показателями конфессиональной принадлежности, мотивации религиозного поведения, религиозной социализации и значимости религии, определяемой через оценку ее социальных функций, участия в культовых практиках.

Такая универсализация показателей позволяет рассматривать типологические характеристики

религиозности в сочетании с параметрами конфессиональной идентификации в исследованиях разных лет. Если рассматривать религиозность как характеристику сознания, связанную с верованием в Бога (в узком смысле), заметна ее динамика в период с 1994 по 2006 г. (табл. 1): в 1997 г. численность верующих (которые однозначно считают себя религиозными) поступательно (за исключением небольшого снижения в 1998 г.) увеличивается с 1994 к 2006 г. Именно этим контингентом исследователи, как правило, ограничивают религиозное население. Принадлежность к промежуточным типам имеет обратную форму – поступательно снижается. Наименее устойчивыми являются характеристики нерелигиозного населения, численность которого увеличивается к 1997 г., затем поступательно снижается и снова увеличивается в 2006 г.

Особенности данного показателя существенно зависят от характера интерпретации религиозности, расширенная трактовка которой предполагает включение в число носителей религиозного сознания не только однозначно верующих в Бога, но и тех, кто находится на пути религиозного выбора. Если рассматривать религиозность в контексте вероятности разной степени вовлеченности населения в религию (в широком смысле), численность респондентов, считающих себя религиозными, можно увеличить до 80–90 % от числа опрошенных. Более стабильной становится и ее динамика: изменениям наиболее подвержена структура самой религиозности при распределении ее по религиозно-мировоззренческим типам. Численность религиозного населения в рассматриваемый период преимущественно стабильна: общие колебания от года к году не превышают 5 %. Такая трансформация связана с влиянием на религиозную среду внешних социальных процессов, приводящих к изменению восприятия функции религии в обществе.

Таблица 1

Показатели динамики идентификации населения
с религиозно-мировоззренческими типами, %*

Table 1

The dynamic of population identification
with religious and ideological types, %

Тип мировоззрения	Год									
	1994		1997		1998		2004		2006	
Религиозный	40,8 (33,0**)	84,5 (90,0**)	49,4	82,8	47,5	86,8	52,5	90,9	58,9	87,7
Квазирелигиозный	43,7 (57,0**)		6,8		8,1		4,2		4,9	
Колеблющийся			26,6		31,2		34,2		23,9	
Нерелигиозный	14,3 (10,0**)		17,2		13,2		7,8		12,3	
Всего	98,8 (100**)		100,0		100		98,7		100	

*Данные представлены автором в обобщенном виде на основе источников [1–11].

**В скобках указана соответствующая численность респондентов по результатам исследования «Связь чернобыльского фактора с развитием религиозности» (1994) [1].

Устойчивый характер религиозности подтверждается и данными оценки конфессиональной идентификации респондентов (табл. 2): в период с 1994 по 2007 г. общее количество респондентов, указавших какую-либо конфессиональную принадлежность, практически не меняется, приближаясь к 90 % (данные за 1998 и 2007 г. в авторских исследованиях рассчитаны без указания числа лиц, не ответивших на вопрос). Конфессиональный состав опрошенных является традиционным для Республики Беларусь: в первую очередь респонденты относят себя к православию (около 70 %), вторая группа представлена последователями католицизма (не более 10 %), представители третьей группы отмечают принадлежность к христианству в целом (5–9 %), численность последователей других конфессий не превышает 2,5 %.

Об устойчивости религиозности и ее изменении в рамках религиозно-мировоззренческих типов говорит и анализ связи между этими типами и декларируемыми респондентами конфессиональными позициями (табл. 3). С его помощью можно судить о наличии определенной зависимости между типом мировоззрения и конфессиональной принадлежностью: для большей части респондентов, относящих себя к религиозному типу, характерна идентификация с определенными конфессиями (число респондентов, не относящих себя к какой-либо конфессии, не превышает статистической погрешности), в первую очередь – с традиционно распространенными в Беларуси православием и католицизмом (бо-

лее 90 %). Примерно такая же структура конфессиональной идентификации промежуточных типов (квазирелигиозного и колеблющегося), хотя у них несколько заметнее становится конфессиональная принадлежность к христианству в целом, что, вероятно, связано с меньшей мировоззренческой устойчивостью. Наибольшие изменения характерны для группы неверующих: в данной категории возрастает число респондентов, не причисляющих себя к каким-либо конфессиям. Хотя эта же группа и наименее устойчива: указав принадлежность к нерелигиозной части населения, около трети из них демонстрируют конфессиональную идентификацию.

Такой подход к изучению религиозности имеет определенные ограничения, поскольку его теоретические особенности сужают интерпретацию, определяя ее преимущественно через религиозное сознание (наличие или отсутствие веры в Бога) и замыкая эту интерпретацию в рамках христианско-моноцентричной модели. Тем не менее заложенные в данном проекте теоретические основы анализа религиозности получили развитие в последующих исследованиях религиозного поля Беларуси.

Стандартизация многомерных моделей изучения религиозности и включение их в более широкий ценностный контекст обеспечивается в 1980-е гг. в рамках европейских и международных программ изучения ценностей: *European Values Study* (EVS), *World Values Survey* (WVS), *European Social Survey* (ESS), *International Social Survey Program* (ISSP)⁵.

Таблица 2

Показатели динамики конфессиональной идентификации населения, %*

Table 2

The dynamic of confessional identification of the population, %

«Относите ли Вы себя к какой-либо конфессии?»	Год				
	1994	1998**	2004	2006	2007**
К православию	67,0	62,8	74,2	72,6	73,3
К католицизму	9,9	10,0	6,5	7,0	7,1
К протестантизму	0,7	0,5	0,9	0,8	0,5
К христианству в целом	8,9	5,6	5,4	5,8	8,6
К другой конфессии	1,6	0,2	1,0	0,9	0,4
Всего респондентов, указавших наличие конфессиональной идентификации	88,1	79,1	88	87,1	89,9
Ни к какой конфессии себя не отношу	11,9	20,4	12,0	12,9	9,9
Всего	100,0	99,5	100,0	100,0	99,8

*Данные представлены автором в обобщенном виде на основе источников [1–11].

**Не указано число лиц, не ответивших на вопрос.

⁵European Social Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (date of access: 13.03.2019); International Social Survey Program [Electronic resource]. URL: <http://www.issp.org/> (date of access: 13.03.2019); World Values Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (date of access: 13.03.2019); European Values Study [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (date of access: 13.03.2019).

Таблица 3

Динамика конфессиональной самоидентификации в различных мировоззренческих группах, %*

Table 3

The dynamics of confessional identity in various ideological groups, %

Конфессиональная идентификация	Год											
	1994	1998	2006	1994	1998	2006	1994	1998	2006	1994	1998	2006
	Верующие			Квазиверующие			Колеблющиеся			Неверующие		
Православие	78,4	77,4	81,7	69,3	58,3	74,3	65,1	61,8	72,7	28,3	14,9	28,3
Католицизм	14,2	14,8	11,9	17,5	6,0	8,1	10,5	7,8	7,5	1,1	0,7	0,5
Христианство в целом	3,0	2,5	1,5	5,3	11,9	4,1	13,3	9,0	1,9	8,7	5,2	2,2
Другие конфессии	3,1	1,6	2,4	6,2	1,5	4,0	2,3	0,6	1,5	3,3	0,8	0
Ни к какой	1,4	3,7	2,5	1,8	22,6	9,5	8,8	20,8	16,4	58,7	78,4	69,0
Всего	100,1	100,0	100,0	100,1	100,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,1	100,0	100,0

* Данные представлены автором в обобщенном виде на основе источников [1; 7; 11].

В постсоветских государствах, прежде всего в России и Беларуси, также имеет место опыт исследований религиозной среды, основанных преимущественно на моделях, разработанных в рамках программ EVS, WVS, ESS, ISSP.

Проект «Исследование европейских ценностей» (EVS), начавшийся в 1981 г., представляет собой масштабную кросс-национальную программу по изучению идей, убеждений, предпочтений, взглядов населения европейских государств по поводу жизни, семьи, работы, религии, политики и общества. В первой волне проекта (1981–1984) приняли участие 16 стран, во второй (1990–1993) – 29 стран. Республика Беларусь вошла в состав стран – участниц исследования начиная с третьей волны (1999–2001), в которой приняли участие 33 страны. Организационное сопровождение исследования осуществлялось Центром социальных и политических исследований БГУ. В Беларуси исследование проводилось в 2000 г., были опрошены 1000 респондентов. Четвертая волна (2008–2010) охватила 47 стран. В Беларуси она пришлась на 2008 г., были опрошены 1500 респондентов. Пятая волна проекта «Исследование европейских ценностей» началась в сентябре 2017 г. В Республике Беларусь в 2018 г. опрошены 1548 респондентов (данные в стадии обработки и анализа) [12].

Об особенностях религиозности населения во второй половине 1990-х гг. можно судить по данным третьей волны масштабного проекта «Исследование мировых ценностей» (WVS), которое представляет собой глобальную сеть по изучению ценностей и их влияния на социально-политическую жизнь почти в 100 странах. Исследование направлено на изучение тенденций изменения убеждений, ценностей и мотивации людей и их влияния

на динамику экономического развития, демократизации, религиозных отношений, гендерного равенства, социального капитала и личного благополучия. В ходе третьей волны в Беларуси (1996, при поддержке компании «Новак») опрошены 2092 респондента [13].

Методологическую основу исследований составляет стандартизированное интервью лицом к лицу с респондентом по месту жительства с применением многоступенчатой стратифицированной выборочной совокупности на основе маршрутного метода отбора респондентов.

Религия встроена в структуру базовых ценностей и рассматривается как система, включенность в элементы которой позволяет выявить характеристики религиозности населения государств-участников. Это осуществляется на основе следующего ряда показателей:

- конфессиональная принадлежность (на основе самоидентификации);
- принадлежность к религиозно-мировоззренческому типу (на основе самооценки);
- отношение к вероучительным основам религии;
- религиозная активность (регулярность участия в коллективных (богослужения) или индивидуальных (молитва, медитация) религиозных действиях);
- ценностный аспект отношения к религии (включая общую оценку значимости религии в структуре жизненных ценностей, а также оценку ее значимости в решении отдельных духовно-нравственных проблем).

Результаты опросов показывают поступательное снижение численности населения, относящего себя к какой-либо конфессии, к периоду 1999–2001 гг.

и увеличение его численности к 2008–2009 гг. (табл. 4). При этом специфика построения исследовательской модели позволяет сравнить эти данные с результатами социологических исследований,

описанных ранее (см. табл. 2). И очевидно, что результаты опросов WVS – EVS фиксируют меньшую численность конфессионально вовлеченного населения.

Таблица 4

Сравнение характеристик конфессиональной принадлежности населения Беларуси

Table 4

Comparison of the characteristics of population religious affiliation in Belarus

Доля респондентов, указавших свою принадлежность к какой-либо конфессии, %							
Волна WVS 1995–1998	По результатам исследований в Беларуси		Волна EVS 1999–2003	По результатам исследований в Беларуси			Волна EVS 2008–2009
	1994	1998		2004	2006	2007	
62,6	88,1	79,1	52,2	88	87,1	89,9	71,6

Традиционная структура конфессиональной принадлежности сохраняется и не слишком видоизменяется в обозначенные периоды: доминирует православная церковь (из тех респондентов, которые указали принадлежность к какой-либо конфессии в принципе, доля причисливших себя к данному вероисповеданию более 80 %), на втором месте – Римско-католическая церковь (порядка 12 %), количество респондентов, указавших принадлежность к другим религиям, не превышает 2 %. Респонденты, которые отрицательно ответили на вопрос о конфессиональной принадлежности, в данном случае не опрашивались (табл. 5).

Вторым значимым показателем исследования религиозности в рамках проектов выступает самоотнесение респондентов к определенному религи-

озно-мировоззренческому типу, которое уходит от нормативной оценки (верующий – неверующий) и ориентируется на представления респондента о собственной включенности в религиозную систему в категориях «религиозный человек» – «не очень религиозный» – «атеист». Такая интерпретация показателя (с учетом расширенной трактовки религиозности) в сравнении с результатами социологических исследований позволяет судить о несколько большей численности религиозного населения в целом, принадлежащего к различным мировоззренческим типам, и меньшей – уверенно религиозного (табл. 6, см. табл. 1). Характеристики динамики религиозности устойчивы, а движение происходит в рамках мировоззренческих типов.

Таблица 5

Конфессиональная самоидентификация населения Беларуси, %

Table 5

Confessional self-identification of the population in Belarus, %

«К какой религиозной конфессии вы принадлежите?»	1995–1998	1999–2003	2008–2009
Православная церковь	87,4	84,9	86,0
Римско-католическая церковь	12,3	13,3	12,3
Протестантизм	0,2	0	1,3
Мусульманская религия (ислам)	0,2	0,4	0,2
Иудейская религия	0	0,2	0,1
Free church/Non denominational church	0	1	0
Другая	0	0,2	0,2
Всего	100,1	100,0	100,1

Таблица 6

Принадлежность населения Беларуси к религиозно-мировоззренческим типам, %

Table 6

Belonging of the population in Belarus to the religious and ideological types, %

«Независимо от того, посещаете ли Вы церковь или нет, можете ли вы сказать...»	Год					
	1995–1998		1999–2003		2008–2009	
...я религиозный человек	69,7	95,9	27,5	90,6	32,4	92,4
...я не очень религиозный человек	26,2		63,1		60	
...я убежденный атеист	4,1		9,3		7,6	
Всего	100		99,9		100	

Значимость результатов исследований, полученных в рамках волн WVS и EVS, определяется в первую очередь универсализацией измерительных показателей, что делает сопоставимыми их данные, а также позволяет отслеживать динамику религиозности населения как во временных интервалах, так и на межгосударственном уровне.

Систематическое исследование социальных проблем в Республике Беларусь с 2007 г. осуществлял Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь в ходе ежегодных мониторингов социальной ситуации в стране. С 2011 г. мониторинг включает блок вопросов о религии⁶ [14–20].

Концептуально исследование религиозности осуществляется на основе выявления трех показателей:

- конфессиональная самоидентификация;
- самоотнесение к определенному религиозно-мировоззренческому типу (тип религиозной самоидентификации);
- осуществление отдельных видов религиозной деятельности (формы реализации религиозных убеждений) для приверженцев православного и католического вероисповедания.

По данным этого мониторинга на протяжении последних лет конфессиональная идентификация населения страны сохраняет устойчивую тенденцию к воспроизводству, а численность населения, идентифицирующего себя с определенными конфессиями или не идентифицирующего ни с какой, изменяется в пределах, не превышающих 0,5 % (табл. 7).

Таблица 7

Динамика конфессиональной самоидентификации населения Республики Беларусь, %*

Table 7

Dynamics of confessional self-identification of the population in the Republic of Belarus, %

Конфессиональная идентификация	Год						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Принадлежат к той или иной конфессии	93,5	94,5	94,0	94,5	94,5	95,0	95,0
Православие	81,0	83,0	81,0	84,0	83,0	84,0	84,5
Католицизм	10,5	10,0	10,5	8,5	9,5	8,5	8
Протестантизм	1,0	1,5	1,0	2,0	2,0	2,5	1,5
Иудаизм	0,5		0,5			–	–
Ислам	0,5		0,5			–	–
Не принадлежат ни к какой конфессии	5,0	5,5	5,0	5,5	5,0	5,0	4,5
Всего	98,5	100,0	98,5	100,0	99,5	100,0	98,5

*Таблицы составлены автором на основе текстов публикаций [14–20].

⁶Методологической основой исследований является социологическое интервью лицом к лицу по месту жительства респондентов. В зависимости от качественных характеристик генеральной совокупности к участию в исследовании привлекается от 1500 до 2100 респондентов, проживающих в различных типах населенных пунктов Республики Беларусь (как правило, областные центры и г. Минск, а также отдельные районные города и сельские населенные пункты). Отбор респондентов осуществляется на основе многоступенчатой комбинированной выборочной совокупности, квотной на этапе отбора респондентов с контролируемыми признаками пола и возраста (статистическая погрешность 2–3 %).

Оценка принадлежности населения к определенным религиозно-мировоззренческим типам позволяет выявить следующие тенденции: общая численность религиозного населения (в широком смысле) остается стабильной, движение населения, как и в предшествующие годы, осуществляется между типами. С 2011 г. несколько увеличилась численность уверенно/однозначно верующих в Бога за счет уменьшения количества респондентов, не давших однозначного ответа, являются ли они веру-

ющими. С 2014 г. наблюдается обратная тенденция: несколько снижается численность верующих в Бога (а с 2015 г. и не являющихся верующими) в пользу респондентов с неопределенной религиозной позицией (табл. 8). Принципиальным моментом, который необходимо учитывать при интерпретации этих данных, является тот факт, что они отражают наиболее общую картину отношения населения к религии, поэтому и динамика показателей, как правило, не превышает статистической погрешности.

Таблица 8

Динамика принадлежности населения Республики Беларусь к религиозно-мировоззренческим типам, %

Table 8

Dynamics of population belonging in the Republic of Belarus to religious and ideological types, %

Тип	Год													
	2011		2012		2013		2014		2015		2016		2017	
Верят в Бога	65,0		71,5		70,0		65,0		63,5		64,0		62,0	
Верят в сверхъестественные силы	4,5		3,0		3,0		3,0		5,0		4,0		2,5	
Не могут однозначно ответить, являются ли верующими	21,5	91,0	18,0	92,5	18,0	91,0	23,0	91,0	22,0	90,5	24,0	92,0	27,0	91,5
Не являются верующими	9,0		7,5		8,5		9,0		8,5		8,0		8,0	
Всего	100,0		100,0		99,5		100,0		99		100,0		99,5	

В целом можно судить, что особенности религиозной ситуации в Беларуси довольно специфичны. Это вызвано неоднородностью религиозного поля с большим количеством конфессий, значительно отличающихся друг от друга численностью последователей, вероучительными, культовыми и организационными особенностями. Весьма симптоматичным является и состояние религиозности в стране: наблюдается резкий рост численности религиозного населения (верующих) в начале 1990-х гг. с последующей стабилизацией его количества и конфессионального состава при большей степени распространения религиозно-мировоззренческих представлений и меньшей степени конфессиональной вовлеченности. На протяжении всего периода развития белорусского общества религиозность сохраняет устойчивую количественную структуру с точки зрения конфессиональной самоидентификации, а ее сущностные характеристики изменяются в рамках религиозно-мировоззренческих типов. Это говорит о трансформирующемся характере религиозности.

Поэтому, несмотря на достаточно длительный опыт исследования религиозности в Беларуси, проблема определения места и роли религии

в жизни общества остается актуальной. Это требует ряда теоретико-методологических условий. В первую очередь речь идет о выходе в интерпретации религиозности за рамки нормативной оценки (в категории веры) в христианоцентричном ключе в пользу ее понимания как формы восприятия любых трансцендентных (самодельствующих) сущностей (личных и безличных, единых и множественных) в рамках более широкой системы – религии [21]. Актуальной является разработка концепции, которая обеспечит возможность изучения поликонфессионального общества с учетом опыта как отечественных, так и зарубежных исследований. Методологически это возможно осуществить с применением разработанных многомерных моделей изучения религиозности, которые сохраняют свою значимость, но требуют углубления и поиска качественных характеристик, позволяющих определять особенности религиозного поля и показатели его динамики. В совокупности данные условия отвечают задаче не просто оценки состояния религиозности, но и выявления всего спектра ее проявлений, обусловленных совокупностью социально-культурных факторов.

Библиографические ссылки

1. Дунаева ИН, Новикова ЛГ, Дмитриевич НБ, Артюх СИ. Социологические исследования, учитывающие тенденции религиозного поведения населения и ценностные ориентации представителей различных христианских конфессий в период после Чернобыльской катастрофы. Минск: БГУ; 1995. 49 с.
2. Новикова ЛГ. Основные характеристики динамики религиозности населения. *Социологические исследования*. 1998;9:93–97.
3. Новикова ЛГ. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность. *Социология*. 1999;2:29–36.
4. Новикова ЛГ. *Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект)*. Минск: БТМ-информ; 2001. 132 с.
5. Новикова ЛГ, Белая ЕА. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси. *Социология*. 2006;4:140–150.
6. Пирожник ИИ, Новикова ЛГ, Озем ГЗ, Морозова СА. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? *Социология*. 2006;4:46–55.
7. Пирожник ИИ, Озем ГЗ, Сидоренко ВП, Морозова СА, Тарасенок АИ. Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси. *Вестник БГУ. Серия 2. Химия. Биология. География*. 2007;1:76–83.
8. Новикова ЛГ. Конфессиональные особенности массовой религиозной культуры в современной Беларуси. В: Пролесковский ОВ, Осипов ГВ, редакторы. *Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика*. Минск: ИАЦ; 2009. с. 133–153.
9. Озем ГЗ. Конфессиональное районирование Беларуси. *Вестник БГУ. Серия 2. Химия. Биология. География*. 2008;1:90–95.
10. Озем ГЗ. Социально-географические факторы развития конфессиональной структуры Беларуси. *Вестник БГУ. Серия 2. Химия. Биология. География*. 2009;3:82–87.
11. Новикова ЛГ, Морозова СА. Динамика религиозности населения и межконфессиональных отношений в Беларуси: с рабочего стола социолога. В: Ананьев ВЛ, Веремеева НП, Воднева АК, Данилов АН, Данилова ЕА. *Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005–2010 гг.)*. Ротман ДГ и др., редакторы. Минск: БГУ; 2011. с. 75–86.
12. The four waves of the European Values Study [Internet; cited 2019 March 13]. Available from: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/>.
13. Inglehart R, Haerpfer C, Moreno A, Welzel C, Kizilova K, Diez-Medrano J, et al., editors. World values survey: all rounds-country-pooled datafile version [Internet]. Madrid: JD Systems Institute; 2014 [cited 2019 March 13]. Available from: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>.
14. Криштанович АЕ, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2011 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2012 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 44–46. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/002.pdf>.
15. Криштанович АЕ, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2012 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2014 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 47–50. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/006.pdf>.
16. Дашкевич ВО, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2013 год [Интернет]. Минск: ИАЦ; 2014 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 84–87. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/007.pdf>.
17. Дашкевич ВО, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2014 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2015 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 100–103. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/008.pdf>.
18. Дашкевич ВО, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2016 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 111–118. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/009.pdf>.
19. Дашкевич ВО, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2017 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 99–108. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/010.pdf>.
20. Дашкевич ВО, редактор. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2017 год [Интернет]. Минск: Бизнесофсет; 2018 [процитировано 13 марта 2019 г.]. с. 55–64. Доступно по: <http://iac.gov.by/sbornik/011.pdf>.
21. Карасева СГ, Шкурба ЕВ. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация. *Социология*. 2012;3:123–133.

References

1. Dunaeva IN, Novikova LG, Dmitrovich NB, Artyukh SI. *Sotsiologicheskie issledovaniya, uchityvayushchie tendentsii religioznogo povedeniya naseleniya i tsennostnye orientatsii predstavitelei razlichnykh khristianskikh konfessii v period posle Chernobyl'skoi katastrofy* [Sociological studies of the tendencies in religious behavior of the population and value orientations of representatives of various Christian denominations in the period after the Chernobyl disaster]. Minsk: Belarusian State University; 1995. 49 p. Russian.
2. Novikova LG. [The main characteristics of the dynamics of religiosity of the population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:93–97. Russian.
3. Novikova LG. [Religious boom' in Belarus: myth or reality?]. *Sotsiologiya*. 1999;2:29–36. Russian.
4. Novikova LG. *Religioznost' v Belarusi na rubezhe vekov: tendentsii i osobennosti proyavleniya (sotsiologicheskii aspekt)* [Religiosity in Belarus at the turn of the centuries: trends and peculiarities of expression (sociological aspect)]. Minsk: BTM-inform; 2001. 132 p. Russian.

5. Novikova LG, Belaya EA. [About the specifics of the religious behavior of believers in the main Christian denominations in modern Belarus]. *Sotsiologiya*. 2006;4:140–150. Russian.
6. Pirozhnik II, Novikova LG, Ozem GZ, Morozova SA. [Belarus after the religious boom: what has changed?]. *Sotsiologiya*. 2006;4:46–55. Russian.
7. Pirozhnik II, Ozem GZ, Sidorenko VP, Morozova SA, Tarasенок AI. Social and geographical tendencies of change of religious structure of the population of Belarus. *Vestnik BGU. Seriya 2. Khimiya. Biologiya. Geografiya*. 2007;1:76–83. Russian.
8. Novikova LG. [Confessional features of mass religious culture in modern Belarus]. In: Proleskovskii OV, Osipov GV, editors. *Belarus' i Rossiya: sotsial'naya sfera i sotsiokul'turnaya dinamika* [Belarus and Russia: social sphere and sociocultural dynamics]. Minsk: Informatsionno-analiticheskii tsentr pri Administratsii prezidenta Respubliki Belarus'; 2009. p. 133–153. Russian.
9. Oziem GZ. Religious zoning of Belarus. *Vestnik BGU. Seriya 2. Khimiya. Biologiya. Geografiya*. 2008;1:90–95. Russian.
10. Oziem GZ. Social and geographical factors of development of the confessional structure of Belarus. *Vestnik BGU. Seriya 2. Khimiya. Biologiya. Geografiya*. 2009;3:82–87. Russian.
11. Novikova LG, Morozova SA. [The dynamics of the religiousness of the population and interfaith relations in Belarus: from the sociologist's desktop]. In: Anan'ev VL, Veremeeva NP, Vodneva AK, Danilov AN, Danilova EA. *Aktual'nye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva (2005–2010 gg.)* [Actual problems of the modern Belarusian society (2005–2010)]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 75–86. Russian.
12. The four waves of the European Values Study [Internet; cited 2019 March 13]. Available from: <http://www.european-valuesstudy.eu/>.
13. Inglehart R, Haerpfer C, Moreno A, Welzel C, Kizilova K, Diez-Medrano J, et al., editors. World values survey: all rounds-country-pooled datafile version [Internet]. Madrid: JD Systems Institute; 2014 [cited 2019 March 13]. Available from: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>.
14. Krishtanovich AE, editor [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2011] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2012 [cited 2019 March 13]. p. 44–46. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/002.pdf>. Russian.
15. Krishtanovich AE, editor [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2012] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2014 [cited 2019 March 13]. p. 47–50. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/006.pdf>. Russian.
16. Dashkevich OV, editor. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2013] [Internet]. Minsk: Informatsionno-analiticheskii tsentr pri Administratsii prezidenta Respubliki Belarus'; 2014 [cited 2019 March 13]. p. 84–87. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/007.pdf>. Russian.
17. Dashkevich OV, editor. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2014] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2015 [cited 2019 March 13]. p. 100–103. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/008.pdf>. Russian.
18. Dashkevich OV, editor. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2015] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2016 [cited 2019 March 13]. p. 111–118. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/009.pdf>. Russian.
19. Dashkevich OV, editor. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research in 2016] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2017 [cited 2019 March 13]. p. 99–108. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/010.pdf>. Russian.
20. Dashkevich OV, editor. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials for sociological research] [Internet]. Minsk: Biznesofset; 2018 [cited 2019 March 13]. p. 55–64. Available from: <http://iac.gov.by/sbornik/011.pdf>. Russian.
21. Karasseva SG, Shkurova EV. Multi-dimensional cross-confessional approach to study of religiosity in Belarus: actuality and conceptualization. *Sotsiologiya*. 2012;3:123–133. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.03.2018.
Received by editorial board 14.03.2018.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Георгий Михайлович
ЕВЕЛЬКИН

Georgii Mikhailovich
Evelkin

Известному белорусскому социологу и психологу, кандидату медицинских и доктору социологических наук, профессору Георгию Михайловичу Евелькину 5 мая исполнилось 75 лет. Наш юбиляр – человек с интересной и необычной для ученого биографией. Родился Георгий Михайлович в далеком г. Кандалакша Мурманской области в семье боевого летчика и медицинского работника. Познал нелегкую, но в чем-то романтическую жизнь в военных гарнизонах. После успешного окончания средней школы в Иркутске хотел стать физиком, а стал врачом: Г. М. Евелькин – выпускник Иркутского медицинского института. В этом же институте в 1972 г. успешно защитил диссертацию и стал кандидатом медицинских наук.

Так получилось, что главным делом в жизни Георгия Михайловича стала защита Родины: он служил в органах государственной безопасности, работал с курсантами в Институте национальной безопасности Республики Беларусь. В 1994 г. по результатам защиты диссертации ему была присвоена ученая степень доктора социологических наук и в этом же году – звание профессора. Г. М. Евель-

кин работал преподавателем, заведующим кафедрой психологии и социологии Института национальной безопасности Республики Беларусь; сейчас – профессор кафедры оперативной психологии. Везде Георгий Михайлович зарекомендовал себя как прекрасный педагог, грамотный и умелый специалист, пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди коллег и курсантов.

Дважды в жизни полковник и ученый Г. М. Евелькин работал в гражданских структурах: в 1996–2000 гг. руководил созданной им же негосударственной социологической службой «Ольхон», а с 2000 по 2009 г. являлся директором Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Как ученый, специализирующийся в области социальной психологии, социологии и психологии труда, методологии и методики изучения профессиональной деятельности, профессор Г. М. Евелькин разработал оригинальные методики многомерного шкалирования и обработки документов, позволяющие получать достоверную информацию в процессе исследования профессиональной социализации личности. Под научным руководством

и при непосредственном участии Георгия Михайловича выполнен ряд крупных социологических исследований по изучению социальных процессов и структурных изменений в белорусском обществе, трансформации научных кадров, результаты которых получили высокую оценку научной общности. Профессор Г. М. Евелькин подготовил 6 кандидатов наук. Он автор более 150 научных и научно-методических работ, в том числе 14 монографий (8 – индивидуальных) и 17 учебных пособий (9 – самостоятельных).

Георгий Михайлович – доброжелательный, справедливый и принципиальный эксперт. С 1998 по 2004 г. он возглавлял экспертный совет Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по социологическим и политическим наукам, долгое время руководил советом по защите докторских диссертаций при Институте социологии Национальной академии наук Беларуси, входил в состав докторского совета. В настоящее время Г. М. Евелькин является членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь

по философским, социологическим и политическим наукам, председателем в одном из советов по защите диссертаций при Институте национальной безопасности Республики Беларусь, часто приглашался в качестве рецензента, эксперта при рассмотрении научных отчетов по государственным программам. Профессор Г. М. Евелькин входит в состав Международной междисциплинарной ассоциации «Человек. Культура. Общество» (Москва), правления Белорусского общественного объединения «Социологическое общество», редакционные коллегии и советы профессиональных изданий.

В этом элегантном, всегда по-спортивному подтянутом, приветливом человеке так много искреннего участия, стремления в трудную минуту прийти на помощь и без страха за собственное будущее подставить дружеское плечо! Крепкого Вам здоровья, новых научных свершений, достойных учеников! И главное – радости жизни на долгие годы.

*А. Н. Данилов*¹

Анатолий Геннадьевич ЗЛОТНИКОВ

Anatolii Gennad'evich
Zlotnikov

16 мая исполнилось 75 лет кандидату экономических наук, доценту Анатолию Геннадьевичу Злотникову – известному белорусскому социологу и демографу, профессору Белорусского торгового-экономического университета потребительской

кооперации (г. Гомель). Так сложилось, что вся жизнь А. Г. Злотникова, ученого и гражданина, посвящена социолого-демографическому осмыслению социальной действительности, исследованию антропологических последствий постчернобыль-

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ских рисков, обоснованию условий, необходимых для долголетия и здоровья людей.

Жизненный путь самого Анатолия Геннадьевича типичен для советского человека. Опаленное войной детство (отец, рядовой гвардии Геннадий Григорьевич Злотников, погиб смертью храбрых 2 августа 1944 г. при освобождении Латвии), послевоенное братство открыли ему и то необыкновенное чувство свободы, открытости человеческих чувств, даже некую прямолинейность в отношениях и браваду более сильного. Коренной гомельчанин из простой рабочей семьи, Анатолий Злотников познал на собственном опыте все трудности жизни и уже в детстве получил суровую закалку на будущее: рано пришлось взвалить на себе заботы о семье, своих младших братьях и сестрах. В жизни Анатолию Геннадьевичу приходилось всего добиваться самому, и рассчитывать он мог только на себя. Всегда много трудился, не чураясь любой, даже самой тяжелой работы, рано почувствовал ответственность не только за себя, но и за других. И этот свой тяжелый крест лидера Анатолий Геннадьевич достойно несет через всю свою жизнь. На него всегда можно положиться во всем. В трудную минуту он не подведет и не бросит на произвол судьбы своего друга.

Анатолий Злотников окончил среднюю школу № 25 г. Гомеля. Учился хорошо, был победителем областных и участником республиканских математических олимпиад. Он всегда хотел получить высшее образование. Его, как победителя математических олимпиад, приглашали поступать на математический факультет БГУ, но душа Анатолия Геннадьевича лежала к гуманитарным наукам, а там приоритет отдавался абитуриентам со стажем работы не менее двух лет. Он пошел работать, служил срочную службу в составе Группы советских войск в Германии. Здесь раскрылся его организаторский талант. Анатолий Геннадьевич уволился в запас заместителем командира взвода в звании старшего сержанта. Затем работал фрезеровщиком на заводе «Гомсельмаш». В 1967 г. А. Г. Злотников поступил на отделение философии исторического факультета БГУ. Социально зрелый молодой человек, с рабочей закалкой и армейским опытом, активной жизненной позицией, Анатолий Геннадьевич с головой окунулся в незнакомую ему университетскую среду. С первого курса его назначили старостой, и, надо отдать ему должное, он всегда много и напряженно работал, но при этом своими былыми заслугами никогда не кичился. Да и в студенческой среде шкала ценностей была иной: здесь больше ценился интеллект, знания по избранной специальности. Белорусский государственный университет Анатолий Злотников окончил в 1972 г. с отличием. Такова его натура, и от этого не уйдешь...

Размышляя над биографией Анатолия Геннадьевича, понимаешь, что жизнь как бы готовила его к профессии социолога: он был человеком социально зрелым, способным адекватно воспринимать многообразные проблемы, которые таит в себе современное общество. Свою профессиональную карьеру молодой специалист Анатолий Злотников начал с работы социологом на старейшей в Беларуси Витебской швейной фабрике «Знамя индустриализации». Позже он перешел исключительно на научно-преподавательскую работу. Он и предполагал, что ему в будущем весь этот опыт будет необходим. В 1974–1975 гг. А. Г. Злотников – научный сотрудник Научно-исследовательского института экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР (ныне – Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь), в 1975–1982 гг. – научный сотрудник гомельского отделения этого института. С 1982 г. и по настоящее время А. Г. Злотников работает в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации (до 2001 г. – Гомельский кооперативный институт). Занимал должности доцента кафедры философии, а также кафедры права и управления, заведующего кафедрой теории кооперации и социологии, доцента кафедры статистики, ныне – профессором кафедры права и экономических теорий.

Анатолий Геннадьевич находится в постоянном поиске, в пути (в прямом смысле этого слова). Он любит общение, перемену мест, динамику, а его открытость, общительность и житейская мудрость вместе с отзывчивостью и участием притягивают людей. Он знает цену крепкой мужской дружбе и дорожит ею всегда. Анатолий Геннадьевич счастлив в семье, гордится своими детьми, которые продолжают его дело. Еще при СССР его природная любознательность, смелость общения открыли перед молодым ученым новые горизонты для научного поиска. В 1978 г. А. Г. Злотников в числе первых белорусских социологов защитил кандидатскую диссертацию в Институте социологических исследований Академии наук СССР (Москва) по специальности «прикладная социология». Тема диссертации – «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленных предприятий (на материалах промышленных городов Белорусской ССР)». Научным руководителем был доктор философских наук, профессор И. И. Чангли. Сегодня у нашего юбиляра около 400 научных и научно-методических публикаций, в том числе около десятка монографий и брошюр, выход которых всегда вызывает повышенный интерес у специалистов.

Как в жизни, так и в науке А. Г. Злотников всегда остается решительным и смелым. Он организатор масштабных научных проектов национального

масштаба, первым из отечественных социологов начал изучать социальные последствия аварии на Чернобыльской АЭС и продолжает эту работу до сих пор, выполняя все новые темы государственной комплексной программы научных исследований Республики Беларусь, достойно продолжает дело своего друга и наставника, классика белорусской демографии Андрея Андреевича Ракова, занимаясь социолого-демографическим осмыслением социальной жизни современного общества. С 2005 г. Анатолий Геннадьевич постоянно руководит темами по демографическим проблемам в рамках ГПФИ, ГКПНИ, ГПНИ при поддержке БРФФИ. В 2012 г. А. Г. Злотников был удостоен именной

президентской стипендии, имеет почетную грамоту Государственного комитета по науке и технологиям.

Поразительно, но А. Г. Злотникову всегда и на все хватает времени. Он остается востребованным и как исследователь, и как преподаватель. Не в его натуре почивать на лаврах. Он и сегодня не сбавляет темпа и показывает пример своим молодым коллегам, как надо жить и работать, чтобы многое успевать и быть всегда востребованным.

Дорогой Анатолий Геннадьевич, с юбилеем! Здоровья, счастья, успехов...

А. Н. Данилов¹, Д. Г. Ротман², С. А. Шавель³

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

²Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Researches, Belarusian State University.

³Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher at the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 3(075.4)

Кузьмина Т. Н. Обществоведение [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для иностр. граждан, осваивающих образоват. прогр. подгот. к поступлению в учреждения высш. (ср.-спец.) образования : для профилей обучения: гуманитар., междунар. отношения, правоведение / Т. Н. Кузьмина, П. Л. Сырокваш ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 145 с. : табл. Библиогр.: с. 133–135, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/219346>. Загл. с экрана. Деп. 14.05.2019, № 006014052019.

Электронный учебно-методический комплекс по обществоведению адресован иностранным слушателям факультета доуниверситетского образования. Изучение курса поможет им сформировать основы знаний на русском языке по данной дисциплине, будет способствовать более качественной их подготовке к дальнейшей учебе в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Институционализация профессионального социологического образования в Беларуси: истоки и перспективы	4
--	---

КРУГЛЫЙ СТОЛ

<i>Данилов А. Н., Зеленков А. И., Рубанов А. В., Бобр А. М., Легчилин А. А., Ротман Д. Г., Терещенко О. В.</i> Факультет философских и социальных наук в моем сердце: 30 лет развития и созидания	14
---	----

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Смирнов В. Э.</i> Государство как субъект регулирующего воздействия на развитие экономики: возможности и ограничения (социологический анализ).....	26
<i>Шавель С. А.</i> Неэкономические факторы системного развития общества в контексте сферного подхода	36
<i>Погосян В. Г.</i> К теоретическим основаниям исследовательских стратегий	50
<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> Категория современной социальной теории	57

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Витязь П. А., Щербин В. К.</i> Современная технонаука: механизм функционирования и организационные отличия	66
<i>Вятр Ежи.</i> Кризис либеральной демократии в XXI в.: сравнительная перспектива.....	79
<i>Михайловский В. С.</i> Академический неомарксизм: научная аутентичность или парадигмальная утопия?	85
<i>Шимов В. В.</i> Мировоззренческие истоки национальной политики большевиков	93

ДИСКУССИЯ

<i>Шамякина М. В.</i> Опыт изучения социальных процессов на материале повести братьев Стругацких «Хищные вещи века»	98
<i>Поликарпов В. А., Алешкевич С. И.</i> Криминальный интеллект	111

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> «Слышу голос из прекрасного далека»: феномен Овидианского возрождения в западноевропейской культуре	116
--	-----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Лашук И. В.</i> Конструктивистские интерпретации общества в западной социологии	124
<i>Белов А. А.</i> Устойчивость пенсионной системы Республики Беларусь в контексте демографических тенденций	130
<i>Шкурóва Е. В.</i> Опыт исследований религиозности в белорусской среде: социологические подходы	139

ЮБИЛЕИ

Георгий Михайлович Евелькин	149
Анатолий Геннадьевич Злотников	150
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	153

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Institutionalization of professional sociological education in Belarus: origins and prospects	4
--	---

ROUND TABLE

<i>Danilov A. N., Zelenkov A. I., Rubanau A. V., Bobr A. M., Liahchylin A. A., Rotman D. G., Tereschenko O. V.</i> Faculty of philosophy and social sciences in my heart: 30 years of development and creation.....	14
---	----

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Smirnov V. E.</i> The state as a subject of regulatory impact on the development of the economy: opportunities and limitations (sociological analysis)	26
<i>Shavel S. A.</i> Non-economic factors of system developing the society in the context of the sphere approach.....	36
<i>Pogosyan V. G.</i> To the theoretical bases of research strategies.....	50
<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> The category of contemporary social theory	57

ARTICLES AND REPORTS

<i>Vityaz P. A., Shcherbin V. K.</i> Modern technoscience: mechanism of operation and organizational differences	66
<i>Vyatr Jerzy.</i> The crisis of liberal democracy in the XXI century – a comparative perspective	79
<i>Mikhailouski V. S.</i> Academic neo-Marxism: scientific authenticity or paradigmatic utopia?	85
<i>Shimov V. V.</i> World outlook origins of the national policy of bolsheviks.....	93

DISCUSSION

<i>Shamiakina M. V.</i> A case study of social processes in a novel «Predatory things of the century» by the Strugatsky brothers	98
<i>Polikarpov V. A., Aleshkevich S. I.</i> Criminal intelligence.....	111

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> «I hear a voice from a beauteous far away»: the phenomenon of Ovidian Renaissance in Western European culture	116
--	-----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Lashuk I. V.</i> Constructivist interpretation of society in western sociology	124
<i>Belov A. A.</i> Stability of the pension system of the Republic of Belarus in the context of demographic tendencies.....	130
<i>Shkurova A. V.</i> Experience in the study of religiosity in the Belarusian environment: sociological approaches	139

JUBILEES

<i>Georgii Mikhailovich Evelkin</i>	149
<i>Anatolii Gennad'evich Zlotnikov</i>	150
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	153

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Т. В. Мейкшане, А. С. Люкевич, С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 27.06.2019.
Тираж 150 экз. Заказ 248.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *T. V. Meikshane, A. S. Lyukevich, S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 27.06.2019.
Edition 150 copies. Order number 248.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019